

Handwritten text on a small, torn piece of paper, possibly a label or note, located in the upper left corner of the page. The text is illegible due to the damage and fading.

99
2012

И-502
XI

Мисо

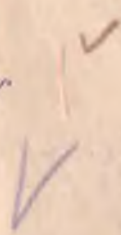
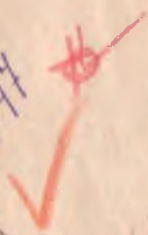
И-ХI

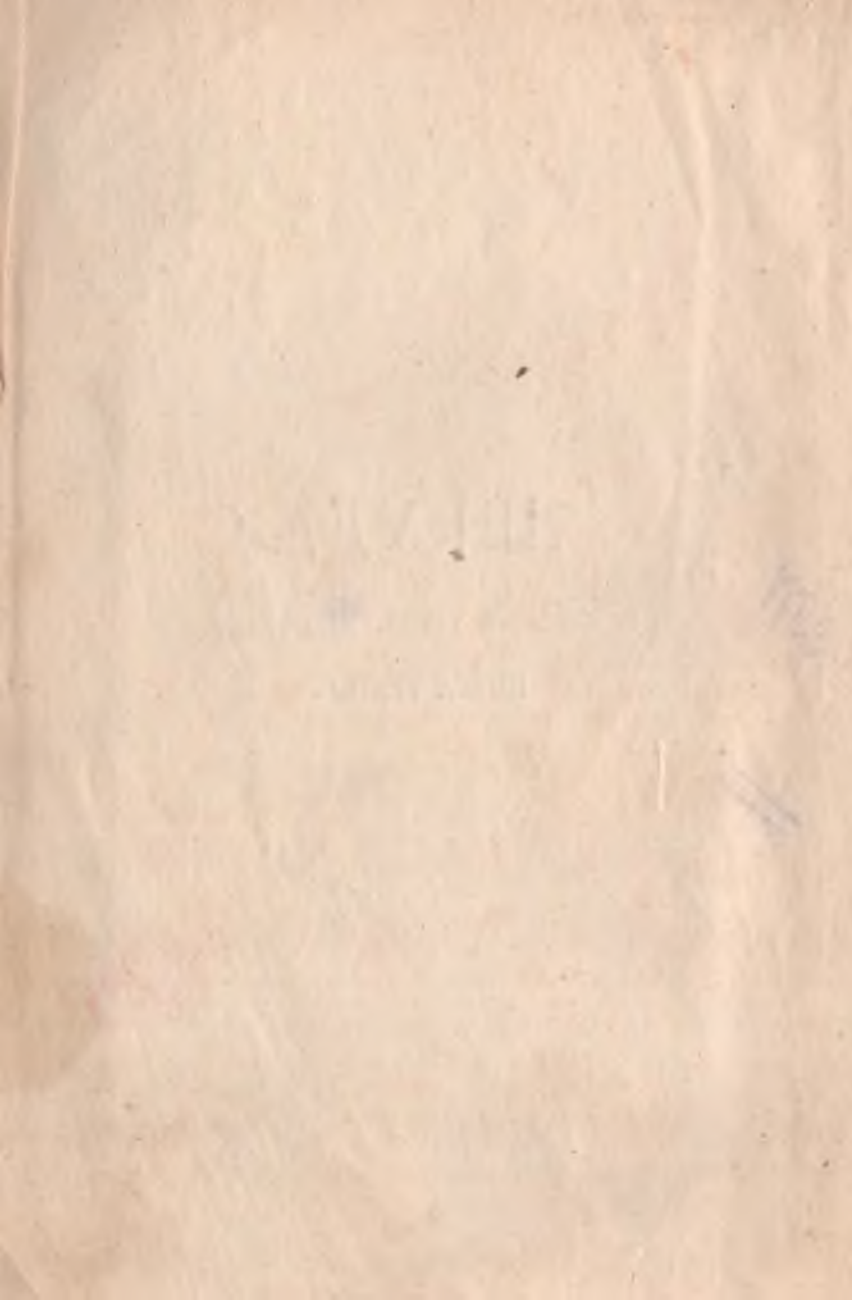
НЕКУДА.

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ КНИЖКАХЪ.

КНИГА ТРЕТЪЯ.

кн. 2944
604
~~2946~~

КНИГА ТРЕТЬЯ. НА НЕВСКИХЪ БЕРЕГАХЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Старые знакомые на новой почвѣ.

Прошло два года. На дворѣ стояла сырая, несчастная осень; сѣрые петербургскіе дни смѣнялись темными холодными ночами; столица была неопрятна и видъ ея неспособенъ былъ плѣнять ничего воображенія. Но какъ ни безотрады были въ это время картины людныхъ мѣстъ города, онѣ не могли дать и самаго слабаго понятія о впечатлѣніяхъ, производимыхъ на свѣжаго человѣка видами пустырей и безконечныхъ заборовъ, огораживающихъ болотистыя улицы одного изъ печальнѣйшихъ угловъ Петербургской Стороны.

По одной изъ такихъ пустынныхъ улицъ, часу въ двѣнадцатомъ самаго ненастнаго дня, по ступицу въ жидкой, болотистой грязи плыли маленькія одномѣстныя дрожечки, запряженныя парюю бойкихъ, рыженькихъ шведокъ. Толстенькія, крѣпкія лошадки съ тщательно переваленными гривками и ловко подвизанными куколкою хвостами; хорошая упряжь и хорошій кожанный армякъ кучера давали чувствовать, что это собственныя, хозяйскія лошадки, а спокойное вниманіе, съ которымъ сѣдокъ глядѣлъ черезъ пристяжную впередъ и предостерегалъ кучера при объѣздахъ затопленныхъ камней и водомоинъ, въ одно и то же время позволяли догадываться, что этотъ сѣдокъ есть самъ владѣлецъ шведокъ и экипажа, и что ему какъ пять паль-

цевъ собственной руки знакомы подводные камни и бездонныя пучины этого угла Петербургской Стороны. Лицо этого господина было неудобно разсмотрѣть, потому что, защищаясь отъ досадливо бьющей въ лицо мги, онъ почти до самыхъ глазъ закрывалъ себя поднятымъ воротникомъ камлотовой шинели; но по бодрости, съ которою онъ держится на балансирующей эгоисткѣ, видно, что онъ еще силенъ и молодъ. На немъ, какъ выше сказано, непромокаемая камлотовая шинель, высокіе юхтовые сапоги, какіе часто носятъ студенты, и форменная фуражка съ кокардою.

Прыгая съ тряской взбуравленной мусорной насыпи въ болотистыя колдобины и потомъ тащась безконечною половою жидкой грязи, дрожки повернули изъ пустынной улицы въ узенькій кривой переулочекъ, потомъ не безъ опасности повернули за уголъ и остановились въ началѣ довольно длиннаго пустого переулка. Далѣе невозможно было ѣхать по переулку, представлявшему сплошное болото, гдѣ пролегла только одна узенькая полоска жидкой грязи, обозначающая проѣзжую дорожку, и на этой дорожкѣ стояли три воза, наполненные диванчиками, стульями, ширмами и всякимъ домашнимъ скарбомъ, плохо покрытымъ изодранными извозчичьими рогожами, не защищавшими мебель отъ всюду проникающей осенней мги.

Около остановившихся подводъ вовсе не было видно ни одного человѣка. Только впереди слышались неистовыя ругательства, хлопанье кнутевъ и отчаянные возгласы, заглушавшіе сердитые крики кучера, требовавшаго дороги.

Человѣкъ, ѣхавшій на дрожкахъ, привсталъ, посмотрѣлъ впереди и, спрыгнувъ въ грязь, пошелъ къ тому, что на подобныхъ улицахъ называется «тротуарами». Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по тротуару, онъ увидалъ, что передняя лошадь обоза лежала, барахтаясь въ глубокой грязи. Около несчастнаго животнаго, крича и ругаясь, суетились извозчики, а въ сторонкѣ, немножко впереди этой сцены, прислонясь къ заборчику, сидѣла на корточкахъ старческая женская фигура въ ватонникѣ и съ двумя узелками въ бѣлыхъ носовыхъ платкахъ.

— Что жъ теперь будемъ дѣлать, ребята?—крикнулъ извозчикамъ проѣзжіи.

Мужики оглянули его недовольнымъ взглядомъ, крикнули, и кнутыя опять засвистали.

Старушка, сидѣвшая подѣ заборомъ, встала, взяла свои узелочки и, подойдя къ проѣзжему, остановилась отъ него въ двухъ шагахъ. Проѣзжій на мгновеніе обернулся къ старушкѣ, посмотрѣлъ на торчавшій изъ узелка бѣлый носикъ фарфороваго чайника, сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе плечами и опять обернулся къ извозчикамъ, немилосердно лупившимъ захлебывающуюся въ грязи клячу.

— Что я васъ хочу спросить, батюшка, ваше высокоблагородіе,—начала тихонько старушка, относясь къ проѣзжему.

— Что, матушка, говорите?—отвѣчалъ тотъ, быстро обернувшись къ старушкѣ.

— Извините, пожалуйста, сударь, но Дмитрій ли Петровичъ Розановъ вы будете?

— Няня! Абрамовна!—вскрикнулъ Розановъ.

— Я же, батюшка; я, другъ ты мой милый!

— Откуда ты?

Розановъ обнялъ и радостно нѣсколько разъ поцѣловалъ старуху въ ея сморщенныя и влажныя отъ холодной мги щеки.

— Какими ты здѣсь судьбами?—разспрашивалъ Абрамовну Розановъ.

— А вотъ, видишь, на квартиру, батюшка, переѣзжаемъ.

— Куда это?

— Да вотъ, вонъ видишь, вонъ въ тотъ домъ.

Старуха костлявою рукою указала на огромный, старый, весьма запущенный домъ, одиноко стоящій среди тянущагося по переулку безконечнаго забора.

— Кто жъ тутъ изъ вашихъ?

— Одна барышня.

— Лизавета Егоровна?

— Да съ нею я. Вотъ ужъ два года какъ я здѣсь съ нею. Господи, твоя воля! вотъ радость-то Богъ послалъ. Я ужъ про тебя спрашивала - спрашивала, да и спрашивать перестала.

— Что жъ это вы однѣ здѣсь?

— Да то-жъ, вотъ все, какъ и знаешь, какъ и прежде бывало: моркотно молоденькой,—нигдѣ мѣста не найдемъ.

— Ну, а Егоръ Николаевичъ?

— Приказалъ тебѣ, сударь, долго жить.

— Умеръ!

— Скончался; упокой его Господи! Его-то волю соблюдаючи, только здѣсь и мычусь на старости лѣтъ.

Розановъ внимательно посмотрѣлъ въ глаза старухи: видно было, что ей очень не по себѣ.

— Ну, а Софья Егоровна? — спросилъ онъ ее спокойно.

— Замужъ вышла, — отвѣчала старуха, смаргивая набѣгающую на глаза слезу.

— За кого жъ она вышла?

— За гаціанта одного вышла, тутъ на своей дачѣ жили, — тихо объяснила старуха, продолжая управлять съ слезою.

— А Ольга Сергѣевна?

— Все примерло: черезъ полгодачка убралась за покойникомъ. — Ну, а вы же какъ, Дмитрій Петровичъ?

— Вотъ, живу, няня.

— Вы зайдите къ моей-то, — зайдите. Она рада будетъ.

— Гдѣ же теперь Лизавета Егоровна?

— Да вотъ въ этомъ же домѣ, — отвѣчала старуха, указывая на тотъ же угрюмо-смотрящій домъ. — Рада будетъ, моя-то, — продолжала она убѣждающимъ тономъ. — Поминали мы съ ней про тебя не разъ; сбили вѣдь ее: охъ, разумъ нашъ, разумъ нашъ женскій! Зайди, батюшка, утѣшь ты меня, старуху, поговори ты съ ней! Можетъ, она тебя въ чемъ и послушаетъ.

— Что ты это, няня!

— Охъ, такъ... и не говори лучше... что наша только за жизнь, — одурь возьметъ въ этой жизни.

Абрамовна тихо заплакала.

Розановъ тихо сжалъ старуху за плечо и, оставивъ ее на мѣстѣ, пошелъ по тротуару къ уединенному дому.

— Смотри же, зайди къ моей-то, — крикнула ему вслѣдъ няня, поправляя выползавшій изъ ея узелочка чайникъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Domus.

Домъ, къ которому шелъ Розановъ, нѣсколько напоминалъ собою и покинутыя барскіи хоромы, и острогъ, и складочный пакгаузъ, и богадѣльню. Сказано уже, что онъ одинъ-одинѣшенекъ стоялъ среди пустынного, болотистаго переулка и не то уныло, а какъ-то озлобленно смотрѣлъ на окружающую его грязь и сѣрые заборы. Домъ этотъ былъ построенъ въ царствованіе императрицы Анны Ивановны и правленіе приснопамятнаго Россіи герцога Курляндскаго. Архитектура дома какъ нельзя болѣе хранила

характеръ своего времени. Это было довольно длинное и несоразмѣрно высокое каменное строеніе, несмотря на то, что въ немъ было два этажа съ подваломъ и мезониномъ во фронтонѣ. Весь домъ былъ когда-то густо выбѣленъ мѣломъ, но побѣлка на немъ отстала и обнаружила огромныя пятна желтобурой охры. Крыша на домѣ была изъ почернѣвшихъ отъ времени черепицъ.

По низу, почти надъ самымъ тротуаромъ, въ домѣ было прорѣзано девять узкихъ параллелограммовъ, безъ стеколъ, но съ крѣпкими желѣзными рѣшетками, скрѣпленными кольчатою вязью. Надъ этимъ подвальнымъ этажемъ, аршина на два вверхъ, начинался другой, уже жилой этажъ, съ оконными рамами, до которыхъ тоже нельзя было дотронуться иначе, какъ сквозь крѣпкія желѣзныя рѣшетки. Опять вверхъ, гораздо выше перваго жилого этажа, шелъ второй, въ которомъ только въ пяти окнахъ были желѣзныя рѣшетки, а четыре остальные съ гражданскою самоувѣренностью смотрѣли на свѣтъ Божій только одними мелкошибчатыми дубовыми рамами съ зеленоватыми стеклами. Еще выше надъ всѣмъ этимъ возвышался выстунавшій изъ крыши фронтонъ съ однимъ полукруглымъ окномъ, въ которомъ хотя и держалась дубовая рама съ остатками разбитыхъ зеленоватыхъ стеколъ, но теперь единственное противодѣйствіе вѣтрамъ и непогодамъ представляла снова часто повторяющаяся съ уличной стороны этого дома желѣзная рѣшетка. Въ самомъ нижнемъ, такъ сказать, въ подземномъ этажѣ дома, шли огромные подвалы, развѣтвлявшіеся подъ всѣмъ строеніемъ и представлявшіе собою огромныя удобства для всякихъ хозяйственныхъ сбереженій и для изученія неэкономности построекъ минувшаго періода въ архитектурномъ отношеніи. Здѣсь, кромѣ камеръ съ дырами, выходившими на свѣтъ Божій, шелъ цѣлый лабиринтъ, въ который лучъ солнечнаго свѣта не западалъ съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній кирпичъ заключилъ собою тяжелые своды этихъ подземныхъ норъ. Въ нѣкоторыхъ стѣнахъ этихъ вѣчно-темныхъ погребовъ были вдѣланы толстыя желѣзныя кольца подъ впадинами, въ половинѣ которыхъ выдавались каменные уступы. Къ этимъ кольцамъ древнее боярство присаживало когда-то подневольныхъ ему холопей. Это были пыталыныя, которыя человекъ, пишущій эти строки, видѣлъ назадъ тому лѣтъ около пяти,—пытальныя, въ которыя не

западалъ лучъ солнца. По мокрому, давно залившему грязью плитяному полу этого этажа давно не ступала ничья нога, и только одно холодное шлепанье медленно скачущихъ по немъ изузатыхъ жабъ нарушало печальное безмолвіе этого подземелья. Первый жилой этажъ представлялъ нѣсколько иное зрѣлище. Сюда вели два входа. Одинъ тотчасъ изъ воротъ, по каменному безобразному крыльцу съ далеко выдающимся навѣсомъ велъ въ большія комнаты, удобныя скорѣе для солдатской швалъни, чѣмъ для жилого помѣщенія. Съ другого крылечка можно было войти въ огромную низкую кухню, соединявшуюся съ рядомъ меньшихъ покоевъ перваго этажа. Всѣхъ комнатъ здѣсь было восемь и половина изъ нихъ была темныхъ. Въ двухъ комнатахъ, примыкавшихъ къ кухнѣ, вовсе не было оконъ: это были не то кладовыя, не то спальни. Этажъ этотъ вообще производилъ тяжелое впечатлѣніе, свойственное виду пустыхъ казармъ.

Изъ просторныхъ сѣней этого этажа шла наверхъ каменная лѣстница безъ перилъ и съ довольно выбитыми кирпичными ступенями. Наверху тоже было восемь комнатъ, представлявшихъ гораздо болѣе удобства для жилого помѣщенія. Весь домъ окруженъ былъ просторнымъ заросшимъ травою дворомъ, на заднемъ планѣ котораго тянулась нѣкогда окрашенная, но нынѣ совершенно полинявшая рѣшетка, а за рѣшеткой былъ старшій, но весьма негустой садъ.

Домъ этотъ лѣтъ двѣнадцать былъ въ спорномъ искѣ и стоялъ пустой; а потому, на каждомъ кирпичѣ, на каждомъ кускѣ штукатурки, на каждомъ верхкѣ двора и сада, здѣсь лежала печать враждебнаго заустѣнія.

Розановъ, подойдя къ калиткѣ этого дома, искалъ звонка, но никакого признака звонка не было. Докторъ отошелъ немного въ сторону и посмотрѣлъ въ окно верхняго этажа. Сквозь давно немытыя стекла на нѣкоторыхъ окнахъ видны были какіе-то узлы и подушки, а на одномъ можно было отличить двѣ женскія фигуры, сидѣвшія спиною къ улицѣ.

Розановъ, постоявъ съ минутою, опять вернулся къ калиткѣ и крѣпко толкнулъ ее ногою. Калитка быстро отскочила и открыла передъ Розановымъ большой мокрый дворъ и сѣрый мрачный подъѣздъ, съ растворенными настежь желтыми дверями.

Розановъ взошелъ на крыльцо, взглянулъ въ отворенную дверь нижняго этажа и остановился. Все тихо. Онъ опять подумалъ на мгновеніе и съ нарочитымъ стукомъ сталъ подниматься по лѣстницѣ.

Вверху лѣстницы была довольно широкая платформа, высланная дурно отесанными плитами; одна узенькая дверь, выбѣленная мѣломъ, и другая, обитая войлокомъ и старою поспенною клеенкою.

Розановъ отворилъ дверь, обитую поспенною клеенкою.

Передъ нимъ открылась довольно большая и довольно темная передняя, выкрашенная сѣрбою краскою. Прямо противъ входной двери видѣлся длинный коридоръ, а влѣво была отворена дверь въ большую залу. Въ залѣ лежало нѣсколько огромныхъ узловъ, увязанныхъ въ простыни и ватныя одѣяла. На одномъ изъ оконъ этой комнаты сидѣли двѣ молодыя женщины, которыхъ Розановъ видѣлъ сквозь стекла съ улицы; обѣ онѣ курили папироски и болтали подъ платьями своими ногами; а третья женщина, тоже очень молодая, сидѣла въ углу на полу надъ тростниковою корзиною и намазывала масломъ ломоть хлѣба стоящему возлѣ нея пятилѣтнему мальчику въ изорванной бархатной поддевкѣ.

Сидѣвшія на окнѣ женщины, при появленіи Розанова въ открытой передъ ними передней, не сдѣлали ни малѣйшаго движенія и не сказали ни слова.

Розановъ бросилъ на каминъ передней свою непромокаемую шинель и тихо вошелъ въ залу.

— Извините, — началъ онъ, обращаясь къ сидѣвшимъ на окнѣ дамамъ: — мнѣ сказали, что въ эту квартиру переѣзжаетъ одна моя знакомая, и я хотѣлъ бы ее видѣть.

Дама, приготовлявшая бутербродъ для ребенка, молча оглянулась на Розанова, и сидящія на окнѣ особы женскаго пола тоже смотрѣли на него самымъ равнодушнымъ взглядомъ, но не сказали ни слова, давая этимъ чувствовать, что относящійся къ нимъ вопросъ недостаточно ясно формулированъ и въ такой редакціи не обязываетъ ихъ къ отвѣту.

— Я желалъ бы видѣть Лизавету Егоровну Бахареву, — пояснилъ, стоя въ прежнемъ положеніи, Розановъ.

— Пошлите сюда Бахареву, — крикнула въ сосѣднюю дверь одна изъ сидящихъ на окнѣ дамъ и, стряхнувъ мизинцемъ пепель своей папироски, опять замолчала.

Розановъ молча отошелъ къ другому окну и сталъ смотрѣть на грязную улицу.

— Кто зоветъ Бахареву?—спросилъ новый голосъ.

Розановъ оглянулся и на порогѣ дверей залы увидѣлъ Бертольди. Она почти нисколько не измѣнилась: тѣ же короткіе волосы, то же неряшливое наряде, только развѣ въ глазахъ виднѣлось еще больше суетной самоувѣренности, довольства собою и сознанія достоинствъ окружающей ее среды.

— Здравствуйте, Бертольди,—произнесъ докторъ.

— Ахъ, Розановъ! вотъ встрѣча!

— Неожиданная?

— Да. Вы хотите видѣть Бахареву. Я скажу ей сейчасъ. Бертольди повернулась и исчезла.

Розановъ видѣлъ, что Бертольди что-то какъ будто неловко, и, повернувшись опять къ окну, сталъ опять смотрѣть на улицу.

Черезъ двѣ минуты въ комнату вошла Лиза и сказала:

— Здравствуйте, Дмитрій Петровичъ!

Розановъ радостно сжалъ ея руки и ничего ей не отвѣтилъ.

— Какъ давно...—начала-было Лиза.

— Очень давно, Лизавета Егоровна,—подтвердилъ докторъ.

— Какъ это вы вспомнили...

— Я никогда не забывалъ,—отвѣчалъ Розановъ, снова сжавъ ея руки.

— Ну, пойдемте ко мнѣ, въ мою комнату; я нездорова и, кажется, совсѣмъ разболѣюсь съ этою перевозкою.

— Вы очень перемѣнились,—замѣтилъ Розановъ.

— Худѣю, старѣюсь?

— Не стану лгать,—и похудѣли, и постарѣли.

— Часто хвораю,—отвѣчала спокойно Лиза и, еще разъ позвавъ за собою Розанова, пошла впереди его черезъ переднюю по коридору.

Вдоль темнаго коридора Розановъ замѣтилъ нѣсколько дверей влѣво и, наконецъ, вошелъ за Лизою въ довольно большую комнату, окрашенную желтою краскою.

Въ этой комнатѣ стоялъ старенькій, вѣроятно, съ какого-нибудь чердачка спесенный столикъ, за которымъ, стоя, ѣли изъ деревянной чашки три прехорошенькія горничныя дѣвушки. Съ ними вмѣстѣ помѣщался на бѣлой деревянной табуреткѣ, обѣдалъ и, повидимому, очень ихъ смѣшилъ молодой человекъ въ коричневомъ, домашнемъ архалучкѣ.

Проходя мимо трапезующихъ, Розановъ взглянулъ на молодого господина и, остановясь, вскрикнулъ:

— Ба, Бѣлорцевъ!

Бѣлорцевъ положилъ на столъ ложку, медленно приподнялся, обтеръ усики и, направляясь къ Розанову, произнесъ съ достоинствомъ:

— Здравствуйте, Дмитрій Петровичъ.

— Какими вы судьбами здѣсь?

— И волей, и неволей, и своей охотой, батюшка Дмитрій Петровичъ,—отвѣчалъ Бѣлорцевъ шутя, но съ тѣмъ же достоинствомъ.—Вы къ Лизаветѣ Егоровнѣ идете?

— Да,—отвѣчалъ Розановъ.

— Ну, тамъ мы увидимся, — произнесъ онъ, пожимая руку Розанова.

Докторъ направился въ дверь, которою вышла Лиза.

Здѣсь опять ему представился новый коридоръ съ четырьмя дверями и въ одной изъ этихъ дверей его ожидала Лиза.

— Что это, Лизавета Егоровна? — недоумѣвая спросилъ шопотомъ Лизу Розановъ.

— Что?—переспросила его она.

— Какъ эта... тутъ что же?.. Ваша комната?

— Да, это моя комната: входите, Дмитрій Петровичъ.

— Вы тутъ какъ же? ванимаете, что ли?

— Да, нанимаю.

— Со столомъ?

— Да...

— Что вы такъ далеко забрались?

— Отъ чего же далеко?

— Ну, отъ города.

— А что мнѣ городъ?

— И дорого платите здѣсь?

— Нѣтъ, очень дешево. Мы наняли весь этотъ домъ за восемьсотъ рублей въ годъ.

— На что же вамъ весь домъ? — спросилъ съ удивленіемъ Розановъ.

— Жить,—отвѣчала ему, улыбаясь, Лиза.

— Да; но кто же вашъ хозяинъ?.. у кого вы здѣсь живете?

— Сами у себя. Что это васъ такъ удивляетъ?

— Да кто же у васъ хозяинъ?

— Ахъ, никто особенно не хозяинъ и, если хотите. всѣ

хозяева. Будто ужъ безъ особеннаго агтрепенера и жить нельзя!

— Лиза!—позвала, отворивъ дверь, Бертольди:—скажите, не у васъ ли я оставила списокъ вопросовъ?

— Не знаю,—въ такомъ хаосѣ ничего не замѣтишь; поищите,—лѣниво проговорила, оглядываясь по комнатѣ, Лиза.

Бертольди впрхнула въ комнату и начала рыться на окнѣ.

— Ну, что, какъ вы нынче живете, mademoiselle Бертольди?—спросилъ ее Розановъ.

— Весьма хорошо,—отвѣчала она.

— Надъ чѣмъ работаете?

— Надъ собою.

— Почтенное занятіе.

— А вы давно въ Петербургѣ? — обратился Розановъ къ Лизѣ.

— Да вотъ уже третій годъ.

— Удивительное дѣло: никогда и не встрѣтились. Вы гдѣ же жили?

— Въ разныхъ сторонахъ, Дмитрій Петровичъ.

— Пана вашъ умеръ?

— Умеръ.

— Ну, а матушка, а сестра?

— Сестра вышла замужъ и, кажется, здѣсь теперь.

— А вы не видите?

— Нѣтъ, не видаемся.

— За кого же вышла Софья Егоровна?

— За какого-то австрійскаго барона Альтерьона.

— Хорошій человекъ?

— Не видала я его.

— Ну, а мать Агнія?

— Тетка жива.

— И болѣе ничего о ней не знаете?

— Ничего не знаю.

— Кто это такая, Лиза, мать Агнія?—спросила Бертольди.

— Сестра моего отца.

— Что она, монахиня?

— Да.

— Какихъ антиковъ у васъ нѣтъ въ родствѣ!

Лиза ничего не отвѣчала.

— Ну, а что же вы меня ни о чемъ не спросите, Лизавета Егоровна: я вѣдь вамъ о многомъ кое о чемъ могу рассказать.

— Свѣтлыми и честными людьми.

— Отчего же это рѣшеніе не всѣмъ ясно?

— Оттого, что человѣчество подло и глупо. Отрѣшитесь отъ своихъ предрасудковъ и вы увидите, что семья только вредна.

— То-то я съ этимъ вотъ не согласенъ.

— Нѣтъ, это такъ, — примирительно замѣтилъ Бѣлоярцевъ. — Что семья — учрежденіе безнравственное, объ этомъ спорить нельзя.

— Отчего же нельзя? Неужто вы находите, что и взаимная любовь, и отцовская забота о семьѣ, и материнскія попеченія о дѣтяхъ безнравственны?

— Конечно, — горячо замѣтила Бертольди.

— Все это удаляетъ человѣка отъ общества и портитъ его натуру, — попрежнему безстрастнымъ тономъ произнесъ Бѣлоярцевъ.

— Даже портитъ натуру! — воскликнулъ Розановъ.

— Да, — разслабляетъ ее, извращаетъ.

— Боже мой! Я не узнаю васъ, Бѣлоярцевъ. Вы, человѣкъ, жившій въ области чистаго художества, говорите такія вещи! Неужто вашему сердцу ничего не говоритъ мать, забывающая себя надъ колыбелью больного ребенка.

— Фю, фю, фю, какая идиллія, — произнесла Бертольди.

— Дѣло въ томъ-съ, Дмитрій Петровичъ, что какая же польза отъ этого материнскаго сидѣнья? По-моему въ тысячу разъ лучше, если надъ этимъ ребенкомъ сидеть не мать съ своею сентиментальною нѣжностью, а простая, опытная сидѣлка, умѣющая ходить за больными.

— Еще бы! — воскликнула Бертольди.

— И материнскія слезы, и материнскія нѣжности, по-вашему, что жъ: тоже...

— Слезы — глупость, а нѣжности — разнузданное сладострастіе. Мать, цѣлуя своего ребенка, только удовлетворяетъ въ извѣстной мѣрѣ своимъ чувственнымъ стремленіямъ.

Розановъ ничего не нашелся отвѣчать. Онъ только обвелъ глазами маленькое общество и остановилъ ихъ на Лизѣ, которая сидѣла молча и, повидимому, весьма спокойно.

— Мать, цѣлуя своего ребенка, удовлетворяетъ своей чувственности! — повторилъ Розановъ и спросилъ: — Какъ вы думаете объ этомъ, Лизавета Егоровна?

— Это вамъ сказалъ Бѣлоярцевъ, а не я, — спокойно отвѣчала Лиза, не измѣняя своего положенія и не поднимая даже глазъ на Розанова.

— И это вамъ скажетъ всякій умный человѣкъ, понимающій жизнь, какъ ее слѣдуетъ понимать, — проговорила Бертольди: — отъ того, что матери стануть лизать своихъ дѣтей, дѣти не будутъ ни умнѣе, ни красивѣе.

— Тутъ все дѣло въ узкости. Надо, чтобъ не было узкихъ заботъ только о себѣ или только о тѣхъ, кого сама родила. Наши силы — достоянiе общественное, и терпѣться должно только то, что полезно, — опять поучалъ Бѣлоярцевъ: — задача въ томъ, чтобъ всѣмъ равно было хорошо, а не въ томъ, чтобы нѣкоторымъ было отлично.

— Высокая задача!

— И легкая.

— Но едва ли достижимая.

— Ну, вотъ мы посмотримъ! — весело и многозначительно крикнула Бертольди.

Бѣлоярцевъ и Лиза не сдѣлали никакого движенія, а Розановъ, продолжая свою мысль, добавилъ:

— Трудно есть противъ рожна прати. Человѣчество живетъ приговаривая: мнѣ своя рубашка ближе къ тѣлу, такъ что жъ тутъ толковать.

— Не толковать, *monsieur* Розановъ, а дѣлать. Вы говорите о человѣчествѣ, о дикой толпѣ, а забываете, что въ ней есть люди и люди эти будутъ дѣлать.

— То-то, гдѣ эти люди: не московскій ли Бычковъ, не здѣшнiй ли Красинъ?

— Да, да, да, и Бычковъ, и Красинъ, и я, и она, — вычитывала Бертольди, показывая на себя, на Лизу и на Бѣлоярцева, — и тамъ вонъ еще есть люди, — добавила она, махнувъ рукой въ сторону залы.

— Ну, слава Богу, что собралось вмѣстѣ столько хорошихъ людей, — отвѣчала, удерживаясь отъ улыбки, Розановъ: — но вѣдь это одинъ домъ.

— Да, одинъ домъ и именно *домъ*, а не семейная тюрьма. Этотъ одинъ домъ покажетъ, что нѣтъ нужды глотать свою плоть, что сильный и слабый должны одинаково досыта наѣсться и вдоволь выспаться. Это домъ... это... дѣдушка осмысленнаго русскаго быта, это домъ... какими должны быть и какими непремѣнно будутъ всѣ дома въ

міръ: здѣсь всѣ равны, всѣ понесутъ поровну и никто судьбой не будетъ обиженъ.

— Давай Богъ, давай Богъ!—произнесъ Розановъ полу-серьезно, полушутливо и обернулся къ двери, за которою послышалось шлепанье мокрыхъ башмаковъ и старческій кашель Абрамовны.

Старуха вошла молча съ тѣмъ же узелкомъ, съ которымъ Розановъ ее увидѣлъ на улицѣ, и молча зашлепала къ окну, на которое и положила свой узелокъ.

— Что ты, няня, устала?—спросила ее, не оборачиваясь, Лиза.

— Гдѣ, сударыня, устать: всего верстъ десять прошла, да часа три по колѣни въ грязи простояла. Съ чего жъ тутъ устать? дождичекъ Божій, а косточки молодые, — помыль,—хорошо.

— Хотите водочки, ииця?—отозвался Бѣлоярцевъ.

— Нѣтъ, покорно благодарю, батюшка, — отвѣчала старуха, развязывая платокъ.

— Выпейте немножко.

— Съ роду моего ее не пила и пить не стану.

— Да чудная вы: съ холоду.

— Ни съ холоду, сударь, ни съ голоду.

— Для здоровья.

— Какое отъ дряни здоровье.

— Простудитесь.

— Простужусь—выздоровѣю, умру—жалѣть некому.

Лиза поморщилась и прошептала:

— Ахъ, какъ это несносно!

Розановъ всталъ и, протягивая руку Лизѣ, сказалъ:

— Ну, однако, у меня дѣло есть; прощайте, Лизавста Егоровна.

— Прощайте,—отвѣчала ему Лиза:—простите, что я не пойду васъ проводить: совсѣмъ разнемогаюся.

— Крѣпитесь; а я, если позволите, заверну къ вамъ: я вѣдь про всякій случай все-таки еще врачъ.

Лиза поблагодарила Розанова.

— Ну, а что прикажете сказать Евгеніи Петровнѣ?—спросилъ онъ.

— Ахъ, пожалуйста, поклонитесь ей,—отвѣчала неловко Лиза.

Розанову тоже стало такъ неловко, что онъ, какъ бы

растерявшись, простился со всѣми и торопливо пошелъ за двери.

— Другъ ты мой дорогой! что ты это сказалъ? — задыхаясь спросилъ его въ темномъ коридорѣ дрожащій голосъ Абрамовны, и старуха схватила его за руку. — Мнѣ словно слышалось, какъ ты будто про Евгенію Петровну вспомнилъ.

— Да, да: здѣсь она, няня, здѣсь!

— Какъ здѣсь, что ты это шутишь!

— Нѣтъ, право, пріѣхали они сюда и съ мужемъ, и съ дѣтьми.

— И съ дѣтьми!

— Двое.

— Красотка ты моя! и дѣти у ней ужъ есть! Гдѣ жъ она? Стой, ну, на минутку, я тебѣ сейчасъ карандашъ дамъ, адресъ мнѣ напиши.

Когда Розановъ писалъ адресъ Вязмитиновой, няня, увлекаясь, говорила:

— Пойду, пойду къ ней. Ты ей только не сказывай обо мнѣ, я такъ изъ изъависти къ ней хочу. Чай, безпримѣнно мнѣ обрадуется.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Гражданская семья и генераль безъ чина.

Послѣ выхода Розанова изъ Лизиной комнаты, общество сидѣло молча нѣсколько минутъ; наконецъ, Бѣлоярцевъ поставилъ на окно статуэтку Гарибальди и, потянувъ носомъ, сказалъ:

— Оказывается, что въ нынѣшнемъ собраніи мы не можемъ ограничиться рѣшеніемъ однихъ общихъ вопросовъ.

Бертольди отошла отъ окна и стала противъ его стула.

— Представляются новые вопросы, которые требуютъ экстремнаго рѣшенія.

Бертольди, тряхнувъ головою, пошла скорыми шагами къ двери, и по коридору раздался ея звонкій голосокъ:

— Ступина! Петрова! Жимжикова! Каверина! Прорвичъ! — кричала она, направляясь къ залѣ.

Бѣлоярцевъ всталъ и тоже вслѣдъ за Бертольди вышелъ изъ Лизиной комнаты.

Лиза оставалась неподвижною одна-одинешенька въ своей комнатѣ. Мертвая апатія, недовольство собою и всѣмъ окру-

жающимъ, съ усиленіемъ подавлять все это внутри себя, рѣзко выражались на ея болѣзненномъ личикѣ. Немного нужно было имѣть проницательности, чтобы, глядя на нее теперь, сразу видѣть, что она во многомъ обидно разочарована и ведетъ свою странную жизнь только потому, что твердо рѣшилась не отставать отъ своихъ намѣреній — до послѣдней возможности содѣйствовать попыткѣ избавиться отъ семейнаго деспотизма.

Лиза, давно отбившаяся отъ семьи и отъ прежняго общества, сдѣлала изъ себя многое для практики того соціального ученія, въ которомъ она искала исхода изъ лабиринта сложныхъ жизненныхъ условій, такъ или иначе спутавшихъ ея вольную натуру съ перваго шага въ свѣтъ и сдѣлавшихъ для нея эту жизнь невыносимую.

Лиза давно стала очень молчалива, давно заставляла себя стерпывать и сносить многое, чего бы она не стерпѣла прежде ни для кого и ни для чего. Своему идолу она приносила въ жертву всѣ свои страсти и, разочаровываясь въ искренности жрецовъ, раздѣлявшихъ съ нею одно кастовое служеніе, даже лгала себѣ, стараясь по возможности оправдывать ихъ и въ то же время не дать повода къ первому ренегатству.

Лиза съ самаго прїѣзда въ Петербургъ поселилась съ Бертольди на небольшой квартиркѣ. Ихъ скоро со всѣхъ сторонъ обложили *люди дѣла*. Это была самая разнокалиберная орава. Тутъ встрѣчались молодые журналисты, подрукавные литераторы, артисты, студенты и даже два приказчика.

Женская половина этого кружка была тоже не менѣе пестраго состава: жены, отлучившіяся отъ мужей; дѣвицы, бѣжавшія отъ семействъ; дѣвицы, полюбившія всѣми сердцами людей, не имѣвшихъ никакого сердца и оставившихъ имъ живые залогомъ своихъ увлеченій, и *tutti quanti* въ этомъ родѣ.

Все это были особы того умственного пролетаріата, о судьбѣ котораго недавно перепугались у насъ нѣкоторые умные люди, прочитавшіе печальныя разсужденія и выводы Рила. Изъ всѣхъ этихъ пролетаріевъ Лиза была самый богатый человекъ.

Егоръ Николаевичъ Бахаревъ, скончавшись на третій день послѣ отъѣзда Лизы изъ Москвы, хотя и не сдѣлалъ

никакого основательнаго распоряженія въ пользу Лизы, но оставивъ все состояніе во власть жены, онъ, однако, успѣлъ сунуть Абрамовнѣ восемьсотъ рублей, съ которыми старуха должна была ѣхать разыскивать бунтующуюся бѣглинку, а жену въ самыя послѣднія минуты неожиданно прерванной жизни клятвенно обязалъ давать Лизѣ до ея выдѣла въ годъ по тысячѣ рублей, гдѣ бы она ни жила и даже какъ бы ни вела себя. Лиза и жила постоянно съ этими средствами съ той самой поры, какъ старуха Абрамовна, схоронивъ старика Бахарева, отыскала ее въ Петербургѣ. Другіе изъ *людей дѣла* вовсе не имѣли никакихъ опредѣленныхъ средствъ и жили непонятнымъ образомъ, паразитами на счетъ имущихъ, а имущіе тоже были не Богъ-вѣсть какъ сильны и притомъ же вели дѣла свои въ послѣдней степени безалаберно. Здѣсь не было замѣтно особенной хлопотливости о мѣстахъ, которая можетъ служить врядъ ли не самую характерною чертою петербургскаго умственнаго пролетаріата. Напротивъ, здѣсь преобладала полная беззаботливость о себѣ и равносильное равнодушіе къ имущественнымъ сбереженіямъ ближняго. Жизнь не только не исчезла въ заботахъ о хлѣбѣ, но самыя недостатки и лишения почитались необходимыми украшеніями жизни. Немущій считалъ себя въ правѣ пожить на счетъ имущаго и это все не изъ одолженія, не изъ-за содѣйствія, *а по принципу*, «по гражданской обязанности». Такимъ образомъ, на долю каждаго болѣе или менѣе работающаго человѣка приходилось, по крайней мѣрѣ, по одному человѣку ничего не работающему, но постоянно собирающемуся работать. Лиза хотя и не жила своими трудами, но, какъ имущая, содержала Бертольди и снабжала чѣмъ могла кое-кого изъ прочей компаніи. Абрамовна жила постоянно съ Лизой и постоянно старчески раздражала ее, возставая противъ непривычныхъ для нея порядковъ. Здравый умъ диктовалъ старухѣ ея горячія рѣчи противъ этихъ людей, ихъ образъ жизни, взаимныхъ отношеній другъ къ другу. Несмотря на видную простоту и безыскусственность этихъ отношеній, они сильно не нравились старухѣ, и она съ ожесточеніемъ смотрѣла на связь Лизы съ людьми, изъ которыхъ, по мнѣнію Абрамовны, одни были простяки и подарун, а другіе — дармоѣды и объѣдалы. Къ разряду простодушныхъ у нея относились ея собственная Лиза, одна изъ ея новыхъ

сверстницъ, безмужняя жена Анна Львовна Ступина и Райнеръ. Послѣдній съ полгода опять появился на петербургскомъ горизонтѣ. Симпатіи молодого социалиста крѣпко гнули его къ Россіи и нимало не ослабѣли послѣ минованія угасшаго политическаго раздраженія: Райнеръ, владѣвшій прекрасно почти всѣми европейскими языками, нашелъ себѣ здѣсь очень хорошую работу при одномъ изъ ученыхъ учреждений и не могъ отойти отъ весьма выгодныхъ уроковъ въ частныхъ домахъ.

Вскорѣ по приѣздѣ его въ Петербургъ, онъ встрѣтился случайно съ Лизой, сталъ навѣщать ее вечерами, перезнакомился со всѣмъ кружкомъ, къ которому судьба примкнула Бахареву, и самъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ горячихъ членовъ этого кружка. Нѣсколько наглая безцеремонность отношеній многихъ изъ этихъ господъ и ихъ образъ жизни рѣзко били по чувствительнымъ струнамъ Райнерова сердца, но зато постоянно высказываемое ими презрѣніе къ формамъ стараго общежитія, ихъ равнодушіе къ карьерамъ и небреженіе о кошелькахъ заставляли Райнера примиряться со всѣмъ, что его въ нихъ возмущало.

«Это и есть тѣ полудикіе, но не повихнутые цивилизаціею люди, съ которыми должно начинать дѣло», — подумалъ Райнеръ, и съ тѣхъ поръ всю нравственную нечисть этихъ людей сталъ разсматривать какъ остатки дикости свободолюбивыхъ, широкихъ натуръ.

Проявленія этой дикости нерѣдко возмущали Райнера, но зато они никогда не приводили его въ отчаяніе, какъ англійскіе мокассары, разсужденія нѣмцевъ о національномъ превосходствѣ или французскихъ буржуа о слабости существующихъ полицейскихъ законовъ. Словомъ, эти натуры болѣе отвѣчали пламеннымъ симпатіямъ энтузіаста и, какъ мы увидимъ, онъ долго всѣми неправдами старался отыскать въ ихъ широкомъ размахѣ силу для водворенія въ жизни тѣмъ или другимъ путемъ новыхъ социальныхъ положеній.

Въ отношеніяхъ Райнера къ этимъ людямъ было много солидарнаго съ отношеніями къ нимъ Лизы.

Райнеръ получалъ очень хорошія деньги. Свою ферму въ Швейцаріи онъ сдалъ бѣднымъ работникамъ на самыхъ невыгодныхъ для себя условіяхъ, но онъ личнымъ трудомъ зарабатывалъ въ Петербургѣ болѣе трехсотъ рублей

серебромъ въ мѣсяць. Это давало ему средство занимать въ одной изъ лучшихъ улицъ города очень просторную квартиру, представлявшую съ своей стороны полную возможность помѣститься въ ней часто измѣняющемуся, но всегда весьма немалому числу широкихъ натуръ, состоявшихъ не у дѣль.

Таковыя порядки вскорѣ не замедлили заявить свои нѣкоторыя неудобныя стороны.

Разговоры о неестественности существующаго распределенія труда и капитала, какъ и разсужденія о вредѣ семейнаго начала, начинали прискучивать: всѣ давно были между собою согласны въ этихъ вопросахъ. Многимъ чувствовалась потребность новыхъ тѣмъ, а нѣкоторымъ еще крѣпче чувствовалась потребность перейти отъ толковъ къ дѣлу.

У однихъ эта потребность вытекала изъ горячаго желанія основать образцовую общину на безкорыстныхъ началахъ. Такихъ было немного и къ числу ихъ принадлежали: Лиза, Райнеръ, Ступина и Каверина. Другимъ просто хотѣлось суетиться; третьимъ, полагаю, хотѣлось и суетиться, и половчѣе уйти отъ безцеремонныхъ приживальщиковъ, заставивъ и ихъ что-нибудь да дѣлать, или, по крайней мѣрѣ, не лежать всею тяжестью на одной чужой шеѣ. Ко всему же этому всѣ уже чувствовали необходимость переходить отъ словъ къ дѣлу, ибо иначе духовный союзъ угрожалъ рушиться за недостаткомъ матеріальныхъ средствъ.

При такихъ обстоятельствахъ со стороны давно извѣстнаго намъ художника Бѣлорцева послѣдовало заявленіе о возможности прекраснаго выхода изъ тѣснаго положенія гражданъ путемъ еще большаго ихъ сближенія и отождествленія ихъ частныхъ интересовъ въ интересѣ общемъ.

Въ послѣдніе два года, когда они перенесли свои силы и раздраженіе на общество и въ его симпатіяхъ и антипатіяхъ открыли своего настоящаго, давно искомаго врага, духъ противорѣчія обществу во всемъ сдѣлался главнымъ направленіемъ этихъ силъ. Но какъ противорѣчія эти никого не обязывали ни къ какимъ рискованнымъ предпріятіямъ, а между тѣмъ, представляли извѣстную возможность *опійствовать* вѣдь обыденной сферы и выдѣляться изъ общественной среды, то кружки недовольныхъ и протестующихъ

составлялись необыкновенно быстро и легко. — Въ составъ этихъ кружковъ попадали и Фальстафы, непобѣждаемые въ крикъ и «воины смирные средь мечей». Даже не только они попадали въ эти кружки, но нерѣдко становились во главѣ ихъ и дѣлались ихъ генералами.

Это было такое безхитрое время, въ которое изолировавшійся кружокъ, толковавшій объ общественныхъ реформахъ, не выдалъ ничего у себя подъ носомъ и легко подчинился каждому, кто бы захотѣлъ подумать и, палочившись, покрѣпче схватить его за носъ.

Такимъ положеніемъ лучше всѣхъ успѣть воспользоваться нашъ почитатель отвлеченнаго искусства Бѣлоярцевъ. Онъ также уже давненько переселился въ Петербургъ и фланируя надумался нѣсколько измѣнить свое служеніе искусству для искусства. Онъ полагалъ счастливый оборотъ дѣлъ, при которомъ, служа только себѣ и ровно ничѣмъ не рискуя, можно было создать себѣ же самому амплуа нѣсколько повліятельнѣе, и пожелать этимъ воспользоваться. Для перваго дебюта онъ написалъ картинку «Отецъ семейства», о которой такъ эффектно объявляла Бертольди и которая, недуманно-негаданно для самого Бѣлоярцева, сразу дала ему въ своемъ кружкѣ имя великаго *гражданскаго художника*. Бѣлоярцевъ пріосанился, въ самомъ дѣлѣ сталъ показывать себя гражданиномъ, надвинулъ брови и началъ вздыхать гражданскими вздохами.

Продолжая фланировать въ новой маскѣ, онъ внимательно прислушивался къ частымъ жалобамъ недовольныхъ порочными наклонностями общества, болѣлъ передъ ними гражданскою болѣзью и сносилъ свои скорби къ Райнеру, у котораго, тотчасъ же послѣ его пріѣзда въ Петербургъ, водворилась на жительствѣ цѣлая импровизованная семья. По диванамъ и козеткамъ довольно обширной квартиры Райнера расселились: 1) студентъ Лукьянъ Прорвичъ, молодой человекъ, недовольный университетскими порядками и желавшій утвержденія въ обществѣ коммунистическихъ началъ, безбрачій и вообще *естественной* жизни; 2) Неофитъ Кузицынъ, студентъ, окончившій курсъ, — маленькій, вострырыленный, гнусливый человекъ, лишенный средствъ совладать съ своимъ самолюбіемъ, также поставившій себѣ обязанностью написать свое имя въ рѣду первыхъ поборниковъ *естественной* жизни; 3) Осифанъ Котырло, то, что

поляки характеристично называют *wielkie nic*, — человек, не умеющий ничего понимать иначе, как понимает Куницынъ, а впрочемъ, тоже коммунистъ и естествоиспытатель; 4) лѣкарь Сулима, человекъ безъ занятій и безъ опредѣленнаго направленія, но съ непреодолимымъ влеченіемъ къ бездѣйствію и покою; лицомъ черенъ, глаза словно двѣ сливы; 5) Иконъ Ревякинъ, уволенный изъ духовнаго вѣдомства иподіаконъ, умеющій вездѣ пристраиваться на чужой счетъ и почитаемый неповрежденнымъ типомъ широкой русской природы. Писателемъ и не прочь дѣйствовать неподтиска противъ лучшаго изъ своихъ благодѣтелей; 6) Емельянъ Бочаровъ, толстый, бѣлокурый студентъ, способный на все и ничего не дѣлающій; изъ всѣхъ его способностей болѣе другихъ разрабатывается имъ способность противорѣчить себѣ на каждомъ шагу и не считаться деньгами, и 7) Авдотья Григорьевна Быстрова, двадцатилѣтняя дѣвица, не знающая, что ей дѣлать, но полная преданія къ обыкновенному труду.

Шесть объѣдалъ Райнера, принадлежавшіе къ мужскому полу, какъ выше сказано, размѣщались по диванамъ его квартиры, а Авдотья Григорьевна Быстровой Райнеръ уступилъ свою послѣднюю комнату, а самъ съ тѣхъ поръ помѣщался на коврѣ между диванами, занятыми Куницынымъ и Ревякиннымъ.

Кромѣ этихъ лицъ, въ квартирѣ Райнера жила кухарка Афимья, московская баба, весьма добрая и безалаберная, но усердная и искренно преданная Райнеру. Афимья, съ тѣхъ поръ какъ поступила сюда въ должность кухарки, еще ни разу не упражнялась въ кулинарномъ искусствѣ и пребывала въ нескончаемыхъ посылкахъ у приживальщиковъ.

Несмотря на собственную безалаберность, Афимья прерзительно относилась къ такой жизни и говорила:

— Такъ ужъ мы тутъ живемъ, такъ живемъ, что всѣмъ намъ пропастъ надо, да и давно слѣдуетъ. Ни порядку у насъ, ни распорядку—живемъ, какъ испорченные.

Райнера Афимья любила, но считала его ребенкомъ.

— Маломысленный совѣтъ баринъ,—говорила она, рассказывая о его пропажахъ вещей и денегъ.—А это, вотъ это оравине-то,—это самые, что есть черти. Жулики настоящіе: такъ бы вотъ и взяла бы лопату, да — вошь! кышь, дрянъ вы этакая!

Изъ всѣхъ объѣдалъ одинъ Бѣлоярцевъ умѣлъ снискать расположеніе Афимьи, ибо онъ умѣлъ съ нею разговориться по-любезному и на глаза ей не лѣзъ, счастливый около Райнера чистымъ метальцемъ, такъ что Афимья объ этомъ не знала и не вѣдала.

Въ этомъ кодлѣ Бѣлоярцевъ былъ постояннымъ гостемъ. Сюда онъ приносилъ свои первыя гражданскія воздыханія и здѣсь же воспитывалъ въ себѣ гражданскую болячку.

За исключеніемъ Райнера, здѣсь никто ничего не дѣлалъ и толковать всегда было съ кѣмъ вволю.

Райнеръ, рано утромъ, выпивъ наскоро стаканъ молока, убѣгалъ на свои уроки, а въ квартирѣ его только около полудня начиналось вставанье, или, правильнѣе, просыпанье и питье чая. Самоваръ ставился за самоваромъ, по мѣрѣ того, какъ одинъ приживальщикъ продираетъ за другимъ свои глаза. Цѣлые дни шла безконечная суতোлка и неумолчныя рѣчи о томъ, при какихъ мѣрахъ возможно достиженіе общей гармоніи житейскихъ отношеній? Обыкновенно выходило, что надо непременно жить совсѣмъ иначе. Это ужъ такъ велось и прилаживалось. Примымъ послѣдствіемъ такихъ рѣчей явилась мысль зажить *на новыхъ началахъ*; создать вмѣсто вредной, родовой семьи, семью разумную, соединяемую не родствомъ, а единствомъ интересовъ и стремленій, и такимъ образомъ защитить каждого общими силами отъ недостатковъ, притѣсненій и напастей. Словомъ, рѣшено было основать тотъ «общественный домъ», въ которомъ Розановъ встрѣтилъ Лизу въ началѣ третьей книги этого романа.

Бѣлоярцевъ такъ часто толковалъ объ этомъ «домѣ», такъ красно и горячо увлекать всѣхъ близкихъ къ своему кружку людей описаніемъ всѣхъ прелестей общежительства, что, по мѣрѣ того, какъ эта мысль распространилась, никто не умѣлъ ни понять, ни выразить ея отдѣльно отъ имени Бѣлоярцева. Бѣлоярцевъ, развлекаясь сладкими разговорами о сладкомъ житьѣ гражданской семьи, и самъ не замѣтилъ, какъ это дѣло подвигалось къ осуществленію и какъ самъ онъ попадалъ въ генералы зачинающагося братства. Нѣсколько мужчинъ и нѣсколько женщинъ (въ числѣ послѣднихъ и Лиза Бахарева) рѣшились сойтись жить вмѣстѣ, распредѣливъ между собою обязанности хозяйственныя и соединивши усилія на добываніе работъ и составленіе

общественной кассы, при которой станетъ возможно достиженіе высшей цѣли братства: *огражденіе работающаго пролетаріата отъ произвола, обидъ и насилій тучнѣющаго капитала и разубѣжденіе слѣпотствующаго общества живымъ примѣромъ въ возможности правильной организациіи труда, безъ антрепренеровъ-капиталистовъ.*

Случай помогъ скоро осуществиться этой великой мысли.

Въ числѣ разнородныхъ лицъ, посѣщавшихъ открытую для всѣхъ квартиру Райнера, былъ молодой человѣкъ, Грабилинъ, сынъ одного изъ извѣстныхъ золотопромышленниковъ.

Грабилинъ, воспитанный въ модномъ пансіонѣ, гнушался торговыми занятіями и, гоняясь за репутаціею современнаго молодого человѣка, очень дорожилъ знакомствомъ такихъ либераловъ, какіе собирались у Райнера.

Отношенія Грабилина къ Бѣлоярцеву какъ нельзя болѣе напоминали собою отношенія подобныхъ Грабилину личностей въ уѣздныхъ городахъ къ соборному дьякону, въ губернскихъ—къ регенту архіерейскаго дома, а въ столицахъ—къ пѣвцамъ и актерамъ. Грабилинъ съ благопокорностью переносилъ отъ Бѣлоярцева самыя оскорбительныя насмѣшки, улыбался прежде, чѣмъ тотъ собирался что-нибудь сказать, поилъ его шампанскимъ и каталъ въ своей коляскѣ.

У этого-то Грабилина Бѣлоярцевъ и предложилъ взять займы двѣ тысячи рублей серебромъ подъ общую дружъ за друга порукою въ уплатѣ. Грабилинъ, дорожа знакомствомъ столь высокаго въ его мнѣніи либеральнаго кружка, не посмѣлъ отказать Бѣлоярцеву въ его просьбѣ, и такимъ образомъ, посредствомъ этого займа, образовался первый общественный фондъ, поступившій тоже въ руки Бѣлоярцева.

Бѣлоярцевъ пріобрѣталъ все болѣе силы и значенія. Получивъ въ свои руки деньги, онъ вдругъ развернулся и сталъ распоряжаться энергически и самостоятельно. Онъ объѣздитъ городъ, осматрѣтъ множество домовъ и, наконецъ, въ одинъ прекрасный день объявилъ, что имъ нанято прекрасное и во всѣхъ отношеніяхъ удобное помѣщеніе. Это и былъ тотъ самый изолированный домъ на Петербургской Сторонѣ, въ которомъ мы встрѣтили Лиэу.

Произвольный выборъ этого дома былъ очень неловкимъ поступкомъ со стороны Бѣлоярцева. Домъ былъ осматрѣнъ всѣми, собирающимися на новое жительство, и большинство

было довольно его устройствомъ, хотя многіе и находили, что дальность разстоянія его отъ людныхъ мѣстъ города имѣеть много неудобствъ.

Бѣлярцеву, однако, не трудно было успокоить эти неудовольствія.

— Здѣсь далеко, да смѣло, — отвѣчалъ онъ. — И удивляюсь, какъ вы, господа, не хотите сообразить, что мы только и безопасны, живя въ такой мѣстности, гдѣ за нами неудобно слѣдить и мѣшать намъ.

Труднѣе гораздо ему было сладить съ другимъ нападеніемъ.

Лиза замѣтила, что все это прекрасно, что со всѣмъ можно помириться, но что она удивляется, какимъ образомъ Бѣлярцевъ могъ позволить себѣ сдѣлать выборъ квартиры, не получивъ на этотъ выборъ предварительно общаго согласія всей собирающейся семьи. Бѣлярцевъ смѣшался, убѣждалъ Лизу, что въ этомъ съ его стороны нѣтъ никакого самовластия, что онъ просто дорожилъ случаемъ не упустить удобной квартиры и проч. Лиза находила, что все это не резонъ, что это опять смахиваетъ на родительскую опеку, о которой Бѣлярцева никто не просилъ, и что онъ во всякомъ случаѣ нарушилъ общественное равноправіе на первомъ шагѣ.

Новые семьяне старались убѣдить Лизу, что это пустяки, вздоръ, на которые не стоить обращать такъ много вниманія, но она оставалась при своемъ мнѣніи и утверждала, что Бѣлярцевъ былъ не въ правѣ такъ распорядиться.

Это былъ первый ударъ, полученный Бѣлярцевымъ въ его генеральскомъ чинѣ, и онъ его очень затруднялъ. Бѣлярцеву хотѣлось выйти съ достоинствомъ изъ этого спора и скорѣе затушевать его. Онъ подошелъ къ Лизѣ и сказалъ:

— Ну, прекрасно, Лизавета Егоровна, ну, если я, дѣйствительно, по вашему мнѣнію, поступилъ опрометчиво, — простите меня, каюсь, только перестанемте объ этомъ говорить.

Бѣлярцевъ мало зналъ Лизу и не понималъ, какой новый и довольно рѣшительный ударъ онъ наносилъ своему генеральству, прося у нея извиненія.

Онъ понялъ свой промахъ только тогда, когда Лиза вмѣсто того, чтобы пожать протянутую ей Бѣлярцевымъ въ знакъ примиренія руку, холодно отвѣтила:

— Вы не меня обидѣли, а всѣхъ, и я не имѣю права извинять вамъ вашего самовольничанья.

Всѣ, однако, были гораздо снисходительнѣе къ Бѣлоярцеву. Дѣло это замылось, и въ тотъ ненастный день, когда мы встрѣчаемъ Розанова въ глухомъ переулкѣ, начался переѣздъ въ общественный домъ, который положено было впередъ называть «*Domus concordiae*» (Домомъ Согласія).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вопросы дня.

Въ большой, довольно темной и еще совсѣмъ неубранной залѣ «*Дома Согласія*», сохранявшей всѣ слѣды утрешняго переѣзда, въ восемь часовъ вечера кипѣлъ на кругломъ столѣ самоваръ, за которымъ сидѣли новыя семьянки: Ступина, Каверина, Жимжинова, Бертольди и Лиза. Бертольди наливала чай, Каверина шила дѣтскую рубашечку, Лиза внимательно читала, пошевеливая свои волосы костянымъ книжнымъ ножикомъ. Бѣлоярцевъ въ архалучкѣ ходилъ вдоль стѣны, держа подъ руку маленькаго, черненькаго Прорвича, нѣкогда встрѣтившаго Лизу въ гостиницѣ «Италія» (Прорвичъ былъ пока единственное лицо, принятое сюда изъ Райнеровской богадѣльни).

— Этого лизнь не можетъ доказать, — толковалъ Бѣлоярцевъ виолголоса и съ важностью Прорвичу. — Вообще цѣлое это положеніе есть глупость и притомъ глупость, сочиненная во вредъ намъ. Спорьте смѣло, что если теорія вѣрна, то она оправдается. Что такое теорія? — Ноты. Отчего же не пѣть по нотамъ, если умѣешь?

У дамъ шелъ довольно оживленный разговоръ, въ которомъ не принимала участія только одна Лиза, не покидавшая своей книги, но у нихъ не было общаго согласія.

— Бѣлоярцевъ! — позвала Бертольди: — разрѣшите, пожалуйста, нашъ споръ.

Бѣлоярцевъ остановился у стола и выпустилъ руку Прорвича.

— Есть смыслъ въ томъ, чтобы мужчина отворялъ мнѣ двери?

— Куда? — спросилъ Бѣлоярцевъ.

— Куда? ну, куда-нибудь? Если я иду съ вами рядомъ и подхожу къ двери, — разумно ли, чтобы вы ее передо мною растворяли, какъ будто у меня своихъ рукъ нѣтъ?

Бълюярецъ затянулся папирской.

— Это меня унижаетъ, какъ женщину; какъ человѣка, меня унижаетъ; напоминаетъ мнѣ о какой-то моей конфектности,—чекотала Бертольди.

— Да, ничтожныя услуги въ этомъ родѣ вредны,—говорилъ Бълюярецъ.

— Ну, не правда ли!—подхватила Бертольди:—вѣдь это все лицемѣрие, пошлость и ничего болѣе. Ступина говоритъ, что это пустяки, что это такъ принято: тѣмъ-то и гадко, что принято. Они подають бурнусы, поднимають съ полу носовые платки, а на каждомъ шагу, въ серьезномъ дѣлѣ, подставляютъ женщинѣ ногу; не даютъ ей хода и свободы.

— Что жъ тутъ носовые платки мѣшаютъ?—произнесла мягкимъ и весьма пріятнымъ голосомъ та, которую называли Ступиной.

— А нѣтъ, Анна Львовна, этого нельзя говорить,—снисходительно замѣтилъ Бълюярецъ. — Это только такъ кажется, а въ существѣ это и есть тотъ тонкій путь, которымъ развратъ вводится въ человѣческое общество. Я вамъ подаю бурнусъ, я вамъ поднимаю платокъ, я передъ вами растворяю двери, потому что это ничего не стоитъ, потому что это и вамъ самимъ легко было бы сдѣлать безъ моей помощи.

— А если дверь трудно отворяется, тогда можно? — пошутила Ступина.

— Нѣтъ, вы не шутите. Вы сами вникните, вамъ самимъ же отъ этого плохо. Платокъ вамъ помогутъ поднять, а, напримѣръ, обзаведись вы ребенкомъ, такъ...

— Бросать,—подказала Ступина.

— Ну, вотъ вамъ и слѣды такого отношенія къ женщинѣ.

— А если не станете поднимать платковъ, такъ не будете бросать, что ли?—весело отвѣчала Ступина.—Хороши вы всѣ, господа, пока не нангрались женщиной! А тамъ и съ глазъ долой, по первому капризу.—Нѣтъ, ужъ кланяйтесь же, по крайней мѣрѣ; хоть платки поднимайте,—добавила она, разсмѣившись:—больше съ васъ взять нечего.

— Ну, это хоть бы и въ Москвѣ такое разсужденіе, — произнесла Бертольди.

— Нѣтъ, позвольте, m-me Бертольди. Сердиться здѣсь не за что,—замѣтилъ Бълюярецъ.—Анна Львовна немножко односторонне смотритъ на дѣло, но она имѣетъ основаніе.

При нынѣшнемъ устройствѣ общества это зло, дѣйстви-тельно, неотвратно. Люди злы по натурѣ.

— То-то и дѣло,—замѣтила Ступина.—Если бы вы были добрѣе, такъ и несчастій бы столькохъ не было, и мы бы вамъ вѣрили.

— Да, что это вы говорите, — вмѣшалась Бертольдн. — Какое же дѣло кому-нибудь вѣрить или не вѣрить. На приобрѣтеніе ребенка была ваша воля; что жъ, вамъ за это деньги платить, что ли? Это, наконецъ, смѣшно! Ну, отдайте его въ воспитательный домъ. Удивительное требованіе: я рожу ребенка и въ награду за это должна получать право на чужой трудъ.

— Не совсѣмъ чужой...—тихо произнесла Ступина.

— А, вы такъ смотрите! Ну, такъ считайтесь; подавайте просьбу; а по-моему, лучше ничьего содѣйствія и ничьего вмѣшательства.

— Все это уладится гораздо умнѣе и справедливѣе, — тихо замѣтилъ Бѣлоярцевъ.

— Да, должно быть, что уладится, — съ легкой ироніей отвѣчала Ступина и, вставъ изъ-за стола, вышла изъ залы.

— А эта барыня ненадежна, — проговорила, по уходѣ Ступиной, Бертольдн.—Не понимаю, зачѣмъ она съ нами сошлась.

— Да-съ, оказывается, что намъ нужно много подумать о томъ, кто съ нами сходится и съ кѣмъ намъ сходиться. Я вотъ по этому именно поводу и хотѣлъ сегодня попросить васъ посовѣтоваться.

Бѣлоярцевъ откашлянулся и сѣлъ за столъ на табуретку.

— Какъ бы обдуманнѣе ни казалось всякое новое дѣло, а всегда выходитъ, что что-нибудь недодумано и забыто, — началъ онъ своимъ бархатнымъ баскомъ.—Мы рѣшили, какъ намъ жить и какъ расширить свое дѣло, а вотъ сегодняшній случай показалъ, что это далеко не все. Сегодня вотъ у Лизаветы Егоровны былъ гость.

Лиза подняла свою головку отъ книги.

— Это показываетъ, что у каждого изъ насъ, громъ гостей, извѣстныхъ нашему союзу, могутъ быть свои, особые, прежніе знакомые, и эти знакомые, чуждые по своему направленію стремленіямъ нашей ассоціаціи, могутъ насъ по-сѣщать: не здѣсь, — не такъ ли? — Родается отсюда вопросъ: какъ мы должны вести себя въ отношеніи къ такимъ гостямъ?

— Я думаю, какъ кому угодно,—отвѣчала Лиза.

— Я хотѣлъ сказать: принимать ихъ, или нѣтъ?

— Я своихъ буду принимать.

— Да; но позвольте, Лизавета Егоровна: вѣдь это дѣло общее. Вѣдь вы же мнѣ дѣлали выговоръ за мнимое саволие.

— Это совсѣмъ другое дѣло: вы дѣлали выборъ, зависѣвшій отъ всѣхъ, а я распоряжаюсь сама собою. Мои гости касаются меня.

— Нѣтъ, позвольте: каждый входящій въ домъ ассоціаціи касается всѣхъ.

— Я не понимаю такой зависимости,—отвѣчала Лиза.

— Не зависимости, а безопасности, Лизавета Егоровна. Насъ могутъ предать.

— Кому?

— Правительству.

— А мы что дѣлаемъ правительству? Развѣ у насъ заговоръ,—или прокламаціи печатаются?

— Да положимъ, что не заговоръ и не прокламаціи, а все же мы не друзья существующаго порядка и намъ могутъ помѣшать, могутъ разстроить наше дѣло.

Лиза подумала и сказала:

— Ну, хорошо, это будетъ видно.

— Такъ отложимъ это,—отвѣчала Бѣлоярцевъ:—и обратимся къ другому, не менѣе важному вопросу. Насъ должно быть четырнадцать членовъ, а теперь насъ здѣсь пока всего шестеро, если прислугу не считать нашими сочленами, такъ какъ вопросъ о ней до сихъ поръ еще не совсѣмъ рѣшенъ. Остальные наши члены должны перейти къ намъ на этихъ же дняхъ. Большая часть этихъ членовъ должны присоединиться къ намъ вмѣстѣ съ Васильемъ Ивановичемъ Райнеромъ, съ которымъ они живутъ теперь. Обстоятельство, по поводу котораго я заговорилъ о гостяхъ, даетъ мнѣ мысль заявить вамъ: не найдете ли пужнымъ нѣсколько поотложить переходъ Райнера и его товарищей въ домъ ассоціаціи? Конечно, намъ отъ этого будетъ нѣсколько тяжелѣе на одинъ мѣсяць, но зато мы себя оградимъ отъ большихъ опасностей. Райнеръ—человѣкъ, за которымъ смотрять.

— Ахъ! нѣтъ, возьмите Райнера: онъ такой хорошій человѣкъ,—вмѣшалась вошедшая Ступина.

— Хорошій, Анна Львовна, да только все-таки лучше подождете. Онъ можетъ здѣсь бывать, но не жить *пока*... понимаете, *пока* мы не окрѣпли. А тогда всѣхъ, и его, и всѣхъ, кто у него живетъ, всѣхъ примемъ. До тѣхъ же поръ вотъ Грабилину уступимъ три комнаты: онъ одинъ можетъ платить за три.

— Да Грабилинъ что же за членъ нашей ассоціаціи?

— Да такъ *пока*.

— Смѣшно,—сказала, вставая, Лиза.—Розанова принимать опасно; Райнера опасно пустить жить, а принимать можно; людей, которые живутъ у Райнера, тоже нельзя пустить жить съ нами, тогда какъ на нихъ рассчитывали при устройствѣ этого жилья, а какого-то Грабилина, у котораго только деньги заняли, надо пускать, чтобы комнаты не гуляли! Какое же это социальное общежительство! Это выходятъ *chambres garnis* Бѣлоярцева съ компанією — и только.

— Ахъ, Лизавета Егоровна, какъ вы странно иногда понимаете простыя вещи!—воскликнулъ Бѣлоярцевъ.

— Да-съ, я ихъ понимаю.

— Вотъ вы еще и сердитесь.

— Вамъ непріятно видѣть Розанова, потому что онъ напоминаетъ вамъ ваше прошлое и неловко уколоть васъ вашимъ бывшимъ художественнымъ направлениемъ.

Бѣлоярцевъ сдѣлалъ недоумѣвающую мину.

— Райнеръ, — продолжала Лиза: — представляетъ намъ вашу совѣсть.

— Лизавета Егоровна!—позвольте, однако, если я человекъ съ плохой совѣстью, то я...

— Позвольте, я знаю, что вы художникъ, можете сыграть всякую роль, но я вамъ говорю, что вы хитрите и съ перваго же дня оттираете людей, которые могутъ вамъ мѣшать.

— Въ чемъ-съ, смѣю спросить?

— Рисоваться.

— Я стараюсь не обижаться и поставлю вамъ на видъ, что я не одного Райнера прошу повременить, а всю его компанію. Неужели же я всѣхъ боюсь.

— Конечно. Вы ихъ знали, пока они были вамъ нужны, а теперь... вы братоваться съ ними не хотите. Вамъ нравится первая роль.

— Вотъ и начало!—грустно произнесъ Бѣлоярцевъ.

— Да, скверное начало: старайтесь поправить, — произнесла Лиза и, поклонившись всѣмъ, пошла къ дверямъ коридора.

— Ну, характерецъ,—сказала ей вслѣдъ Бертольди.

Бѣлоярцевъ покачалъ головой, другіе не сказали ни слова.

«Выгнать ее, или все бросить,—другого спасенья нѣтъ», — подумавъ Бѣлоярцевъ, и, подойдя къ окну, съ неудовольствіемъ крикнулъ:

— Чей это образъ тутъ на виду стоитъ?

— Моя, сударь, моя икона, — отозвалась вошедшая за Лизинымъ платкомъ Абрамовна.

— Такъ уберите ее,—первно отвѣчалъ Бѣлоярцевъ.

Няня молча подошла къ окну, перекрестись взяла икону и, вынося ее изъ залы, вполголоса произнесла:

— Видно мутить тебя ликъ-то Спасовъ,—не стерпишь.

— Ну, господа, а другіе вопросы,—возгласила Бертольди и, вынувъ изъ кармана бумажку, начала читать:—*«Вопросъ первый: о прислугѣ, о ея правахъ и обязанностяхъ въ ассоціаціи, какъ ея сочленовъ»*. — Впрочемъ, я съ ними уже говорила: они ничего не понимаютъ и хотятъ платы.—*«Вопросъ второй: о дняхъ отдохновенія и собраній»*. — Мнѣніе Бѣлоярцева, Красина, Прорвича и Ревякина устранить христіанскій календарь и принять раздѣленіе на декады. Десятый день будетъ днемъ отдохновенія и собраній. — Къ вопросу о прислугѣ, Бѣлоярцевъ, вы говорили присоединить, гдѣ наши слуги должны обѣдать: особо, или съ нами? Вносить завтра этотъ вопросъ?

— А? вносите, что хотите, — порывисто отвѣтилъ Бѣлоярцевъ и, ни съ кѣмъ не простившись, пошелъ въ свою комнату.

Женщины посидѣли еще нѣсколько минутъ въ раздумьи и тоже одна за другой тихо разошлись по своимъ комнатамъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Дуэнья.

Ступина, проходя мимо двери Лизы, зашла къ ней на одну минутку.

— Знаете, какъ, однако, что-то непріятно.

— Холодно въ домѣ,—проронила Лиза.

— Нѣтъ, какая-то пустота, тоска... Право, мнѣ, кажется, ужъ стало жаль своей квартирки.

— Охъ, пожалѣешь, матушка! еще и не разъ одинъ пожалѣешь, — отозвалась ей няня, внося тюфячокъ и подушки.

— Тебѣ же, няня, поставлена постель въ особой комнатѣ,—замѣтила Лиза.

— А поставлена, пусть тамъ и стоитъ.

— Гдѣ же ты тутъ будешь спать?

— А вотъ, гдѣ стою, тутъ и лягу. Пора спать, матушка,—отнеслась она къ Аннѣ Львовнѣ, разстилая тюфячокъ поперекъ двери.

— И охота вамъ, няня, здѣсь валяться.

— Охота, другъ ты мой, охота. Боюсь одна спать въ комнатѣ. Непривычна къ особымъ покоямъ.

Няня, проводивъ Ступину, затворила за нею дверь, не запиравшуюся на ключъ, и легла на тюфячокъ, посланный поперекъ порога. Лиза читала въ постели. По коридору два раза раздались шаги пробѣжавшей горничной, и въ домѣ все стихло. Ночь стояла бурная. Вѣтеръ со взморья рвалъ и сердито гудѣлъ въ трубахъ.

— Разбойники,—тихо, какъ бы во снѣ, проговорила няня.

— Такъ ихъ и напенька покойный, отпуская свою душечку честную, назвалъ разбойниками, — прошептала она еще черезъ нѣсколько минутъ.

— Господи! Господи, за что только я-то на старости лѣтъ гублю свою душу въ этомъ вертепѣ анаѳемскомъ,—начала она въ-третью.

Лиза молча читала, не обращая никакого вниманія на эти монологи.

— Сударыня!—воскликнула, наконецъ, старуха.

— Ну,—отозвалась Лиза.

— Я завтра рано уйду.

— Иди.

— Пойду къ Евгени Петровнѣ.

— Иди, иди, пожалуйста.

— Хоть, посмотрю, какъ добрые люди на свѣтѣ живутъ.

Лиза опять промолчала.

— А мой вотъ тебѣ сказъ,—начала няня:—срамъ намъ такъ жить. Что это?

— Что?—спросила Лиза.

— Это... распутные люди такъ живутъ.

Лиза вспыхнула.

— Гдѣ ты живешь? ну гдѣ? гдѣ? Этакъ развѣ дѣвушки добрыя живутъ? Ты со вставанья съ голой шеей пройдешь, а на тебя двадцать человекъ смотрѣть будутъ.

— Оставь, няня.—серьезно произнесла Лиза.

— Не оставлю, не оставлю, пока я здѣсь, черезъ кости мои старыя развѣ кто перейдетъ. Лопнетъ мое терпѣнье, тогда чтѣ хочешь, то и твори.—Срамница!

Лизой овладѣло совершенное бѣшенство.

— Ты просто глупа,—сказала она рѣзко Абрамовиѣ.

— Глупа, мать моя, глупа.—повторила старуха, никогда не слыхавшая такого слова.

— Не глупа, а просто дура, набитая, старая дура.—повторяла еще злѣе Лиза и, дунувъ на свѣчку, завернулась съ головою въ одѣяло.

Обѣ женщины молчали и обѣимъ имъ было очень тяжело; но няня не умилялась надъ Лизой и не слыхала горькихъ слезъ, которыми до бѣла свѣта проплакала подъ своимъ одѣяломъ со всѣми и со всѣмъ расходящаяся дѣвушка.

Не спалъ въ этомъ домѣ еще Бѣлоярцевъ. Онъ проходилъ по своей комнатѣ цѣлую ночь въ сильной тревогѣ. То онъ бралъ въ руки одинъ готовый слѣпокъ, то другой, потомъ опять онъ бросалъ ихъ и тоже только передъ утромъ совсѣмъ одѣтый ушалъ на диванъ, не зная какъ вести себя завтра.

«Чортъ меня дернулъ заварить всю эту кашу и взять ца себя такую обузу, особенно еще и съ этимъ чертенкомъ въ придачу»,—думалъ онъ, стараясь заснуть и позабыть неприятности своего генеральскаго поста.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Тополь да березка.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня Абрамовна, приготовивъ все нужное ко вставанью своей барышни, перешла пустынный дворъ ассоціаціоннаго дома и поплелась въ Измайловскій полкъ. Долго она освѣдомлялась объ адресѣ и, наконецъ, нашла его.

Абрамовна не пошла на указанный ей парадный подъѣздъ, а отыскала черную лѣстницу и позвонила въ дверь въ третьемъ этажѣ. Старуха сказала дѣвушкѣ свое имя и

присѣла на стульцѣ, но не успѣла она вздохнуть, какъ за дверью ей послышался радостный воскликъ Женни, и въ ту же минуту она почувствовала на своихъ щекахъ теплый поцѣлуй Вязмитиновой.

— Голубка моя, красавица моя!—лепетала старуха, ловя ручку Евгеніи Петровны. — Ручку - то, ручку - то мнѣ свою пожалуй.

— Какъ это ты, няня? Откуда ты? — спрашивала ее между тѣмъ Женни, и ничего нельзя было разобрать, кто о чемъ спрашивала и кто что отвѣчалъ.

Евгенія Петровна показала старухѣ дѣтей, квартиру и, наконецъ, стала пить ее чаемъ.

Черезъ полчаса вышелъ Вязмитиновъ, тоже встрѣтилъ старуху привѣтливо и скоро уѣхалъ.

Послѣ его отъѣзда Евгенія Петровна въ десятый разъ принялась разспрашивать старуху о житиѣ Лизы и все никакъ не брала въ толкъ ея разказа.

— Я и сама, другъ мой, ничего не понимаю, что это они дѣлаютъ,—отвѣчала няня, покачивая на колѣняхъ двухлѣтняго сынишку Евгеніи Петровны.

— Поѣдемъ къ ней, няня!

— Поѣдемъ, душа моя, пожалуйста поѣдемъ!

Евгенія Петровна накинула бурнусъ и вышла со старухой. Черезъ часъ онѣ остановили своего извозчика у дома ассоціаціи.

— Пойдемъ по черной лѣстницѣ,—сказала няня и, введя Евгенію Петровну въ узенькій коридоръ, отворила передъ нею дверь въ комнату Лизы.

Лиза стояла спиною къ двери и чесала сама свою голову. Услыхавъ, что отворяютъ дверь, она оглянулась.

— Безстыдница, безстыдница,—произнесла, покачивая головой, Вязмитинова и остановилась.—Не узнаешь?—спросила она, дрожа отъ нетерпѣнія.

— Женни!—спокойно сказала Лиза.

— Я, душа моя, я, Лиза моя милая, злая, недобрая, я это,—отвѣчала Евгенія Петровна и, обнявъ Бахареву, цѣловала ея лицо.

— И не стыдно, — говорила она, прерывая свои поцѣлуи:—за что, про что разорвала дѣтскую дружбу, пропала, не отвѣчала на письма и теперь не рада! Ну, скажи, вѣдь не рада совсѣмъ?

- Нѣтъ, очень рада. Какъ ты похорошѣла, Женни.
- Помилуй, двое дѣтей, какое ужъ похорошѣть! Ну, а ты?
- А я, вотъ какъ видишь.
- Одна все?
- Нѣтъ, съ людьми, — отвѣчала Лиза, слегка улыбувшись.

- Замужъ нейдешь.
- Никто не беретъ.
- За капризы?
- Вѣрно такъ. Чаю, Женни, хочешь?
- Давай, будемъ пить.
- Вотъ прекрасно-то! — раздался изъ-за двери голосъ, который нѣсколько удивилъ Лизу.

- Можно взойти?—спросилъ тотъ же голосъ.
- Это Розановъ,—идите, идите!—крикнула Женни.
- На порогѣ показался Розановъ и съ нимъ дама подъ густымъ чернымъ вуалемъ.

Лиза взглянула на этого сюрпризъ, насунивъ бровки.

Дама откинула вуаль и, улыбувшись, сказала:

- Здравствуйте, Лиза.
- Полинъка! Вотъ гостиный день у меня неожиданно.
- А вы отшельницей живете, скрываетесь. Мы съ Женни сейчасъ же отыскали другъ друга, а вы!.. Цѣлые годы въ одномъ городѣ и не дать о себѣ ни слуху, ни духу. Дѣлаютъ такъ добрые люди?

— Господа! не браните меня, пожалуйста: я вѣдь одичала, отвыкла отъ васъ. Садитесь лучше, дайте мнѣ посмотрѣть на васъ. Ну, что ты теперь, Полина?

— Я?—Бабушка, мой другъ, бабушка-повитушка. Выходи замужъ, принимать буду.

- Боже мой! что это тебя кинуло?
- А что?—я очень довольна.
- А ты, Женни?
- Мать двухъ дѣтей.
- Чиновница?
- Да.
- И счастлива?
- Да, и мужъ не бьетъ, какъ ты когда-то предсказывала.
- Значить, счастлива?
- Значить, счастлива.
- Кто-то постучалъ въ двери.

— Войдите, — произнесла Лиза, и на пороги показался высокий, стройный Райнеръ.

Онъ возмужалъ и даже немножко не по лѣтамъ постарѣлъ. Розановъ съ Райнеромъ встрѣтились горячо, по-приятельски.

— Здравствуйте, шпионъ! — произнесъ Розановъ при его появленіи.

Райнеръ весело улыбнулся въ отвѣтъ, и они поцѣловались.

Въ залѣ общество сидѣло нахмурившись: все по-вчерашнему еще было въ безпорядкѣ, окна плакали, затопленная печка гасла и забивала дымомъ.

Бѣлорцевъ молча прохаживался по залѣ и, остановившись у окна, дѣлалъ нетерпѣливыя движенія при видѣ стоящихъ у подъѣзда двухъ дрожекъ.

— Бахарева наша уѣзжаетъ куда-то, — сказала, входя въ залу, Бертольди.

— Куда это? — буркнулъ Бѣлорцевъ.

— Съ своими друзьями.

— И отлично дѣлаетъ.

Евгенія Петровна упросила Лизу погостить у нея дватри дня, пока домъ немножко отогрѣется и все приведется въ порядокъ.

Лиза сдалась на общую просьбу и уѣзжала.

— А сегодняшнее засѣданіе? — крикнула Бертольди проходившей черезъ переднюю Лизѣ.

— Я не буду.

— Какое это у васъ засѣданіе? — спросилъ ее Розановъ на лѣстницѣ.

У Вязминыхъ въ Измайловскомъ полку была прехорошенькая квартира. Она была не очень велика, всего состояла изъ шести комнатъ, но расположеніе этихъ комнатъ было обдуманно съ большимъ соображеніемъ и давало возможность расположиться необыкновенно удобно. Кромѣ очень изящной гостиной, зала и совершенно уединеннаго кабинета Николая Степановича, влѣво отъ гостиной шла спальня Евгеніи Петровны, передѣленная зеленой шелковой драпировкой, за которой стояла ея кровать, и тутъ же въ стѣнѣ была дверь въ маленькую закрытую нишу, гдѣ стояла бѣлая каменная ванна. Затѣмъ были еще двѣ комнаты для стола и для дѣтей и, наконецъ, не въ счетъ покоевъ,

шли дѣвчья съ чернаго входа и передняя съ парадной лѣстницы.

У Вязмитиновыхъ уже все было приведено въ порядокъ, все глядѣло тепло и пріятно.

— Рай у тебя, моя умница, — говорила, раздѣвшись въ дѣтской, няня.

— Дѣйствительно хорошо, — подтвердила Лиза.

Вязмитиновъ, возвратясь къ обѣду домой, былъ очень радъ, заставъ у себя неожиданную гостью. Вечеромъ пріѣхалъ Розановъ, и они посидѣли, вспоминая многое изъ своего прошлаго. Лиза только тщательно уклонялась отъ пытливыхъ вопросовъ Николая Степановича о ея настоящемъ житьѣ. Они взаимно произвели другъ на друга непріятное впечатлѣніе. Лиза сказала о Вязмитиновѣ, что онъ сталъ несправимымъ чиновникомъ, а онъ отозвался о ней же, какъ о какой-то безпардонной либералкѣ, которая непременно хочетъ передѣлать весь свѣтъ на какой-то свой особенный ладъ, о которомъ и сама она едва ли имѣетъ какое-нибудь опредѣленное понятіе.

На ночь Евгенія Петровна уложила Лизу на диванъ за драпри въ своей спальнѣ и нѣсколько разъ пыталась добиться у нея откровеннаго мнѣнія о томъ, что она думаетъ съ собой сдѣлать, живя такимъ страннымъ и непонятнымъ для нея образомъ.

— Мой другъ, оставь меня самой себѣ, — тихо, но рѣшительно отвѣчала ей Лиза.

На другой день Розановъ привезъ къ вечеру Райнера. Вязмитинову это очень не понравилось.

— Вѣдь ты же съ нимъ былъ знакомъ. — убѣждалъ его докторъ.

— Да мало ли съ кѣмъ я былъ знакомъ, — отвѣчалъ Вязмитиновъ.

— Чудно, братъ, какъ ты такъ въ генералы и лѣзешь.

— Да. Николая Степановича трудно иногда становится узнавать, — произнесла, краснѣя, Женни, при которой происходилъ этотъ разговоръ. — Ему какъ будто мѣшаютъ теперь люди, которыхъ онъ прежде любилъ и хвалилъ.

Вязмитиновъ замолчалъ и былъ очень вѣжливъ и внимателенъ къ Райнеру.

— Тебѣ, кажется, нравится Райнеръ? — спросила Лизу, укладываясь въ постель, Женни.

— Да, онъ лучше всѣхъ, кого я до сихъ поръ знала,— отвѣчала спокойно Лиза и тотчасъ же добавила:—чудо какъ хорошо спать у тебя на этомъ диванѣ.

Бахарева прогостила у подружки четверо сутокъ и стала собираться въ домъ. Въ это время произошла сцена: няня расплакалась и Христомъ-Богомъ молила Лизу не возвращаться.

— Я здѣсь по лѣстницѣ двѣ комнаты нашла,—говорила она со слезами. — Пятнадцать рублей на мѣсяць всего. Отлично намъ съ тобою будетъ: кухмистеръ есть на дворѣ, по восьми рублей беретъ, столъ, говоритъ, у меня всегда свѣжій. Остаешься, будь умница, утѣшь ты хоть разъ меня, старуху.

Лиза сердилась.

— Матушка, Женюшка! умоли-жь хоть ты ее неумолимую,—приставала, рыдая, старушка.

Ничто не помогло: Лиза уѣхала.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Мірское и гражданское житье.

Прошло полгода. Зима кончилась и начиналась гнилая петербургская весна. Въ положеніи нашихъ знакомыхъ произошло нѣсколько незначительныхъ перемѣнъ. Николай Степановичъ Вязмитиновъ получилъ еще одно повышеніе по службѣ и орденъ, который его директоръ привезъ ему сюрпризомъ во время его домашняго обѣда. Николай Степановичъ, увидя на себѣ орденъ, растерялся, заплакалъ... Вязмитиновъ шелъ въ гору. У него была толпа завистниковъ и ему предсказывали чины, кресты, деньги и блестящую карьеру. Вся эта перемѣна имѣла на бывшаго уѣзднаго педагога свое вліяніе. Онъ много и усердно трудился и не задиралъ еще носа; не говорилъ ни «какъ-съ?», ни «что-съ», но уже видимо солиднѣлъ и не желать являлся съ невинными людьми, величавыми себя въ эту пору громкимъ именемъ *партии прогресса*. Николай Степановичъ твердымъ шагомъ шелъ впередъ по простой дорогѣ. Начавъ съ отреченія отъ людей и партіи безпардоннаго прогресса, онъ очень въ скоромъ времени нашеть случай вовсе отречься отъ всѣхъ молодыхъ людей.

Ему предложили очень хорошее мѣсто начальника одного учебнаго заведенія. Николай Степановичъ отказался, съѣ-

явивъ, что «при его образѣ мыслей, съ теперешними молодыми людьми дѣлать нечего».— Этотъ характерный отзывъ далъ Вязмитинову имя свѣтскаго человѣка съ «либерально-консервативнымъ направлениемъ», а вскорѣ затѣмъ и мѣсто, а съ нимъ и дружеское расположеніе одного директора департамента,—консервативнаго либерала и генерала Горностаева, нѣкогда сотрудника-корреспондента заграничныхъ русскихъ публицистовъ, а нынѣ кстати и некстати повторяющаго: «des reformes toujours, des outopies jamais».

Вмѣстѣ съ этимъ Николай Степановичъ поналъ, черезъ Горностаева, въ члены нѣсколькихъ ученыхъ обществъ и вошелъ въ кружокъ чиновной аристократіи съ либерально-консервативнымъ направлениемъ, занимавшей въ это время видныя мѣста въ департаментской іерархіи.

Новому положенію, новымъ стремленіямъ и симпатіямъ Николая Степановича только немножко не совсѣмъ отвѣчала его жена.

Всѣ консервативные либералы разныхъ вѣдомствъ, сошедшіеся съ Николаемъ Степановичемъ, были очень внимательны и къ Женни. Кроткая, простодушная и красивая Евгенія Петровна производила на нихъ самое выгодное впечатлѣніе, но сама она оставалась равнодушною къ новымъ знакомымъ мужа, не сближалась ни съ ними, ни съ ихъ женами и скоро успѣла прослыть нелюдимкою и даже дурочкой. Женни же, привыкшая къ тишинѣ и безмятежности своей уѣздной жизни, просто тяготилась новыми знакомствами въ той же мѣрѣ, въ какой она дорожила юношеской дружбой Лизы и расположенностью своихъ старыхъ знакомыхъ. Къ тому же, ее не занимали вопросы, интересовавшіеся мужа, и кружокъ его новыхъ знакомыхъ. Вязмитинову это было очень непріятно. Сначала онъ жаловался женѣ на ея нелюдимство, вредное для его отношеній, потомъ сталъ надѣяться, что это пройдетъ, старался втянуть жену въ новыя интересы и съ этою цѣлью записалъ ее въ члены комитета грамотности и общества для вспомошествованія бѣднымъ. Но Женни въ комитетѣ грамотности заскучала о дѣтяхъ и уѣхала, не дождавшись конца засѣданія, а о благотворительномъ обществѣ, въ которое ее записали членомъ, отзывалась, что она тамъ сконфузится и скажетъ глупость.

Вязмитиновъ отказался отъ усилій дать женѣ видное

положеніе и продолжалъ уравнивать себѣ дорогу. Только изрѣдка онъ покашивался на Женни за ея вниманіе къ Розанову, Лизѣ, Полинкѣ и Райнеру, тогда какъ онъ не могъ отъ нея добиться такого же или даже хотя бы меньшаго вниманія ко многимъ изъ своихъ новыхъ знакомыхъ.

Впрочемъ, они жили довольно дружно и согласно. Женни ни въ чемъ не измѣнилась, ни въ нравѣ, ни въ привычкахъ. Сдѣлавшись матерью, она только еще болѣе полюбила свой домашній уголь и разставалась съ нимъ лишь въ крайней необходимости, и то весьма неохотно. Мужу она ни въ чемъ не противорѣчила, но если бы всмотрѣться въ жизнь Евгении Петровны внимательно, то можно бы замѣтить, что Николай Степановичъ въ глазахъ своей жены не вырастаетъ, а малится.

Между различными посѣтителями дома Вязмитиновыхъ исключительными гостями Евгении Петровны были только ея прежніе знакомые: Розановъ, Лиза, Полинка Калистратова и Райнеръ.

Если эти лица заходили къ Евгении Петровнѣ въ такое время, когда мужа ея не было дома и не случалось никого постороннихъ, то они обыкновенно проходили къ ней черезъ драпированную спальню въ ея розовую чайную, и здѣсь заводились долгія задушевныя бесѣды, напоминавшія былую простоту дома Главацкихъ. Обыкновенно эти гости набѣгали къ Женни около одиннадцати или двѣнадцати часовъ и частехонько засиживались до звонка, возвѣщавшаго въ четыре часа возвращеніе Вязмитинова къ обѣду. Случалось, что Николай Степановичъ, входя въ свою квартиру, въ передней какъ разъ сталкивался съ уходящими пріятелями своей жены и каждый разъ послѣ этого дулся.

Какъ многіе люди, старающіеся изолировать себя отъ прежнихъ знакомствъ, Николай Степановичъ раздражался, видя, что прежніе знакомые понимаютъ его и начинаютъ сами отъ него удаляться и избѣгать съ нимъ натянутыхъ отношеній. Вязмитиновъ не требовалъ, чтобы жена его не принимала въ его отсутствіе своихъ провинціальныхъ друзей, но каждый разъ, встрѣтаясь съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ или со всѣми вмѣстѣ въ передней, надувался на нѣсколько дней на жену и тщательно хранилъ многозначительное молчаніе. Иногда онъ заходилъ нѣсколько далѣе и, наскучивъ молчаніемъ, начиналъ за обѣдомъ разговоръ съ того:

— А что, если бы васъ спросили, какъ отнесется madame Галистратова къ Розанову? Что бы вы на это отвѣтили?

— Никто меня объ этомъ не спроситъ, — обыкновенно очень спокойно отвѣчала въ такихъ случаяхъ Женни, подавая мужу тарелку, и тотчасъ же мягко переводила разговоръ на другую тему.

Или другой разъ Николай Степановичъ начиналъ рѣчь съ вопроса о томъ, какъ записанъ Полинкинъ ребенокъ?

— Почему мнѣ знать это, — отвѣчала Женни.

— А, однако, странно ея положеніе, — замѣчалъ Вязмитиновъ.

Женни конфузилась.

Не менѣ оскорбительные и неприятные запросы Вязмитиновъ часто предлагалъ женѣ насчетъ Лизы и Райнера, но, впрочемъ, всѣхъ ихъ, даже самъ, иногда приглашалъ къ себѣ на ужинъ или чашку чаю.

Въ отношеніи къ Розанову онъ держался иной, не то болѣе искренней, не то болѣе осторожной политики. Розановъ ему служилъ напомниманіемъ прошлаго и, не обращая вниманія на перемѣну, происшедшую въ положеніи Вязмитинова, держалъ себя съ нимъ съ прежнею короткостью, заставлявшею Вязмитинова хотя нехотя жить по-старому. Розановъ говорилъ ему попрежнему *ты*; когда тотъ начиналъ топорщиться, онъ, шутя, называлъ его «царемъ Берендеемъ», подтрунивалъ надъ привычкою его носить постоянно орденъ въ петлицѣ фрака и даже съ нѣкоторымъ цинизмомъ отзывался о достоинствахъ консервативнаго либерализма. Но Вязмитиновъ все это сносить и не могъ ни отбиться отъ Розанова, ни поставить его къ себѣ въ болѣе почтительныя отношенія.

Старуха Абрамовна водворилась въ домъ Вязмитиновыхъ вслѣдствіе нѣскольکو ошибочнаго расчета и жила здѣсь, выдерживая «караκτηръ».

Погостивъ съ Лизою у Женни во время приведенія въ порядокъ общественнаго Дома, старушка совершенно ушла мирными прелестями тихаго семейнаго житія, къ которому она привыкла, и не могла безъ тренета вспомнить о гражданскомъ Домѣ и житіи подъ командою Бѣлоярцева, при новыхъ, совершенно неприятныхъ ей порядкахъ. Она просила, умоляла Лизу позволить ей увезти оттуда всѣ ихъ вещи; плакала, бранилась и, наконецъ, объявила:

— Ну, когда такъ хочешь жить, такъ я тебѣ не слуга.

Старушка рассчитывала запугать Лизу и очень грустно ошиблась. Лиза спокойно отказалась отъ ея услугъ и даже похвалила ее за это намѣреніе.

— И что-жъ такое! И Богъ съ тобою совсѣмъ: я и останусь. Авось безъ куска хлѣба не пропаду. Найдутся добрые люди, хоть изъ куска хлѣба возьмутъ еще. На старости лѣтъ хоть болонокъ на дворъ выпущать гожусь.

Лиза не упрашивала, но предложила старухѣ на особое житье денегъ, отъ которыхъ та съ гордостью отказалась и осталась у Женни. Здѣсь она взялась вводить въ дѣтской патріархальные порядки и съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ выжидала, когда Лиза придетъ и сознается, что ей безъ нея плохо.

Время шло; Лиза изрѣдка навѣщала Вязмитинову, но рѣчи о томъ, что ей плохо безъ Абрамовны, никогда не заходило.

Абрамовна съ своей стороны выдерживала характеръ. Съ каждымъ приходомъ Лизы она въ ея присутствіи удваивала свои заботы о дѣтяхъ Вязмитиновой и вертѣлась съ младшимъ около чайнаго стола, за которымъ обыкновенно шли бесѣды.

Только когда Лиза поднималась идти домой, старуха исчезала изъ комнаты и выползала въ переднюю боковой двери. Кропочась на прислугу, она съ серьезной физиономіей снимала съ вѣшалки теплое пальто Лизы и, одѣвая ее, ворчала:

— Хоть бы вѣшалку-то, сударыня, приказала прикрѣпить своимъ фреллинамъ.

Полинъка Калистратова жила въ небольшой уютной квартиркѣ у Египетскаго моста. Жилье ея состояло изъ двухъ удобныхъ и хорошо меблированныхъ комнатъ, кухни и передней. Съ нею жила опрятная кухарка-нѣмка и то маленькое, повитое существо, которое, по миѣшю Вязмитинова, ставило Полинъку Калистратову въ весьма фальшивое положеніе. Полинъка сама любила это существо со всею материнскою горячностью, но еще не привыкла, когда Лиза или Женни освѣдомлялись у нея о ребенкѣ. Одной Абрамовнѣ, когда той случалось навѣстить Полинъку, она показывала ребенка съ восторгомъ. Старушка ласкала дитя, ласкала мать и утѣшала ихъ, говоря:

— Живите, други, живите. А ихъ-ма-хма, что дѣлать-то! Богъ грѣшниковъ прощаетъ.

Розановъ былъ у Полинки каждый день и привязанность его къ ней нимало не уменьшалась. Напротивъ, гдѣ бы онъ ни былъ, при первомъ удобномъ случаѣ рвался сюда и отдыхалъ отъ всѣхъ трудовъ и неприятностей въ уютной квартиркѣ у Египетскаго моста.

Взглянемъ на житье гражданъ.

Въ *миръ* изъ *Дома* доходило очень мало извѣстій, и тѣ, которыя доходили до мірскихъ ушей, были, по большей части, или слишкомъ преувеличены, или совсѣмъ чудовищно извращены и носили самый грязный, циничный характеръ. Въ *миръ* *Домъ* представлялся прежде всего чѣмъ-то въ родѣ турецкаго гарема или такого жилища, гдѣ главною задачею стоитъ самое безцеремонное отношеніе живущихъ тамъ гражданъ съ живущими гражданками. О правахъ обитателей этого *Дома* рассказывались чудеса. Въ *миръ* о нравахъ и жизни новаго гражданскаго *Дома* имѣли гораздо меньше вѣрныхъ свѣдѣній, чѣмъ о жизни въ старыхъ католическихъ монастыряхъ, о которыхъ когда-то любили разсуждать.

Гдѣ только міряне интересовались *Домомъ*, тамъ они и сочиняли о немъ разныя небылицы самаго рѣшительнаго характера, не додумываясь до воспроизведенія простыхъ, обыденныхъ будничныхъ явленій обитателей *Дома*. Кошачья въ безднѣ грѣховной, міряне, которыхъ гражданскій *Домъ* интересовалъ своею оригинальностью и малодоступностью, судили о его жильцахъ по своимъ склонностямъ и побужденіямъ, упуская изъ виду, что «граждане *Дома*» старались ни въ чемъ не походить на обыкновенныхъ смертныхъ, а стремились стать выше ихъ; стремились быть для нихъ нравственнымъ образцомъ и выкройкою для повсемѣтнаго распространенія въ Россіи новаго соціальнаго устройства.

Въ *Домѣ* жилось сообразно особымъ уставамъ, безпрестанно обесуживавшимся, реформировавшимся и никогда ни на одну недѣлю не устанавливавшимся *statu quo*. Комплектъ жильцовъ *Дома* до сихъ поръ считался неполнымъ. Не проходило дня, чтобы тотъ или другой членъ общей квартиры или, какъ ее называлъ Вьлоярцевъ, «ассоціаціи» не предлагалъ новаго кандидата или кандидатки, но Вьлояр-

певъ всегда находилъ въ предлагаемомъ лицѣ тысячу разныхъ дурныхъ сторонъ, по которымъ оно никакъ не могло быть допущено въ «ассоціацію». Безгласный сателлитъ Бѣлоярцева, Прорвичъ, не могъ сдѣлать ему никакой оппозиціи; другихъ мужчинъ въ *Домъ* до сихъ поръ еще не было допущено, женщины молчали, недоумѣвая, что съ ними дѣлаютъ и что имъ дѣлать, чтобы все шло иначе. Онѣ уже ясно начинали чувствовать, что равноправія и равносіія въ ихъ ассоціаціи не существуетъ, что вся сила и воля сосредоточивались въ Бѣлоярцевѣ. Такъ прошелъ первый и другой мѣсяцъ совмѣстнаго житія. Въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ каждый день разбирались вопросы: можно ли брать за работу дороже, чѣмъ она стоить, хотя бы это и предлагали? Справедливо ли заставлять слугъ открывать двери гостямъ, которые ходятъ не къ нимъ, а къ самимъ гражданамъ? Можно ли писать къ своимъ родителямъ? Можно ли оставаться въ гражданствѣ, обвинявшіеся церковнымъ бракомъ? и т. п. А главное, все твердилось о трудѣ: о формѣ труда, о правильномъ раздѣленіи труда, о выгодахъ ассоціаціонной жизни, о равномерномъ раздѣлѣ заработковъ, а самаго труда производилось весьма мало и заработковъ ни у кого, кромѣ Бѣлоярцева, Прорвича и Кавериной, не было никакихъ.

Протянувъ первый мѣсяцъ, Бѣлоярцевъ свелъ счетъ произведеннымъ въ этотъ мѣсяцъ издержкамъ и объявилъ, что онъ прочитаетъ отчетъ за прошедшій мѣсяцъ въ день первой декады второго.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Первый блинъ.

Дни декады, учрежденные гражданами *Дома*, тоже прививались плохо. Въ *Домъ* вообще было вхожихъ немного, но и тѣ часто путали декады и являлись не въ урочные дни. Третья декада имѣла особенный интересъ, потому что въ день ея окончанія долженъ былъ огласиться мѣсячный отчетъ *Дома*, а этимъ интересовались не только граждане, обитающіе въ *Домъ*, но и всѣ прочіе граждане, связанные съ ними духовнымъ единствомъ. Поэтому, въ день третьей декады, въ *Домъ*, къ восьми часамъ вечера, наѣхало около пятнадцати человекъ все гражданскаго направленія. Въ числѣ гостей были: Красинъ, одна молодая дама, не живу-

пая съ мужемъ маюрина Мечникова, съ молоденькою шестнадцатилѣтнею сестрою, только что выпущенною съ пансіонерской скамейки, Райнеръ съ своимъ пансіономъ, Ревякинъ, нѣкогда встрѣтившій Лизу вмѣстѣ съ Прорвичемъ въ гостиницѣ «Италія», и два молодыхъ человѣка, приведенныхъ Красинымъ въ качествѣ стороннихъ посѣтителей, которыхъ надежало убѣдить въ превосходствѣ новаго рода жизни.

Пустынная зала, приведенная относительно въ лучшій порядокъ посредствомъ сбора сюда всей мебели изъ цѣлаго дома, оживилась шумными спорами гражданъ. Женщины, сидя около круглаго чайнаго стола, говорили о трудѣ; мужчины говорили о женщинахъ, въ углу залы стоялъ Бѣлоярцевъ, окруженный пятью или шестью человѣками. Передъ нимъ стояла госпожа Мечникова, держа подъ руку свою шестнадцатилѣтнюю сестру.

— Прекрасно-съ, прекрасно-съ, — говорилъ Бѣлоярцевъ молоденькой дѣвушкѣ: — даже и такимъ образомъ я могу доказать вамъ, что никто не имѣетъ права продать или купить землю. Пусть будетъ по-вашему, но почитайте-ка внимательнѣе и вы увидите, что тамъ сказано: *«наслѣдите землю»*, а не *«продайте землю»*, или не *«купите землю»*.

— Да, это, точно, тамъ сказано такъ, — отвѣчала очень мило и смѣло дѣвочка.

— Вотъ видите!

— Да, только позвольте, тогда нѣдь, когда было это сказано, не у кого было ее покупать, — вмѣшалась сама Мечникова.

— А, это совсѣмъ другое дѣло, — отвѣчалъ Бѣлоярцевъ.

— Нѣтъ, какъ же, это необходимо надо разобрать, — вставила Бертольдъ.

— Ахъ, это совсѣмъ не о томъ рѣчь, — отвѣчалъ нетерпѣливо Бѣлоярцевъ.

— Ну, а если у меня, напримѣръ, есть наслѣдственная земля? — спросила Мечникова.

— Такъ это не въ томъ же смыслѣ совсѣмъ сказано.

— Стало-быть, если я получу по наслѣдству тысячу десятинъ, то я имѣю право одна наслѣдовать эту землю? — освѣдомилась Бертольдъ.

— Ничего вы не получите по наслѣдству, — отшутился Бѣлоярцевъ.

— Нѣтъ, это непременно надо разобрать, — отвѣчала Бертольди.

Въ девять часовъ убрали самоваръ, и Бѣлоярцевъ, попросивъ гостей къ столу, развернулъ мелко исписанный листъ бумаги, откашлянулся и началъ читать:

«Отчетъ свободной русской ассоціаціи, основанной на началахъ полнаго равенства, за первыя три декады ея существованія.

«Ассоціація наша, основанная въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ для того, чтобы избѣгать всякихъ опасностей, возможныхъ при новизнѣ дѣла и преслѣдованіи его полиціей, въ теченіе трехъ декадъ, или одного христіанскаго мѣсяца своего существованія, имѣла, милостивые государи, слѣдующіе расходы».

Начинались самыя подробныя исчисленія всѣхъ расходовъ на житье въ теченіе прошедшаго мѣсяца.

По окончаніи исчисленія расходовъ, Бѣлоярцевъ продолжалъ:

«Такимъ образомъ, милостивые государи, вы можете видѣть, что на покрытіе всѣхъ рѣшительно нуждъ семи наличныхъ членовъ ассоціаціи, получавшихъ въ *Домъ* рѣшительно все имъ нужное, какъ-то: квартиру, отопленіе, прислугу, столъ, чай и чистку бѣлья (что составляетъ, при отдѣльномъ житъѣ, весьма немаловажную статью), на все это издержано триста двадцать шесть рублей восемьдесятъ три копейки, что на каждаго изъ насъ составляетъ по двадцати пяти рублей съ ничтожными копейками. Надѣюсь, милостивые государи, что это недорого и что въ раздѣльности каждый изъ насъ не могъ бы прожить на эту сумму, имѣя всѣ тѣ удобства, какія намъ дало житье ассоціаціей».

— И освѣщеніе въ этомъ же числѣ? — спросилъ кто-то изъ гостей.

— Освѣщеніе? Нѣтъ, освѣщенія нѣтъ въ этомъ счетѣ. Въ теченіе первой декады опытъ показалъ, что общественное освѣщеніе неудобно. Нѣкоторые изъ членовъ ассоціаціи желали заниматься въ своихъ комнатахъ; нѣкоторые исключительно занимались по ночамъ, и потому было составлено экстренное засѣданіе, на которомъ положено имѣть общественное освѣщеніе только для прислуги.

— А въ общественныхъ комнатахъ?

— До сихъ поръ у насъ было приготовленное сначала освѣщеніе для этой комнаты.

— Ну, это, однако, надо обсудить, — замѣтила Бертольди.

— Такъ вотъ, господа, — началъ Бѣлоярцевъ: — вы сами видите на опытѣ несомнѣнные выгоды ассоціаціи. Ясное дѣло, что, издержавъ въ мѣсяцъ только по двадцати пяти рублей, каждый изъ насъ можетъ сдѣлать невозможныя для него въ прежнее время сбереженія и ассоціація можетъ позволить себѣ на будущее время несравненно большія удобства въ жизни и даже удовольствія.

— Менъ, но нужно же капитализировать сначала эти сбереженія, — замѣтилъ, гнуся и раскачиваясь, Кусицынъ, проживающій у Райнера на «ласковомъ хлѣбѣ».

— Они и будутъ капитализироваться. На мою долю падаетъ двадцать пять рублей съ копейками, вотъ я ихъ и представляю въ кассу ассоціаціи.

Бѣлоярцевъ вынулъ изъ кармана двадцатипятирублевую ассигнацію съ мелкою серебряною монетою и положилъ ихъ на столъ передъ Прорвичемъ, избраннымъ въ кассиры ассоціаціи.

Прорвичъ сдѣлалъ то же, положивъ свои деньги къ деньгамъ Бѣлоярцева.

Лиза приподнялась, посмотрѣла серебряную монету, положенную Бѣлоярцевымъ вмѣстѣ съ ассигнаціею, и вышла въ свою комнату.

Черезъ минуту она воротилась съ двадцатипятирублевымъ билетомъ и серебряною монетою, которые положила къ деньгамъ Прорвича и Бѣлоярцева.

Во время склада этихъ денегъ общество хранило молчаніе.

Когда Лиза положила деньги и сѣла на свое мѣсто, Бѣлоярцевъ постоялъ нѣсколько минутъ и, обратись къ Ступиной, которая, краснѣя, шептала что-то Бертольди, спросилъ вполголоса:

— Что вы хотите сказать, Анна Львовна?

Ступина еще болѣе покраснѣла и, смотря на свою мантію, съ принужденной улыбкой выговорила:

— У меня нѣтъ денегъ; я не могла ничего заработать.

— Что жъ такое, — снисходительно отвѣчалъ Бѣлоярцевъ. — Ассоціація можетъ вамъ кредитовать.

— Въ этомъ-то и сила ассоціаціи, — замѣтила Бертольди.

— Это васъ не должно стѣснять.

— Какъ же не должно? — еще болѣе конфузясь, проронила Ступина, чувствуя, что на нее всё смотрять.

— Вотъ madame Каверина имѣла заработокъ, — разсуждать Бѣлоярцевъ, — но она имѣла непредвидѣнные расходы по случаю болѣзни своего ребенка, и ей ассоціація тоже кредитуетъ, такъ же какъ и другимъ, которые еще не ориентировались въ своемъ положеніи.

— Менъ, но я думаю, что лѣченіе больныхъ должно быть общою обязанностью ассоціаціи, — замѣтилъ опять Кузицынъ.

— Да-съ, это такъ; но пока все это еще не совсѣмъ конституировалось, — отвѣчала Бѣлоярцевъ: — это нѣсколько трудно.

— Менъ, что жъ тутъ труднаго: внести на общій счетъ, и только.

— Да, это будетъ, это все будетъ современемъ.

— Объ этомъ, однако, надо разсудить, — вставила Бертольди.

— Да, конечно: можно ангажировать будетъ доктора.

— Розановъ охотно согласится лѣчить безъ всякой платы, — замѣтила Лиза, глядя сквозь свои пальцы на свѣчу.

— Ну, видите... Розановъ... Это не такъ удобно, — отвѣчала Бѣлоярцевъ.

— Отчего же это неудобно?

— Мы можемъ найти другого врача. Наконецъ, изъ сбереженій... Да вотъ и Сулима не откажется.

— Я очень радъ, — отвѣчала Сулима.

— Да, а то Розановъ, конечно, человѣкъ свѣдущій, но... Неудобно какъ-то. Полицейскій врачъ, — пояснилъ Бѣлоярцевъ, обращаясь ко всему обществу.

— У васъ все неудобно, — тихо произнесла Лиза.

— Да, наконецъ, это все, Лизавета Егоровна, можетъ устроиться и безъ одолженій. Начало хорошо и будемъ тѣмъ пока довольны.

Бѣлоярцевъ сложилъ свой отчетъ и всталъ съ своего мѣста.

— Мм... ну, а что же вторая половина отчета? — осведомился, не оставляя стула, Кузицынъ.

— Отчетъ конченъ.

— Мм... а гдѣ же доходы ассоціаціи?

— Какіе же еще доходы?

— Ну, прибыль отъ труда?

— Да, это самое интересное,—отозвался Красинъ.

— Какая же, господа, прибыль? Теперь еще нѣтъ обезреженій.

— Мм... ну, а что же въ кассу поступило?

— Да, вотъ, семьдесятъ пять рублей поступаетъ въ возвратъ.

— Менъ, ну, а остатки отъ вашего заработка?

— Какъ отъ моего заработка!

— Ну, да, отъ заработка. Вы сколько заработали въ течение этого мѣсяца?

— Я?

— Мм... ну, да, вы.

— Я... я, право, не считалъ.

— Ну, какъ же. Это надо считать.

— Позвольте, для чего же это считать?

— Мм... ну, для того, чтобы знать, что поступаетъ въ общую кассу прибылью.

Бълярцевъ затруднялся.

— Позвольте, господа, — началъ онъ:— я думаю, что никому изъ насъ нѣтъ дѣла до того, какъ кто поступитъ съ своими собственными деньгами. Позвольте, вы, если я понимаю, не того мнѣнія о нашей ассоціаціи. Мы только складываемся, чтобы жить дешевле и удобнѣе, а не преслѣдуемъ другихъ идей.

— Менъ! Ну, такъ это значитъ все пустое дѣло стало. Я думалъ, что весь заработокъ складывается вмѣстѣ и изъ него общій расходъ: вотъ это дѣло достойное вниманія.

— Нѣтъ, совсѣмъ не то...

— Менъ,—ну, да: это значитъ у васъ общія комнаты съ общимъ столомъ.

— Нѣтъ, опять не то-съ.

— Нѣтъ, именно то.

— Господа! — сказалъ, поднимаясь, молчавшій до сихъ поръ Райнеръ. — При первой мысли объ устройствѣ этой общины, въ обсужденіи котораго мнѣ позволено было участвовать, я имѣлъ честь много разъ заявлять, что община эта будетъ имѣть значеніе тогда, если въ ней станутъ трудиться *все*, не считаясь, кто сколько можетъ заработать, и *соединять заработокъ*, чтобы изъ него производить расходъ на *всѣхъ*. Тогда положеніе дамъ; вошедшихъ въ этотъ

общественный союзъ, было бы, дѣйствительно, улучшено, потому что онѣ, трудясь столько же, какъ всѣ прочіе, получили бы столько же и удобствъ, и сбереженій, какъ всѣ прочіе члены союза. Мнѣ кажется, что такъ это было понято и всѣми.

Всѣ молчали.

— Нѣтъ, это только говорилось, — произнесъ Бѣлоярцевъ.

— Ну, по крайней мѣрѣ, я пока понималъ это такъ и искалъ чести принадлежать только къ такому союзу, гдѣ бы избытки средствъ, данныхъ мнѣ природою и случайностями воспитанія, могли быть раздѣлены со всѣми по праву, которое я признаю за обществомъ, но о такомъ союзѣ, какимъ онѣ выходятъ, судя по послѣднимъ словамъ господина Бѣлоярцева, я такого же мнѣнія, какъ и господинъ Куницынъ.

— Мень, ну, конечно: это комнаты съ мебелью и общимъ столомъ.

— И только, — подтвердилъ, сѣдясь, Райнеръ.

Женщины Дома и гости молчали. Бѣлоярцевъ находился въ замѣшательствѣ.

— Господа! — началъ онѣ весьма тихо: — всякое дѣло сначала должно вести полегоньку. Я очень хорошо понимаю, къ совершенію чего призвана наша ассоціація, и надѣюсь, что при дружныхъ усиліяхъ мы достигнемъ своей цѣли, но пока не будьте къ намъ строги, дайте намъ осмотрѣться; дайте намъ, какъ говорить, на головѣ поправить.

— Да, объ этомъ надо разсудить, это нельзя такъ оставить, — возгласила Бертольди.

Засѣданіе считалось конченнымъ.

Райнеръ и нѣсколько другихъ встали и начали ходить по смежной комнатѣ.

Черезъ полчаса Домъ опустѣлъ отъ всѣхъ стороннихъ посѣтителей, кромѣ Райнера, котораго Бѣлоярцевъ упросилъ ночевать, чтобы посоветоваться.

— Мень, Райнеръ, вы остаетесь здѣсь? — спросилъ, вступая изъ передней въ залу, Куницынъ.

— Да, я останусь, — отвѣчалъ Райнеръ.

— Мень, ну, такъ дайте же мнѣ денегъ на извозчика.

Райнеръ покопался въ карманѣ и сказалъ:

— Со мною нѣтъ денегъ.

— Ну, а какъ же завтра на обѣдъ? Вы займите у кого-нибудь.

Райнеръ взялъ у Прорвича три рубля и отдалъ ихъ Ку-сицину.

— Гм! а туда же о трудѣ для общей пользы толкуеть,— произнесъ, гуша лишнія свѣчи, Бѣлоярцевъ.

— Тс! полноте, — остановилъ его, покраснѣвъ до ушей, Райнеръ.

Бѣлоярцевъ уложилъ Райнера въ своей комнатѣ и долго толковалъ съ нимъ, стараясь всячески держаться передъ Райнеромъ покорнымъ ученикомъ, который послушенъ во всемъ, но только имѣетъ опытъ, обязывающій его принимать теоретическіе уроки, соображая ихъ съ особенными условіями, въ которыхъ учитель не компетентенъ.

Загасивъ часа въ три свѣчу и завернувшись въ одѣяло, Бѣлоярцевъ думалъ:

«Это, значить, подѣ весь заработокъ подходитъ. Ахъ, ты чортъ вась возьми! Вотъ если бы теперь вмѣшалась въ это полиція, да разогнала насъ! Милое бы дѣло было. Не зналъ бы, кажется, которому святителю молиться и которымъ чудотворцамъ обѣщаться.»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Девятый валъ.

Со страхомъ, какъ мореходецъ ждетъ девятого вала, ждалъ Бѣлоярцевъ девятой декады, въ которую должно было происходить третье общее собраніе гражданъ.

Тренка, вынесенная имъ въ первомъ общемъ собраніи, его еще не совсѣмъ пришибла. Опъ скоро оправился, просилъ Райнера не обращать вниманія на то, что сначала дѣло идетъ не совсѣмъ на полныхъ социальныхъ началахъ, и все-таки помогать ему словомъ и содѣйствіемъ. Потомъ обошелъ другихъ съ тою же просьбою; со всѣми ласково поговорилъ и успокоился.

Преданный всякому общественному дѣлу, Райнеръ хотѣлъ вѣрить Бѣлоярцеву и нимало не сердился на то, что тотъ оттеръ его отъ *Дома*, хотя и хорошо понималъ, что весь этотъ маневръ произведенъ Бѣлоярцевымъ единственно для того, чтобы не имѣть возлѣ себя никого, кто бы могъ помѣшать ему играть первую роль и еще вдобавокъ вносить

такія невыгодныя для собственнаго кармана начала, какихъ упорно держался энтузіастъ Райнеръ.

Ничего этого Райнеръ не помнилъ, когда дѣло касалось до дѣла.

Какъ Алексѣй Сергѣевичъ Богатыревъ отыскивалъ родственниковъ, такъ онъ ползкомъ, на днѣ морскомъ, гдѣ только могъ, добывалъ работу для гражданокъ *Дома*; которой добылъ переводы, которой нашель музыкальные уроки, которой уступилъ часть своихъ уроковъ, — словомъ, въ теченіе мѣсяца всѣмъ досталъ занятій, кромѣ Бертольди, которая, какъ вышло на повѣрку, хвастала своими трудами у какого-то извѣстнаго ей московскаго пошляка-редактора. Она, за исключеніемъ папиросъ, ничего не умѣла дѣлать, и чистосердечный Райнеръ съ полнѣйшею наивностью предлагалъ ей клентъ папиросныя гильзы для табачной лавочки, обѣщаясь самъ всегда сбывать ихъ. Бертольди очень оскорбилась этимъ предложеніемъ и съ гордостью его отвергнула.

— Вѣдь все равно трудъ,—говорилъ ей Райнеръ.

— Нѣтъ-съ, это еще нужно обсудить, — отвѣчала Бертольди. — Заготовленіе предметовъ роскоши я не признаю трудомъ, достойнымъ развитога работника. Дѣлать букли, перчатки или кружева, по-моему, значитъ поощрять чело-вѣческую пошлость.

— Но вѣдь вы говорили, что папиросы потребность.

— Да, но не первая потребность.

— Ну, я не знаю,—отвѣчалъ Райнеръ, опять ломая голову, какую бы работу приноровить этому гражданскому экземпляру.

— Посовѣтуйте ей давать танцовальныя уроки,—сказалъ шутя Розановъ, у котораго Райнеръ при встрѣчѣ просилъ, нельзя ли достать Бертольди какихъ-нибудь занятій.

Райнеръ при своемъ взглядѣ на трудъ и это принялъ серьезно.

— Вотъ, mademoiselle Бертольди, и для васъ нашлось занятіе, — сказалъ онъ, усаживаясь къ чайному столу, за которымъ сидѣло общество.

— Что такое?—пискнула Бертольди.

— Не хотите ли давать уроки танцевъ?

— Что так-зе?

— Танцовать учить не хотите ли?—повторилъ Райнеръ,

и не могъ понять, отчего это не только Бѣлоярцевъ и Прорвичъ, но всѣ дамы и случившійся здѣсь Красинъ и даже Лиза такъ и покатились отъ смѣха, глядя на кругленькую фигурку Бертольди.

Райнеръ нѣсколько смѣшался и, глядя на всѣхъ, не понималъ, что случилось, достойное такого смѣха. По его понятіямъ о трудѣ, онъ съ совершеннымъ спокойствіемъ передасть бы ни къ чему неспособной Бертольди предложеніе даже прыгать въ обручъ въ манежѣ или показывать фокусы, или, наконецъ, готовить блестящую ваксу, такъ какъ она когда-то, по ея собственнымъ словамъ, «работала падъ химіей».

— Танцевальные уроки, — объяснялъ онъ: — обѣщался для васъ найти Розановъ.

— А, такъ это онъ! О, этотъ Розановъ всесовершеннѣйшій подлець! — воскликнула Бертольди, раздражаемая нескончаемымъ смѣхомъ гражданъ.

Райнеръ, круглый невѣжда въ женской красотѣ, все-таки не понималъ, что дурного или смѣшного было въ переданномъ имъ предложеніи Розанова, но, однако, рѣшился впередъ оставить Бертольди въ покоѣ и прекратить неудачные поиски удобныхъ для нея занятій.

Впрочемъ, кромѣ Каверинои, всѣ прочія женщины работали плохо. Каверина зарабатывала болѣе всѣхъ. Лиза влегла въ работу, какъ горячая лошадь въ потный хомутъ, но работа у ней не спорилась и требовала поправокъ; другія работали еще безуспѣшнѣе.

Райнеръ помогалъ каждой насколько былъ въ силахъ, и это не могло не отозваться на его собственныхъ занятіяхъ, въ которыхъ начали замѣчаться сильныя упущенія. Къ концу мѣсяца Райнеру отказали за неглежировку отъ нѣсколькихъ уроковъ. Онъ перенесъ это весьма спокойно и продолжалъ еще усерднѣе помогать въ работахъ женщинамъ Дома.

Такимъ образомъ, не допущенный въ дѣйствительные члены союза, онъ на самомъ дѣлѣ былъ главнымъ и притомъ совершенно безкорыстнымъ его работникомъ.

Бѣлоярцевъ очень радовался такому обороту дѣлъ и оказывалъ Райнеру всѣ видимые знаки вниманія.

Бѣлоярцевъ, впрочемъ, никогда никого не осаживалъ въ

глаза и никому не отказывалъ въ знакахъ своего благорасположенія.

У него была другая метода для расчета съ людьми, которые ему не нравились или которыхъ почему-нибудь просто ему нужно было спрятать въ карманъ.

Онъ, напримѣръ, не тронулъ Кусицына, заливаго ему сала за шкуру въ засѣданіи третьей декады и не выругалъ его передъ своими, послѣ его отъѣзда, а такъ, спустя денька два, началъ при каждомъ удобномъ случаѣ представлять его филантропію въ жалко-смѣшномъ видѣ. И ужъ при этомъ не позабыто было ничто: ни его лисья мордочка, ни его мычащій говоръ, ни его прожительство у Райнера, ни даже занятые, по его безцеремонному требованію, три рубля. И все это дѣлалось всегда такъ во-время, такъ кстати, что никто не заподозрилъ бы Бѣлоярцева въ затаенной враждѣ къ гражданину Кусицыну; всякому этотъ Кусицынъ становился жалокъ и смѣшонъ и самыя замѣчанія, сдѣланныя имъ Бѣлоярцеву, обращались въ укоръ ему же самому.

Такъ и всегда поступалъ Бѣлоярцевъ со всѣми и, надо ему отдать честь, умѣлъ онъ дѣлать подобныя дѣла съ неподражаемымъ артистическимъ мастерствомъ. Проснется послѣ обѣда, покушаетъ въ своей комнатѣ конфетокъ или орѣшковъ, надѣнетъ свой архалучокъ и выйдетъ въ общую залу пошутить свои шуточки—и ужъ пошутить!

Къ концу шестой декады Бѣлоярцевъ былъ въ самомъ игривомъ расположеніи духа. Ожидая второго общаго собранія, онъ сдѣлывался съ нѣкоторыми господами не только за прошлое, но устанавливалъ нѣкоторыхъ на точку вида и для будущаго. «Такъ какъ, молъ, вы, милочки мои, можете говорить то-то и то-то,—соображалъ Бѣлоярцевъ,—такъ я сдѣлаю, чтобъ ваши слова принимались вотъ такъ-то и такъ-то». Вообще Бѣлоярцеву довольно было открыть, что извѣстный человѣкъ его видитъ и понимаетъ, и этотъ человѣкъ тотчасъ же становился предметомъ его заботливости до тѣхъ поръ, пока удавалось дискредитовать этого человѣка въ мнѣніи всѣхъ людей, нужныхъ такъ или иначе Бѣлоярцеву. Зато Бѣлоярцевъ любилъ и поощрять своихъ сателитовъ и вербовалъ ихъ, особенно въ послѣднее время, безъ особенной трудности.

Авторитетъ Бѣлоярцева въ *Домъ* росъ и крѣпъ, какъ

сказочный богатырь, не по днямъ, а по часамъ. Этого авторитета не признавали только Райнеръ и Лиза, видѣвшіе Бѣлоярцева насквозь, но они молчали, а онъ передъ ними до поры до времени тоже помалчивалъ.

Второго общаго собранія онъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ. Община крѣпла, можно было показать заработки и поговорить о сбереженіяхъ. Чтобы оправдать свои соображенія насчетъ близкой возможности доставлять членамъ союза не только одно полезное, но даже и пріятное, Бѣлоярцевъ одинъ разъ возвратился домой въ сопровожденіи десяти человѣкъ, принешихъ за нимъ болѣе двадцати вазоновъ разныхъ экзотическихъ растений, не дорогихъ, но весьма хорошо выбранныхъ.

Дамы безъ конца благодарили за этотъ любезный сюрпризъ, и Бѣлоярцевъ прелюбезно устранялъ отъ себя эти благодарности.

А между тѣмъ наступила шестая декада и въ восемь часовъ вечера начали сходитьсь граждане.

Засѣданіе шестой декады началось очень оживленно.

Райнеръ пріѣхалъ въ Домъ часа за два до сбора гражданъ и привезъ съ собою рѣдкость, китаецца Фи-ю-фи, съ которымъ онъ былъ знакомъ, живя въ Англій. Китаецъ былъ человѣкъ весьма молодой и любознательный: онъ прожилъ около двухъ лѣтъ въ Европѣ, объяснялся немного по-англійски, много видѣлъ и теперь возвращался домой черезъ Россію. Отличительною чертою характера Фи-ю-фи было то, что онъ никогда ничему не удивлялся, или, по крайней мѣрѣ, весьма тщательно скрывалъ свое удивленіе и любилъ для всѣхъ чудеса европейской цивилизаціи отыскивать подобія въ китайской жизни. Онъ былъ консерваторъ и пессимистъ. Онъ не вѣрилъ ни въ какія реформы, считалъ все существующее на землѣ зло необходимымъ явленіемъ своего времени, и хотя не отвергалъ какого-то прогресса, но ожидалъ его не отъ людей, а отъ времени, и людямъ давалъ во времени только пассивное значеніе. Райнеръ, познакомясь съ Фи-ю-фи, часто бесѣдовалъ съ нимъ объ учрежденіяхъ поднебесной имперіи и указывалъ ему на поражающую нищету бѣднаго китайскаго населенія; Фи-ю-фи указывалъ Райнеру на то же самое въ Англій и Италіи и другихъ мѣстахъ цивилизованной Европы. Райнеръ показывалъ ему Poor Union въ Борсетѣ, — Фи-ю-фи нашель,

что это для него вовсе не ново. Райнеръ разяснялъ ему трактаты объ экономическихъ реформахъ, — китаецъ и къ нимъ относился совершенно равнодушно.

— Да, говорятъ, говорятъ,—отвѣчалъ онъ, но только.

Встрѣясь съ этимъ азиатскимъ анземпляромъ въ Петербургѣ, Райнеръ сдѣлался его чичероне и привезъ его, между прочимъ, въ качествѣ рѣдкаго посѣтителя, въ *Домъ*, предупредивъ, что здѣсь будутъ жить такъ, какъ онъ читалъ въ нѣкоторыхъ трактатахъ.

Китаецъ очень радъ былъ видѣть все, что имѣло для него какую-нибудь новизну.

Важно расшаркиваясь и внимательно, съ крайнею осторожностью, осматриваясь во всѣ стороны, онъ вступилъ за Райнеромъ въ *Домъ Согласія*. Они застали всѣхъ гражданъ *Дома* въ залѣ, бесѣдующими о трудѣ. Бѣлоярцевъ всталъ при входѣ необычайнаго посѣтителя и привѣтствовалъ его съ тонкостью образованнаго европейца и съ любезностью фермера, приготовляющагося удивить посѣтителя своимъ стадомъ тонкорунныхъ овецъ.

— Это жрець?—спросилъ китаецъ Райнера.

Райнеръ объяснилъ ему, что такое Бѣлоярцевъ и жепцины, которыхъ они видятъ за столомъ.

Китаецъ мотнулъ головой, Райнеръ сталъ объяснять ему порядки *Дома*: китаецъ опять моталъ головою.

— Это *Фо*; это значитъ они принадлежатъ къ религiи *Фо*. — говорилъ онъ Райнеру, тономъ глубочайшаго убѣжденія.

— Что онъ говорить?—безпрестанно освѣдомлялась Бертольди.

Райнеръ перевелъ ей это замѣчаніе.

-- Странно! Онъ глупъ вѣрно,—произнесла Бертольди.

— Вы ему разясните, что это не всѣ мы здѣсь, что у насъ есть свои люди и въ другихъ мѣстахъ.

— Да, это какъ *Фо*, — говорилъ китаецъ, выслушавъ объясненія Райнера.—*Фо* всѣ живутъ въ кумирняхъ и ихъ поклонники тоже приходятъ. Они вмѣстѣ работаютъ: это я знаю. Это у всѣхъ *Фо*.

— Вы расскажите, что мы это разовьемъ, что у насъ будутъ и удобства. Вотъ цвѣты уже у насъ.

— Вотъ этотъ челоѣкъ сюда цвѣты принесъ,—говорилъ Райнеръ китаицу.

— Да это все какъ у *Фо*; *Фо* всегда вмѣстѣ живутъ и цвѣты приносятъ.

— Что за пошлякъ!— отозвалась Бертольди, допытавшись у Райнера, о чемъ говорить китаецъ.

Между тѣмъ собрались граждане. Собраніе было больше прежняго. Явилось нѣсколько новыхъ гражданъ и одна новая гражданка Чулкова, которая говорила, что она не намѣрена себѣ ни въ чемъ отказывать; что она разъ встрѣтила въ Лѣтнемъ саду человѣка, который ей понравился, и прямо сказала ему:

— Не хотите ли быть со мною знакомымъ?

— Это такъ и слѣдовало, -- сказалъ ей тихонько Бѣлоярцевъ.

Чтеніе отчета за вторыя три декады началось въ девять часовъ вечера и шло довольно беспорядочно. Прихожіе граждане развлекались разговорами и плохо слушали отчетъ *Дома*. Резюме отчета было то же, что и въ первый разъ: расходовъ приходилось по двадцати семи рублей на человѣка; уплатили свои деньги Бѣлоярцевъ, Прорвичъ, Лиза и Каверина. Прочіе хотя и имѣли кое-какой заработокъ, но должны были употребить его на покрытіе другихъ нуждъ своихъ и въ уплату ничего представить не могли. Бѣлоярцевъ утѣшался и снова повторялъ объ ожидаемыхъ сбереженіяхъ и объ удобствахъ, которые съ помощью ихъ станутъ возможны для ассоціаціи. Многіе, однако, чуяли, что это вздоръ и что никакихъ сбереженій не будетъ.

Засѣданіе кончилось довольно рано и довольно скучно. Гости стали расходиться въ одиннадцатомъ часу, торопясь каждый уйти къ своему дому. Китаецъ всталъ и хлопалъ глазами.

— Это когда же начнется? — спросилъ онъ тихонько Райнера.

— Чтò такое когда начнется?

— Театръ.

— Театръ! Какой театръ?

— Развѣ не будетъ театра?

Райнеръ всталъ и потащилъ съ собою своего азіатскаго друга, ожидавшаго все время театрального представленія.

Представленіе началось вскорѣ, но безъ постороннихъ зрителей.

— Сколько стóять эти цвѣты? — спросила Лиза Бѣлояр-

цева, когда онъ возвратился, проводивъ до передней послѣдняго гостя.

— Что-то около шестнадцати рублей, Лизавета Егоровна.

— Какъ же вы смѣли опять позволить себѣ такое самоволіе! Зачѣмъ вы купили эти цвѣты?

— Господи Боже мой! сколько вы времени видите здѣсь эти цвѣты и вдругъ такой букетъ, — отвѣчалъ обиженнымъ тономъ Бѣлоярцевъ.

— Я васъ спрашиваю, какъ вы смѣли ихъ купить на общественный счетъ?

— Да отчего же вы ничего не говорили прежде? Вѣдь это, Лизавета Егоровна, странно: такъ жить нельзя.

— И такъ нельзя, нельзя, — отвѣчала запальчиво Лиза. — Mesdames! Васъ не оскорбляетъ этотъ поступокъ? Помните, что это второй разъ господинъ Бѣлоярцевъ дѣлаетъ, что хочетъ.

— Вѣдь онъ подарилъ эти цвѣты? — вмѣшалась Ступина.

— Вы подарили эти цвѣты? Ваши они, наконецъ, или общіе? Надѣюсь, общіе, если вы записали ихъ въ отчетъ? Да? Ну, говорите же... Ахъ, какъ вы жалки, смѣшны и... гадки, Бѣлоярцевъ, — произнесла съ неописуемымъ презрѣніемъ Лиза и, вставъ изъ-за стола, пошла къ двери.

— Лизавета Егоровна! — позвалъ ее обиженно Бѣлоярцевъ.

Лиза остановилась и молча оглянулась черезъ плечо.

— По крайней мѣрѣ, мы съ вами послѣ этого говорить не можемъ, — произнесъ, стараясь поправиться, Бѣлоярцевъ.

Лиза пошла далѣе, не удостоивъ его никакимъ отвѣтомъ.

— Это ужасно! это ужасно! — повторяли долго въ залѣ, группируясь около Бѣлоярцева и упоминая часто имя Лизы.

— Или она, или я, — говорилъ Бѣлоярцевъ.

Рѣшено было, что, конечно, не Бѣлоярцевъ, а Лиза должна оставить *Домъ Согласія*.

Лиза узнала объ этомъ рѣшеніи въ тотъ же вечеръ и объявила, что она очень рада никому не мѣшать пресмыкаться передъ кѣмъ угодно, даже передъ Бѣлоярцевымъ.

Съ Лизою поднялась и Ступина, которой все не жилось въ *Домѣ*.

Дней пять онѣ ѣздили, отыскивая себѣ квартиру, но не находили того, чего имъ хотѣлось, а въ это время случились два непрятныя обстоятельства: Райнеръ простудился

и заболѣлъ острымъ воспаленіемъ легкихъ, и прислуга *Дома Согласія*, наскучивъ безтолковыми требованіями гражданъ, взбунтовалась и требовала расчета.

— Что вамъ такое? чѣмъ вамъ худо?—урезонивалъ Бѣлоярцевъ кухарку и дѣвушекъ.

— Какъ не худо, помилуйте,—отвѣчала въ одинъ голосъ прислуга:—не знаемъ, у кого живемъ и кого слушаться.

— Да на что вамъ слушаться!

— Да какъ же хозяйина не слушаться! А тутъ, кто тутъ старшій?

— А на что тебѣ старшій! Ну, я вамъ всѣмъ старшій. Надя! приказываю тебѣ, чтобъ ты нынче пришла мнѣ пятки почесать. — Я тебѣ старшій, ты, смотри, слушайся, — приходи.

Дѣвушки фыркали надъ бѣлоярцевскими прибаутками, но дня черезъ два опять начинали:

— Нѣтъ, вы, какъ вамъ угодно, а вы извольте себѣ другую прислугу имѣть.

Надо было переимѣнить прислугу.

Лизы никогда не было дома. На вопросы, которые Бѣлоярцевъ предлагалъ о ней другимъ, ему отвѣчали, что Лиза теперь занята, что она днюетъ и ночуетъ у Райнера, но что она непременно ихъ оставитъ.

Обстоятельство это было для Бѣлоярцева очень непріятно. Онъ началъ поговаривать, что въ интересахъ ассоціаціи это нужно бы прекратить, что онъ готовъ пожертвовать своимъ самолюбіемъ, и проч., и проч.

Ассоціація соглашалась, что лишаться такого члена, какъ Лиза, да еще на первыхъ порахъ, для нихъ весьма не выгодно.

— Это такъ,—подтвердилъ Бѣлоярцевъ, и на слѣдующій день утромъ прочелъ всѣмъ своимъ слѣдующее письмо: «Лишивъ себя права говорить съ вами, я встрѣтилъ въ васъ, Лизавета Егоровна, въ этомъ отношеніи такое сочувствіе, которое меня поставило въ совершенную невозможность объясниться съ вами еще разъ. Вы, повидимому, не находите въ этомъ надобности, но я нахожу и еще разъ хочу испытать, насколько возможно разъяснить возникшія между нами недоразумѣнія. Рѣшившись писать къ вамъ, я вовсе не имѣю въ виду оправдываться въ вашихъ глазахъ въ чемъ бы то ни было. Въ настоящую минуту, если на-

строение вашихъ мыслей еще не измѣнилось, если вы ничего сами себѣ не разъяснили,—то я считаю это дѣломъ бесполезнымъ. Странно было бы объяснять кому-нибудь, что я вовсе не то, что обо мнѣ думаютъ, въ то время, когда, можетъ-быть, вовсе не желаютъ никакъ обо мнѣ думать. Я хочу говорить не о себѣ, а о васъ и, устранивъ на время всѣ личныя счеты, буду съ вами объясняться просто, какъ членъ известной ассоціаціи съ другимъ членомъ той же ассоціаціи.

«Я слышалъ, что вы насъ покидаете. Въ числѣ прочихъ я считаю необходимымъ высказать по этому поводу мое мнѣніе.

«Еще очень недавно я желалъ, чтобы вы насъ оставили, потому что видѣлъ въ васъ причину всѣхъ раздоровъ, возникшихъ у насъ въ послѣднее время. Я даже высказалъ это мнѣніе въ полной увѣренности, что вы его узнаете. Нѣсколько позже, когда я уже успѣлъ освободиться изъ-подъ вліянія того предубѣжденія, которое развилось у меня относительно васъ, — нѣсколько позже, положивъ руку на сердце, я могъ уже безпристрастнѣе взглянуть на дѣло и, слѣдовательно, быть строже и къ самому себѣ; я пришелъ къ тому заключенію, что высказывать свои личныя желанія относительно другого никто изъ насъ не въ правѣ, тѣмъ болѣе, если эти желанія клонятся къ удаленію одного изъ членовъ. Если двое не уживаются, то, новидимому, справедливѣе всего было бы предоставить это дѣло сужденію общаго собранія, которое можетъ по этому случаю назначить экстренное засѣданіе и рѣшить этотъ спорный вопросъ на томъ основаніи: кто изъ двухъ полезнѣе для общества, т. е. ассоціаціи.

«Это мнѣніе я высказалъ всѣмъ нашимъ, но тутъ же убѣдился, что эта мѣра, несмотря на всю свою справедливость, вовсе не такъ практична и легко примѣнима, какъ мнѣ казалось прежде.—Разсуждать о возможной полезности людей, не принешихъ еще никакой существенной пользы, дѣйствительно неловко. Богъ знаетъ, что еще мы сдѣлаемъ; во всякомъ случаѣ заставить нашихъ почтенныхъ членовъ разсуждать объ этомъ, отрывать ихъ для того только, чтобы они, проникнувшись пророческимъ духомъ, изрекли каждый, по мѣрѣ силъ своихъ, прорицанія по поводу нашихъ домашнихъ дразгъ, — желать этого, по-моему, очень безраз-

судно.—Такимъ образомъ самъ я разрушилъ мною самимъ созданныя предположенія и планы и пришелъ къ тому заключенію, что время, и одно только время, сдѣлаетъ все, что нужно, и притомъ гораздо лучше того, какъ мы думаемъ. Время устроитъ правильныя отношенія и покажетъ людей въ настоящемъ ихъ свѣтѣ и вообще поможетъ многому.

«Все это, разумѣется, можетъ случиться только тогда, когда мы всецѣлю рѣшимся довѣриться тѣмъ истинамъ, которыя выработаны частію людьми нашего взгляда за границею, а частію нами самими. Будемъ лучше руководиться тѣмъ, что выработаетъ время, т.-е. самая жизнь, нежели своимъ личнымъ, минутнымъ и, слѣдовательно, не безпристрастнымъ мнѣніемъ.

«Все это въ переводѣ на разговорный русскій языкъ можетъ быть выражено въ слѣдующей формѣ:

«Лизавета Егоровна!

«Хотя я твердо увѣренъ, что вы противъ меня не правы, но для общаго блага я прошу васъ:

«Лизавета Егоровна!

«Попробуйте *на-время* забыть все, что между нами было, и не покидайте насъ.

«Съ отличнымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вѣлоярцевъ».

— Это надо прочесть въ экстренномъ засѣданіи,—замѣтила, по окончаніи письма, Бертольди.

— Помилуйте, на что же тутъ экстренное засѣданіе, когда мы все равно всѣ въ сборѣ?

— Да, но все-таки...

— Э, вздоръ: одобряете вы, господа, такое письмо?

Всѣ одобрили письмо, и въ первый разъ, какъ Лиза пришла домой отъ большого Райнера, оно было вручено ей черезъ Бертольди.

Лиза, пробѣжавъ письмо, сказала «хорошо» и снова тотчасъ же уѣхала.

— Что же значитъ это *хорошо*?—добивался Вѣлоярцевъ у Бертольди.

— Ну, разумѣется, остается,—отвѣчала она съ увѣренностью.

А между тѣмъ приближалась девятая декада, тотъ девятый валъ, котораго Вѣлоярцевъ имѣлъ много основаній опасаться. По болѣзни Райнера, ни у кого изъ женщинъ не было никакой работы; самъ Вѣлоярцевъ, находясь въ тре-

вогѣ, тоже ничего не сдѣлать въ этотъ мѣсяць; прислуга отошла и вновь никого нельзя было нанять. Жили съ одной кухаркой, деревенской бабой Мареой, и ея мужемъ, маленькимъ мужиченкомъ, Мартемьяномъ Ивановымъ, носившимъ необыкновенно огромные сапожищи, подбитые въ три ряда шляпными гвоздями. Мужиченко этотъ состоялъ истопникомъ, ставилъ самовары и исправлялъ должность лакея и швейцара.

Бѣлоярцевъ вовсе и не составлялъ отчета за три послѣднія декады. Нечего было составлять; все шло въ дефицитъ. Онъ ухищрялся выдумать что-нибудь такое, чему бы дать значеніе вопроса, не терпящаго ни малѣйшаго отлагательства, и замаять рѣчь объ отчетѣ.

Вопросъ о прислугѣ помогъ ему. Бѣлоярцевъ рѣшилъ предложить, чтобы дать болѣе мѣста равенству, обходиться вовсе безъ прислуги и самимъ раздѣлить между собою всѣ домашнія обязанности.

— Бахарева можетъ наливать чай,—говорилъ онъ, сдѣлавъ это предложеніе въ обыкновенномъ засѣданіи и стараясь, такимъ образомъ, упрочить самую легкую обязанность за Лизою, которой онъ сталъ не въ шутку бояться.— Я буду мечь комнаты, накрывать на столъ, а подавать блюда будетъ Бертольди, или нѣтъ, лучше эту обязанность взять Прорвичу. Бертольди нѣтъ нужды часто ходить изъ дому—она пусть возьметъ на себя отпирать двери.

— Я согласна,—отвѣчала Бертольди:—только не ночью; я ночью крѣпко сплю.

— Ночью Мартемьянъ Ивановъ шить въ передней.

— Ну, а днемъ я согласна.

— А остальные обязанности вы, mesdames, разберите между собою.

Такъ рѣшено было жить безъ прислуги и въ день общаго собранія занять публику изложеніемъ выгодъ отъ этой новой мѣры, выработанной самою жизнью.

Вечеръ, въ который должно было происходить третье общее собраніе, былъ темный, гадкій, туманный, какими перѣдко наслаждается Петербургская Сторона.

По дому давно все было готово къ принятію гостей, но гостей никого не было. Такъ прошелъ часъ и другой. Бѣлоярцевъ похаживалъ по комнатамъ, поправлялъ свѣчи, пере-

вертывалъ цвѣточные вазоны и опять усаживался, а гостей попрежнему не было.

— Вѣрно, никого не будетъ,—проговорилъ онъ.

— Да, надо обсудить, при сколькихъ лицахъ мы можемъ составлять общее собраніе,—замѣтила Бертольди.

— Что жъ тутъ обсуждать: общее собраніе наличныхъ членовъ, да вотъ и все...

— Стало-быть, мы сейчасъ можемъ открыть общее собраніе.

— Конечно, можемъ.

— Господа! по мѣстамъ; интересная вещь: вопросъ о прислугѣ. Бахарева, кажется, еще не знакома съ этимъ вопросомъ.

Лиза, по обыкновенію читавшая, приподняла голову и посмотрѣла вопросительно на Бертольди.

Бѣлоярцевъ воспользовался этимъ движеніемъ и, остановясь противъ Лизы въ полупочтительной, полунисбрежной позѣ, самымъ вкрадчивымъ дипломатическимъ баскомъ произнесъ: «Въ одномъ изъ экстренныхъ засѣданій, бывшихъ въ ваше отсутствіе, мы имѣли разсужденіе по вопросу о прислугѣ. Вамъ, Лизавета Егоровна, извѣстно, что всѣ попытки ввести бывшихъ здѣсь слугъ въ интересы ассоціаціи и сдѣлать ихъ нашими товарищами были безуспѣшны. Выросши въ своекорыстномъ обществѣ, они не могли себѣ усвоить нашихъ взглядовъ и настаивали на жалованьи. Потому и жалованье ихъ не удовлетворяло, имъ захотѣлось имѣть *хозяина* (Бѣлоярцевъ пожалъ плечами съ сострадательнымъ удивленіемъ). Мы должны были отпустить трехъ дѣвушекъ и остались при одной Марѣ съ ея мужемъ. Вновь приходившіе слуги тоже оказываются неудобными: ни одной нельзя растолковать выгоды ея положенія въ нашемъ устройствѣ. Что жъ дѣлать! (Бѣлоярцевъ вздохнулъ).

«Мы, Лизавета Егоровна, рѣшили, какъ въ видахъ экономіи, такъ и преслѣдуя идею совершеннаго равенства и братства, жить безъ прислуги. Мы вотъ какъ полагали раздѣлить нанин обязанности по дому. (Бѣлоярцевъ разсказалъ то, что мы уже знаемъ, и добавилъ). Мы ждали только вашего согласія для того, чтобы считать это дѣло исполнѣннѣмъ и практиковать его».

— Что жъ, если это пужно, я согласна,—отвѣчала Лиза,

едва удостоивая Бѣлорцева во все время этого разговора лѣнливымъ и равнодушнымъ полувзглядомъ.

— Значить, мы, господа, можемъ считать этотъ вопросъ вполне рѣшеннымъ.

— Да, если другіе на него согласны,—отвѣчала Лиза.

— Другіе всё уже вотировали этотъ вопросъ въ экстренномъ засѣданіи, — отвѣчалъ Бѣлорцевъ и, измѣнивъ тонъ въ еще болѣе ласковый, благодарилъ Лизу за ея вниманіе къ его просьбѣ.

— Я осталась потому, что это находили нужнымъ для дѣла, а вовсе не для васъ. Вамъ благодарить меня не за что,—отвѣчала Лиза.

Прескучно и пренатянута становилось, а вечера еще оставалось много. Бѣлорцевъ кропотался и упрекалъ русскія природы, неспособныя ничего держаться постоянно.

— Два раза пришли и конецъ, и надѣло, — рассказывалъ онъ, все болѣе вдохновляясь и расходясь на русскую натуру.

— Они очень умно поступаютъ, — произнесла во время одной паузы Лиза.

— Умно, Лизавета Егоровна?

— Конечно. Здѣсь тоска, комедіи и больше ничего.

Бѣлорцевъ сталъ оправдываться. Лиза дала ему возможность наговорить бездну умныхъ словъ и потомъ сказала:

— Вы, пожалуйста, не думайте, что я съ вами примирилась. Я не уважаю людей, которые ссорятся для того, чтобы мириться, и мирятся для того, чтобы опять ссориться. Я въ васъ не вѣрю и не уважаю васъ. (Растерявшійся Бѣлорцевъ краснѣлъ и даже поклонился. Онъ, вѣроятно, хотѣлъ поклониться съ ироніей, но иронія не вышло въ его неумѣстномъ поклонѣ).—Я думаю, что наше дѣло пропало въ самомъ началѣ, и пропало оно потому, что между нами находитесь вы,—продолжала Лиза.—Вы своимъ мелкимъ самолюбіемъ отогнали отъ насъ полезныхъ и честныхъ людей, преданныхъ дѣлу безъ всякаго сравненія больше, чѣмъ вы, человекъ фальшивый и тщеславный. (Бѣлорцевъ пунсовѣлъ: раздувавшіяся ноздри Лизы не общали ему ни пощады, ни скорого роздыха).—Вы,—продолжала Лиза: — все постарались перепортить и ничему не умѣете помочь. Безъ всякой нужды вы отдѣлили насъ отъ всего міра.

— Этого требовала безопасность.

— Полноте, пожалуйста: этого требовали ваши эгоистическия виды. Въмѣсто того, чтобы привлекать людей удобствами жизни нашего союза, мы замкнулись въ своемъ узкомъ кружочкѣ и обратились въ шутовъ, надъ которыми начинають смѣяться. Прислуга насъ бросаетъ; люди не хотятъ идти къ намъ; у насъ скука, тоска, которыя вамъ нужны для того, чтобы только всѣ слушали здѣсь васъ, а не кого другого. Въмѣсто чистыхъ началъ демократизма и всепрощенія, вы ввели самый чопорный аристократизмъ и нетерпимость. Вы вводите теперь равенство, заставляя насъ обтирать баншаки другъ другу, и сортируете людей, искавшихъ возможности жить съ нами, строже и придирчивѣе, чѣмъ каждый, сдѣлавшійся губернскимъ аристократомъ. Вы толкуете о незаконности наказанія, а сами отлучаете отъ нашего общества людей, имѣющихъ самые обыкновенные пороки. Если бы вы были не фразеръ, если бы вы искали прежде всего возможности спасти людей отъ дурныхъ склонностей и привычекъ, вы бы не такъ поступали. Мы бы должны принимать всякаго, кто къ намъ просится, и дѣйствовать на его нравственность добрымъ примѣромъ и готовностью служить другъ другу. Я полагаю, и всѣ или многіе такъ думали, что это такъ и будетъ, а вышло... вотъ эта комедія, разговоры, споры, засѣданія, трата занятыхъ подъ общую поруку денегъ и больше ничего.

— Деньги же цѣлы; онѣ восполняются.

— Не правда. Вы читаете отчеты, въ которые не включается плата за квартиру; вы не объявляете, сколько остается занятыхъ денегъ.

— Денегъ еще много.

— А на примѣръ?

— Около девятисотъ рублей.

— Всего около девятисотъ рублей!

— Да, это за исключеніемъ того, что заплачено за квартиру, на обзаведеніе и на все, на все.

— Ну, господа, мы, значить, можемъ себя поздравить. Въ три мѣсяца мы издержали тысячу сто рублей, кромѣ нашего заработка; а домъ у насъ пусть и о работѣ только разговоры идутъ. Можно надѣяться, что еще черезъ три мѣсяца у насъ ничего не будетъ.

— Что жъ? если вы рисуете себѣ все это такими черными красками и боитесь...—началъ было Вълорцевъ, но

Лиза остановила его словами, что она ничего не боится и остается вѣрно своему слову, но уже ничего не ожидаетъ ни отъ кого, кромѣ времени.

— А наши личныя отношенія съ вами, monsieur Бѣлоярцевъ,—добавила она:—пусть останутся прежнія: намъ съ вами говорить не о чемъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Камрады.

Райнеръ очень медленно оправлялся послѣ своей тяжелой и опасной болѣзни. Во все это время Лиза не оставляла его: она именно у него дневала и ночевала. Ея должность въ чайной Дома исправляла Ступина. Райнера навѣщали и Полинъка, и Евгенія Петровна; но постоянной и неотлучной сидѣлкой его все-таки была одна Лиза. Въ это время въ Домъ и за Домомъ стали ходить толки, что Лиза влюблена въ Райнера, и въ это же время Лиза имѣла случай болѣе, чѣмъ когда-нибудь, узнать Райнера и людей его окружающихъ. Она пришла къ нему на четвертый день его болѣзни, заставъ его совершенно одинокаго съ растерявшейся и плачущей Афимьей, которая рассказала Лизѣ, что у нихъ нѣтъ ни гроша денегъ, что она боится, какъ бы Василій Ивановичъ не умеръ, и чтобы ее не потащили въ полицію.

— За что же въ полицію?—спросила Лиза.

— Да какъ же, матушка барышня. Я ужъ не знаю, что мнѣ съ этими архаровцами и дѣлать. Слово моихъ они не слушаютъ, дратья съ ними у меня силушки нѣтъ, а они все тащатъ, все тащатъ: кто что зацѣпнеть, то и тащитъ. Придутъ будто навѣститъ, чай имъ ставъ, да въ лавкѣ колбасы на книжечку бери, а оглянешься — кто-нибудь какую вещь зацѣпиль и тащитъ. Стану останавливать, мы, говорятъ, его спрашивали. А его что спрашивать! Онъ все равно, что подаруй безштаный. Какъ дитя малое, все у него бери.

Лиза освѣдомилась, гдѣ же товарищи Райнера?

— Да вотъ ихъ, всѣ разбѣжались. Какъ вороны, почували, что корму нѣтъ больше, и разбѣжались всѣ. Теперь, докладываю вамъ, который только наскочить, цапнетъ что ему надо и мчитъ.

— Кто жъ его дѣлать?—освѣдомилась опять Лиза.

— Да кто лѣчить? Сулима нашъ прописываетъ. Вотъ сейчасъ передъ вашимъ приходомъ чуть съ нимъ не подралась: рицентъ прописалъ, да смотрю, свои осматки съ ногъ скидаетъ, а его новые сапожки надѣваетъ. Вамъ, говоритъ, пока вы больны, выходить некуда. А онъ молчитъ. Ну, что же это такое: послѣднiе сапожонки, и то у живого еще съ ногъ волокутъ! Вѣдь это жъ аспиды, а не люди.

Лиза взяла извозчика и поѣхала къ Евгенiи Петровнѣ. Оттуда тотчасъ же послала за Розановымъ. Черезъ часъ Розановъ вмѣстѣ съ Лобачевскимъ были у Райнера, назначили ему лѣчение и послали за лѣкарствомъ на розановскихъ же лошадяхъ.

Лиза возвратилась къ больному отъ Евгенiи Петровны съ бѣльемъ, вареньемъ, лимонами и деньгами. Она застала еще у него Розанова и Лобачевского.

— Что?—спросила она шопотомъ Розанова.

— Ничего пока, болѣзнь трудная, но отчаяваться не слѣдуетъ.

— А вы, докторъ, какого мнѣнiя? — отнеслась она къ Лобачевскому.

— Наблюдайте, чтобъ не было вѣтру, но чтобъ воздухъ былъ чистъ и чтобъ не шумѣли, не тревожили больного.— Вы заѣзжайте часамъ къ десяти, а я буду передъ утромъ,— добавилъ онъ, обратясь къ Розанову, и вышелъ, никому не поклонившись.

Это было въ началѣ вечера.

Лиза зажгла свѣчу, надѣла на нее лежавшiй на камнѣ темненькiй, бумажный абажурчикъ и, усѣвшись въ уголкѣ, развернула какую-то книгу. Она плохо читала. Ее занимала судьба Райнера и вопросъ, чтѣ онъ дѣлаетъ и чтѣ сдѣлаетъ? А тутъ эти странные люди! Что же это такое за подборъ странный,—думала Лиза.— Тамъ вездѣ было чортъ знаетъ что такое, а это ужъ совсѣмъ изъ рукъ вонъ. Неужто этому нахальству нѣтъ никакой мѣры и неужто все это дѣлается во имя принципа?

Часовъ въ десять къ больному заѣхалъ Розановъ, посмотрѣлъ, попробовалъ пульсъ и сказалъ:

— Ничего новаго.

Въ четвертомъ часу ночи заѣхалъ Лобачевскiй, перемѣнилъ лѣкарство и ничего не сказалъ.

Передъ утромъ Лиза задремала въ креслѣ и, проспавъ

около часа, встрепенулась и опять начала давать больному лѣкарство.

Въ десять часовъ Райнера навѣстили Розановъ и Лобачевскій.

— Слава Богу, ему лучше, — сказалъ Лизѣ Розановъ. — Наблюдайте только, Лизавета Егоровна, чтобы онъ не говорилъ и чтобы его ничѣмъ не безинокони. Лучше всего, — добавилъ онъ: — чтобы къ нему не пускали посѣтителей.

Доктора общались заѣхать вечеромъ.

Въ два часа Лиза слышала, какъ Афимья выпроваживала лѣкаря Сулиму.

— Тутъ ужъ настоящіе лѣкаря были, — говорила она ему.

— Поди ты, дура, прочь, — говорилъ Сулима.

— Ну, дура, не дура, а васъ пускать не приказано и ходить вамъ сюда нечего, — отвѣчала раздраженная баба.

Сулима чертокнулъ ее, хлопнулъ дверью и ушелъ.

Около полудня, когда Афимья пошла въ аптеку за новымъ лѣкарствомъ, въ комнату Райнера явились Котырло и Кусицынъ.

— Ну, что, какво вамъ, Райнеръ? — громкимъ и веселымъ голосомъ крикнулъ Котырло.

Лиза остановила его, но было уже поздно: больной проснулся, открылъ на нѣсколько секундъ глаза и завелъ ихъ снова.

— Лучше ему? — нѣсколько тише спросилъ Лизу Котырло.

— Не знаю: ему очень нуженъ покой, — отвѣчала Лиза, кладя конецъ разговору.

— Ну, я пойду, Кусицынъ. Мы себѣ наняли очень хорошенькую квартиру, — счелъ онъ нужнымъ объяснить Лизѣ, которую встрѣчалъ на общихъ собраніяхъ въ *Домъ Согласія*, кивнулъ головой и вышелъ.

— У него, мнѣ кажется, нѣтъ и денегъ, — прошепталъ Кусицынъ.

Лиза кивнула утвердительно головою.

Кусицынъ подошелъ къ столику, взялъ Райнерово портмонѣ и пересмотрѣлъ деньги. Тамъ были три рублевые билета и очень немного мелочи.

— Это что! это еще что такое! — раздался громкій голосъ Афимьи въ узенькомъ коридорчикѣ, какъ разъ за спальнею Райнера. — Положите, вамъ говорю, положите! (Слышно было, что Афимья у кого-то что-то вырываетъ.)

Лиза встала и поспѣшно вышла въ залу.

Въ дверяхъ, у входа въ узенькій коридорчикъ, ей представилась фигура Афимьи, которая съ яростью вырывала у кого-то, стоящаго въ самомъ коридорѣ, сѣрый Райнеровъ халатъ на бѣлыхъ мерлушкахъ.

При появленіи Лизы, бѣдная женщина сдѣлала отчаянное усиліе и халатъ упалъ къ ея ногамъ.

— Халатъ послѣдній уже волокутъ! — воскликнула она, показывая Лизѣ свой трофей. — Ахъ, вы, глотики проклятые, итѣ на васъ пропасти!

— Кто же это? — освѣдомилась Лиза.

— Да вотъ же все эти, что опивали да объѣдали его, а теперь тащатъ, кто за что схватится. Ну, вотъ видите, не правду жъ я говорила: послѣдній халатъ, — вотъ онъ, — одинъ только и есть, ему самому, станеть обмогаться, не во что будетъ одѣться, а этотъ глотикъ ужъ и тащить безъ меня. — «Онъ, говоритъ, самъ обѣщаль», перекривляла Афимья. — Да кто вамъ, нищebroдамъ, не пообѣщаетъ! Выпросите. — А вонъ онъ обѣщаль, а я не даю: вотъ тебѣ и весь сказъ.

Шумъ, произведенный Афимьею и Котырло при ихъ сраженіи за халатъ, разбудилъ больного, и онъ тревожно спросилъ о причинѣ этого шума. Кусицынъ, мыча и расхаживая по комнатѣ, рассказалъ ему, что это и за что происходитъ.

Райнеръ сдѣлалъ нетерпѣливо раздражительное движеніе и попросилъ Кусицына кликнуть къ нему Афимью.

— Отдавайте; зачѣмъ вы отнимаете, Афимья!

— А какъ же: такъ и давать имъ все?

— Ахъ, пусть ихъ! — болѣзненно произнесъ Райнеръ.

Афимья разставила руки и пошла, бормоча: «ну, что-жъ, пусть тащатъ! Видно надо бросить все: волокни, ребята, кто во что гораздъ».

Кусицынъ продолжалъ ходить по комнатѣ и, остановясь передъ столикомъ у Райнерова изголовья, произнесъ:

— Гмъ, у васъ, Райнеръ, тутъ три рубля: я вамъ рубль оставлю, а два мнѣ нужны перевезтись на квартиру.

Райнеръ качнулъ головою въ знакъ согласія и закрылъ вѣки. Кусицынъ вынулъ изъ его портмонэ два рубля, спокойно положилъ ихъ въ свой жилетный карманъ и еще спокойнѣе вышелъ.

Лиза, наблюдавшая всю эту сцену, остоябенѣла.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Совершенно независимая дама.

Мѣсяцевъ за семь до описываемой нами поры, когда еще въ Петербургѣ было тепло, и бѣлыя ночи, утомляя глаза своимъ неприятнымъ полусвѣтомъ, сокращали расходы на освѣщеніе бѣдныхъ лачугъ, чердаковъ и подземельевъ, въ довольно просторной, но до крайности неопрятной и невеселой квартирѣ происходила довольно занимательная сцена.

Квартира, о которой идетъ рѣчь, была въ четвертомъ этажѣ огромнаго, неопрятнаго дома въ Офицерской улицѣ. Подниматься въ нее нужно было по черной, плитяной лѣстницѣ, всегда залитой брызгами зловонныхъ помоевъ и мѣстами законченной теплящимися здѣсь, по зимнимъ вечерамъ, ночниками. Со входа въ квартиру была довольно большая и совершенно пустая передняя, съ тремя дверями. Одна изъ этихъ дверей, налѣво отъ входа, вела въ довольно просторную кухню; другая, прямо противъ входа, — въ длинную узенькую комнатку съ однимъ окномъ и каминомъ, а третья, направо противъ кухонной двери, — въ залъ, за которымъ въ сторонѣ была еще одна, совершенно изолированная, спокойная комната съ двумя окнами. Все убранство первой, узенькой комнаты состояло изъ мягкаго пружиннаго дивана, обитаго нѣкогда голубою матеріею, двухъ плохенькихъ стульевъ и ломбернаго стола, на которомъ были разложены разныя письменныя принадлежности. Въ залѣ было еще пустѣе. Кромѣ шести плетеныхъ стульевъ и круглаго обѣденнаго стола, здѣсь не было ровно ничего. Задняя комната служила спальнею. Меблировка ея тоже не отличалась ни роскошью, ни вкусомъ, ни особеннымъ удобствомъ, но все-таки эта комната была много полнѣе прочихъ. Здѣсь около стѣнъ стояли двѣ ясеневыя кровати, изъ которыхъ одна была покрыта сѣрымъ байковымъ, а другая ватнымъ кашемировымъ одѣяломъ. Въ головахъ у кровати, покрытой кашемировымъ одѣяломъ, стоялъ орѣховый спальный шкапчикъ, а въ ногахъ женская поясная ванна. Далѣе, здѣсь были два мягкія кресла съ ослабѣвшими пружинами; столъ наподобіе письменнаго; шкапъ для платья, комодъ и этажерка, на которой въ безпорядкѣ лежало нѣсколько книгъ и двѣ мацерованныя человѣческія кости.

Въ этой квартирѣ жила, развѣхавшаяся съ мужемъ, красивая маіорша Мечникова, которую мы встрѣчали въ *Домъ Согласія*.

Маіорша Мечникова, смѣлая, красивая и не столько страстная, сколько чувственная женщина, имѣла лѣтъ около двадцати семи или восьми. Она была очень неглупа, воспринимчива и способна легко понимать и усвоивать многое, но, по крайней живости своего характера, не останавливалась серьезно ни надъ чѣмъ въ теченіе всей своей жизни. Умъ и нравственные достоинства людей она могла разбирать довольно ясно, но положительно не придавала имъ никакого особеннаго значенія. Она сходилась съ тѣми, съ кѣмъ ее случайно сталкивали обстоятельства, и сблизалась весьма близко, но безъ всякой дружбы, безъ любви, безъ сочувствій: вообще безъ всякаго участія какого-нибудь чистаго, глубокаго чувства. Она никогда не толковала ни о какой потерѣ и легко переходила къ новымъ знакомствамъ и новымъ связямъ, которыя судьба бросала на ея дорогу. Она не была злою женщиной и способна была помочь встрѣчному и попережному чѣмъ только могла; но ее надо было или прямо попросить объ этой помощи, или натолкнуть на нее: сама она ни на чемъ не останавливалась и постоянно неслась стремительно впередъ, отдаваясь своимъ неразборчивымъ инстинктамъ и побужденіямъ. Въ два года, которые провела разставшись съ дѣтми и мужемъ, она успѣла совершенно забыть и о дѣтяхъ, и о мужѣ, и считала себя лицомъ, вполне свободнымъ отъ всякихъ нравственныхъ обязательствъ.

По образу своей жизни и нѣкоторымъ своимъ воззрѣніямъ, Мечникова вовсе не имѣла ничего общаго съ женщинами новыхъ гражданскихъ стремленій. Она дорожила только свободою дѣлать, что ей захочется, но до всего остальнаго міра ей не было никакого дѣла. Кѣмъ было все равно, благоденствуетъ ли этотъ міръ, или изнываетъ въ безысходныхъ страданіяхъ: ей и въ голову не приходило когда-нибудь помогать этимъ страданіямъ. Трудиться она не умѣла и никогда не пускалась ни въ какія разсужденія о трудѣ, а съ младенческою безпечною проживала свои приданные деньжонки, сбереженные для нея мужемъ. О томъ, что будетъ впереди, когда эта небольшая казна изсякнетъ, Мечникова не задумывалась ни на минуту.

Жила она безалаберно, тратила много и безразсчетливо, давала займы и начинала послѣднюю сотню рублей такъ же весело и безпечно, какъ тогда, когда, прїѣхавъ въ столицу, расцѣпила трехтысячную связку ассигнацій.

Съ гражданами она познакомилась черезъ Красина, къ которому по прїѣздѣ въ Петербургъ отнеслась какъ къ другу своего дѣтства, и съ которымъ весьма скоро успѣла вступить въ отношенія, значительно согрѣвшія и восполнившія ихъ дѣтскую дружбу.

Въ это время въ Петербургѣ происходилъ наборъ гражданъ.

Красинъ очень хорошо зналъ, что печень Мечниковой не предрасположена ни къ какой гражданской хворобѣ, но неразборчивость новой корпораціи, вербовавшей въ свою среду все, что стало какъ-нибудь въ разладѣ съ такъ-называемой разумной жизнью, — все, что приняло положеніе исключительное и относилось къ общественному суду и общественной морали болѣе или менѣе пренебрежительно или равнодушно, дѣлала умѣстнымъ сближеніе всякаго такого лица съ этою новою гражданской группою. Образъ жизни Мечниковой, по принципамъ этой группы, не могъ казаться ни зазорнымъ, ни неудобнымъ для соприсчисленія ея къ этой же группѣ.

Красинъ познакомилъ Мечникову съ Бертольди, та поговорила съ нею, посмотрѣла на ея житье-бытье и объявила своимъ, что Мечникова глупа, но фактическая гражданка.

Съ сей поры это почетное званіе осталось за Мечниковой, и она при иныхъ смѣтахъ соприсчислялась къ разбро-санному еще въ то время кружку гражданъ.

Сталъ заводиться *Домъ Согласія*. Бѣлоярцевъ первый явился къ Мечниковой, красно и убѣдительно развилъ ей всѣ блага, которыя ожидаютъ въ будущемъ соединяющихся гражданъ, и приглашалъ Мечникову. Мечникова сначала, было, и согласилась, но потомъ, раздумавъ непривычною къ размысленію головою, нашла, что все это какъ-то непонятно, неудобно, даже стѣснительно, и отказалась.

— Отчего же? Вы будете совершенно свободны во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ, — безуспѣшно убѣждать ее, позируя, Бѣлоярцевъ.

— Нѣтъ, monsieur Бѣлоярцевъ, — отвѣчала съ своей всегдашней улыбкой Мечникова: — я не могу такъ жить: я

люблю совершенную независимость и, къ тому же, у меня есть сестра, ребенокъ, которая въ нынѣшнемъ году кончаетъ курсъ въ пансіонѣ. Я на-дняхъ должна буду взять къ себѣ сестру.

— Что же, это тѣмъ лучше,—настаивалъ Бѣлоярцевъ.— Для правильнаго развитія молодой дѣвушки будетъ гораздо болѣе шансовъ тамъ, въ сообществѣ людей, выработавшихъ себѣ истинные жизненные принципы, чѣмъ въ средѣ людей, развращенныхъ рутиною. Миѣ кажется, что это обстоятельство именно и должно бы склонить васъ въ пользу моего предложенія. Вы видите, сколькихъ трудовъ и усилій надъ собою стоило намъ, чтобы выдѣлаться изъ толпы и стать выше ея предрасудковъ. Зачѣмъ же вашу сестру опять вести тою же тяжелой дорогой? Одно поколѣніе должно готовить и выработать для другого. Мы прошли одно — они должны идти дальше насъ. Имъ не нужно терять попусту времени на черную работу, которую мы должны были производить, вырывая изъ самихъ себя завѣты нашего гнилого прошедшаго. Помилуйте! За что же оставлять ее съ ворами и лицемѣрами. Если вы несомнѣнно вѣрите (а этому нельзя не вѣрить), что всѣ наши пороки и своекорыстныя стремленія, и ложный стыдъ, и ложная гордость прививаются намъ въ цвѣтущіе годы нашей юности, то какъ же вамъ не позаботиться удалить дѣвушку отъ растлѣвающаго вліянія среды. Надо поставить ее въ сообщество людей, понятія которыхъ о жизни свѣтлы, честны и свободны.

— Нѣтъ, нѣтъ, monsieur Бѣлоярцевъ,—рѣшительно отозвалась Мечникова, позволившая себѣ слегка зѣвнуть во время его пышной рѣчи:—моя сестра еще слишкомъ молода и еще, Богъ ее знаетъ, что теперь изъ нея вышло. Надо прежде посмотрѣть, что она за человѣкъ,—заключила Мечникова и, наскучивъ этимъ разговоромъ, рѣшительно встала съ своего мѣста.

— Я вамъ говорила, что она дура, — сказала Бертольдн, выслушавъ рассказъ Бѣлоярцева о его разговорѣ съ Мечниковою.—Она по натурѣ прямая гражданка, но такъ глупа.

Вскорѣ послѣ этого разговора госпожа Мечникова вышла у своей квартиры изъ извозничьей кареты и повела на черную, облитуую зловонными помоями лѣстницу молодое

семнадцатилѣтнее дитя въ легкомъ бѣленькомъ платьицѣ и съ гладко причесанной русой головкой.

— Вотъ здѣсь мы будемъ спать съ тобою, Агата,—говорила Мечникова, вводя за собою сестру въ свою спальню:— здѣсь будетъ наина зала, а тутъ твой кабинетъ,—докончила она, введи дѣвушку въ извѣстную намъ узенькую комнатку.— Здѣсь ты можешь читать, итѣть, работать и вообще дѣлать, что тебѣ угодно. Въ своей комнатѣ ты полная госпожа своихъ поступковъ.

Пансіонерка расцѣловала сестру за комнату, за дарованную ей свободу, за конфеты, за ленты, которыми ее дарила госпожа Мечникова, и водворилась на жительство въ ея квартирѣ.

Отсюда начинается одинъ анекдотъ, который случился съ этою дѣвушкою и былъ поводомъ къ самымъ печальнымъ явленіямъ для нѣкоторыхъ лицъ въ нашемъ романѣ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Анекдотъ.

Сестрѣ госпожи Мечниковой шелъ только семнадцатый годъ. Она принадлежала къ натурамъ не рано складывающимся и формирующимся. Фигура ея была еще совершенно дѣтская, талія прямая и узенькая, руки длинныя, въ плечахъ не было еще той пріятной округлости, которая составляетъ ихъ манящую прелесть, грудь едва обозначалась, губы довольно блѣдны и въ глазахъ преобладающее выраженіе наивнаго дѣтскаго любонитства.

— Уморительный человекъ моя Агата, совершенный ребенокъ еще,—говорила Мечникова, обращаясь къ кому-нибудь изъ своихъ обыкновенныхъ посѣтителей.

Агата, точно, была ребенокъ, но ребенокъ весьма замѣчательный и всѣми силами рвавшійся разстаться съ своимъ дѣтствомъ.

Сестра была къ ней всегда ласкова и довольно внимательна къ ея матеріальнымъ нуждамъ, но нимало не способна позаботиться о ея духовныхъ интересахъ. Агата очень любила читать и разсуждать. Сестриныхъ книгъ ей стало не надолго, а разсуждать madame Мечникова не любила. Краснѣ вступился въ спасенье Агаты: онъ приносилъ ей книгъ исключительнаго направленія и толковалъ съ нею по цѣлымъ часамъ. Не столько подъ влияніемъ

этихъ книгъ, сколько подъ впечатлѣніемъ устныхъ разсужденій Красина, молоденькая сестра Мечниковой начала сочувствовать самостоятельности и задачамъ женщинъ, о которыхъ ей разсказывалъ Красинъ. Самостоятельность сестры проходила мимо ея вниманія. Она не видѣла ничего привлекательнаго ни въ ея житьѣ, ни въ ея положеніи. Ей хотѣлось дѣйствовать, распорядиться собою сознательно, сдѣлать изъ себя *гражданку*. Гражданки, съ которыми ее познакомили Красинъ, смотрѣли на нее, какъ на ребенка. Никто изъ нихъ не замѣчалъ, какъ вытягивается впередъ тоненькая, смуглая шейка и какъ внимательно смотрятъ огромные, черные глаза Агаты при всякомъ разговорѣ о правахъ и обязанностяхъ человѣка; а этими разговорами исключительно и были полны гражданскія бесѣды. Дѣвушка часто хотѣлось вмѣшаться въ эти разговоры, она чувствовала, что уже много понимаетъ и можетъ вмѣшаться во многое, а ее считали ребенкомъ, и только одинъ Красинъ да Бѣлоярцевъ говорили съ ней, хотя въ наставительномъ тонѣ, но все-таки какъ со взрослой женщиной. Агату очень обижало это, какъ ребенка, который непременно хочетъ, чтобы его признали большимъ. Она, какъ ребенокъ же, часто плакала, сама не зная о чемъ. Дѣвочка со дня на день становилась впечатлительнѣе и раздражительнѣе.

Мечникова говорила, что Агата скучаетъ и со скуки начинаетъ калризначать, что ей непременно нужно развлеченіе, а не одиѣ книги.

Въ это счастливое лѣто на долю Петербурга выпадали нерѣдко погожіе дни, и Мечникова, пользуясь ими, возила сестру по окрестностямъ столицы.

Обыкновеннымъ спутникомъ ихъ въ этихъ прогулкахъ бывалъ Красинъ или одинъ, или же вдвоемъ съ извѣстнымъ намъ Ревякиннымъ, огромнымъ, сильнымъ мужчиною, съ рыжею головой, сажеными плечами и непомѣрной силой. Ревякинъ былъ непривлекателенъ лицомъ, но останавливалъ на себѣ вниманіе своимъ геркулесовскимъ сложеніемъ. Онъ служилъ въ гражданахъ, но не пользовался тамъ никакимъ авторитетомъ. Отъ природы онъ былъ не очень уменъ, воспитаніе получилъ грошевое и вдобавокъ смѣшно косноязычилъ. Толстый, мясистый, какъ у попугая, языкъ занималъ такъ много мѣста во рту этого геркулеса, что для многихъ звуковъ въ этомъ рту не оставалось ни-

какого мѣста. Ревякинъ самъ рекомендовалъ себя обыкновенно «Левякинымъ», вмѣсто пора говорилъ «пола», вмѣсто рѣчь—«лѣчь» и т. п. Бѣлоярцевъ, великій охотникъ подтрунить надъ ближнимъ, очень ловко умѣлъ наводить Ревякина на рассказы о томъ, какъ къ нему въ окно одинъ разъ залѣзъ воръ. Ревякинъ говорилъ:

— Визу лѣзетъ воль; я его прямо за волосы, а онъ по тлубѣ внизъ.

— Это кто же соскочилъ по трубѣ?—каждый разъ переспрашивалъ Бѣлоярцевъ.

— Воль,—спокойно отвѣчалъ рассказчикъ.

Этотъ Ревякинъ съ нѣкотораго времени сталъ учащать къ Мечниковой и, повидимому, не наскучалъ ей. Красинъ смотрѣлъ на это, какъ на новый, свойственный этой женщинѣ капризъ, и держался съ Ревякинымъ въ добрыхъ отношеніяхъ, благопріятствующихъ общему ихъ положенію въ этомъ домѣ.

Въ одинъ изъ хорошихъ, теплыхъ дней,—именно въ тотъ день, когда случился нижеслѣдующій анекдотъ,—Ревякинъ, Красинъ и Мечникова съ Агатою наняли карету и отправились въ Парголово. Оставивъ экипажъ, они пошли побродить по лѣсу и разбрелись. Агата шла съ Красинымъ, а Мечникова какъ-то пріотсталала съ Ревякинымъ, и очень долго одна пара не могла въ лѣсу найти другую.

Нагулявшись досыта, компанія кое-какъ собралась въ ресторанъ, у котораго была оставлена карета. Они слегка закусили, даже выпили пару бутылокъ шампанскаго, за которое заплатила Мечникова, и поѣхали въ Петербургъ. Спокойная, убаюкивающая качка довольно спокойнаго экипажа дѣйствовала нѣсколько различно на путешественниковъ. Мечникова закрыла глаза и не хотѣла смотрѣть на свѣтъ Божій. Она не то дремала, не то нѣжилась и, подчиняясь качкѣ, подвигалась къ сидѣвшему напротивъ нея Ревякину. Ревякинъ сидѣлъ молча и тупо глядѣлъ въ окно, какъ бы не замѣчая приближенія своей vis-à-vis. Красинъ, сидѣвшій напротивъ Агаты, былъ спокоенъ и курилъ папирску за папирскою, не сводя при этомъ своихъ глазъ съ Агаты. Агата же сидѣла, положивъ локотокъ на поднятое стекло дверцы, и то супила бровки, то тревожно переводила свои глаза съ одного лица на другое.

Разговоръ никакихъ не было во всю дорогу.

Бѣлая, подслѣповатая ночь стояла надъ Петербургомъ, когда карета нашихъ знакомыхъ остановилась у квартиры Мечниковой. По случаю праздничнаго дня кухарка была отпущена, загулялась и не возвращалась, а между тѣмъ Мечниковою, тотчасъ по возвращеніи домой, овладѣлъ весьма естественный послѣ долгой прогулки аппетитъ и необыкновенная веселость.

— Господа! — крикнула она, снявъ шляпу: — допируемте хорошенько этотъ день дома. Давайте сами поставимъ самоваръ, кто-нибудь сходить купить чего-нибудь поѣсть; купимте бутылку вина и посидимте.

Гости охотно согласились на это предложеніе.

Мечникова подала Красину двадцать рублей, и онъ отпра-вился за покупками. Самоваръ взялась ставить Агата.

Она была очень скучна и ей хотѣлось что-нибудь дѣлать, чтобы занять свое время.

Ревакинъ молча усѣлся на стулѣ въ большой комнатѣ, спиною къ окну, и курить папирску.

Madame Мечникова походила по комнатамъ, принесла на столъ чанки, потомъ опять походила и, подойдя къ Ревакину, стала у самаго его стула и начала смотрѣть на сосѣдную крышу.

Ревакинъ протянулъ лѣвую руку и обнялъ Мечникову. Она не сопротивлялась. Ревакинъ нагнулся и поцѣловалъ ее. Мечникова молча наклонилась къ геркулесу и тихо поцѣловала его страстнымъ, но беззвучнымъ поцѣлуемъ, потомъ тотчасъ же оглянулась, отвела его руку и, направляясь къ кухнѣ, гдѣ Агата ставила самоваръ, сильнымъ контральтомъ заглянула изъ Триватора:

«Въ милыя горы
Мы возвратимся:
Тамъ ты на лютнѣ
Будешь игррррать».

«Ирать» Мечникова не смѣла, а, сжавъ свой сладострастный ротикъ, сыграла на губахъ, подражая раскатывающимся звукамъ духового инструмента.

Агата стояла у кухоннаго окна съ красными глазами.

— Ты опять плачешь?—спросила ее сестра.

— Тутъ дымъ отъ самовара, — отвѣтила, отворачиваясь, дѣвушка.

— Чего же тебѣ недостаать? — спросила ее, послѣ довольно долгой паузы, Мечникова.

— Ничего, — еще тише буркнула Агата и начала снова раздувать лѣниво закипавшій самоваръ.

— Все ребячества, — равнодушно замѣтила Мечникова, выходя изъ кухни.

Агата ничего не отвѣтила ей на это замѣчаніе и, оставивъ самоваръ, приняла свое прежнее положеніе у открытаго окна, изъ котораго черезъ крышу низенькаго сосѣдняго флигеля видны были блѣдные образы, бѣгающіе по неуспокоившейся еще блѣдной улицѣ.

Полтора часа спустя, компанія имѣла нѣсколько иной, болѣе оживленный характеръ. Красинъ распорядился отлично: было чего ѣсть, пить и закусывать. Былъ хересь, ванильный ликеръ, коньякъ и шампанское. За столомъ было всячески весело.

— Люба моя! — начиналъ нѣсколько разъ Ревякинъ, обращаясь къ Мечниковой, но та каждую такую фамиллярную попытку останавливала.

Красинъ ни на что это не обращалъ никакого вниманія и все говорилъ съ Агатой, которая казалась не въ духѣ, что въ Москвѣ называютъ «въ нерасположеніи».

— Зачѣмъ вы, Агата Осиповна, не пьете ничего? — спрашивалъ Ревякинъ.

— Она еще молода; ей рано пить, — отвѣчала Мечникова.

Сестра Мечниковой встала и выпила рюмку ликера.

— Пьешь? — спросила Мечникова.

— Пью, — отвѣчала дѣвушка, наливая себѣ другую рюмку, и опять ее выпила.

— Агата, тебѣ будетъ вредно, — произнесла madame Мечникова.

— А вамъ не угодно? — спросила ее сестра и выпила третью рюмку.

— Посмотрите, что она дѣлаетъ! — говорила, смѣясь, Мечникова: — она будетъ пьяна; непременно пьяна будетъ.

— Не буду, — отвѣчала, улыбаясь, Агата, чувствуя, что у нея, въ самомъ дѣлѣ, въ глазахъ все какъ-то начинало рябить и двоиться. — Вы думаете, что я, въ самомъ дѣлѣ, пятилѣтняя дѣвочка: я могу дѣлать то же, что и всѣ; я вотъ беру еще стаканъ шампанскаго и выпиваю его.

Агата, произнося эти слова, подняла стаканъ, выпила его однимъ приемомъ и захохотала.

— Нѣтъ, она, господа, пьяница будетъ,—шутила madame Мечникова, находившаяся такъ же, какъ и всѣ, подъ влияніемъ вина, волновавшаго ея и безъ того непослушную кровь.

Дѣвушка встала, хотѣла пойти и споткнулась на ногу Красина.

— Пьяна, пьяна, — твердили, глядя на нее, и хозяйка, и гости.

— Пьяна? Вы говорите, что я пьяна? А хотите, я докажу вамъ, что я трезвѣ всѣхъ васъ? Хотите? — настойчиво спрашивала Агата и, не ожидая отвѣта, принесла изъ своей комнаты англійскую книгу и положила ее передъ Красинымъ. — Выбирайте любую страницу, — сказала она самонадѣянно: — я обязываюсь, не выходя изъ своей комнаты, сдѣлать переводъ безъ одной ошибки.

Красинъ заломилъ уголь страницы и подаль книгу Агатѣ; та повернулась и пошла въ свою комнату.

— Я буду смотрѣть за вами, — проговорилъ Красинъ, и вышелъ вслѣдъ за нею.

Дѣвушка присѣла къ окну и торопливо писала карандашомъ поставленный на споръ переводъ, а Красинъ, положивъ ногу на ногу, нѣжился на ея оттоманкѣ.

Съ небольшимъ черезъ полчаса Агата перечитала свой переводъ, сдѣлала въ немъ нужныя, по ея соображенію, поправки и, весело срыгнувъ съ подоковника, выбѣжала въ залу. Черезъ нѣсколько секундъ она возвратилась совершенно растерянная, сминая исписанный ею полулистъ бумаги.

— Чтѣ сказали? Миѣ лѣнь встать, — спросилъ ее Красинъ.

— Н-ничего, — отвѣтила, потупилась, Агата.

— Какъ ничего?

— Ну, ничего, — еще растеряниѣе отвѣчала дѣвушка.

— Чтѣ такое! — произнесъ вполголоса Красинъ и, лѣниво поднявшись съ дивана, пошелъ въ залу.

Зала, къ небольшому, впрочемъ, удивленію Красина, была пуста.

Красинъ подумалъ съ минуту и слегка стукнулъ въ запертыя двери комнаты Мечниковой.

— Чтѣ тамъ нужно? — произнесла изъ-за дверей m-me Мечникова.

Красинъ махнулъ рукой и на цыпочкахъ возвратился въ узенькую комнату Агаты.

Дѣвушка, при входѣ Красина, покраснѣла еще болѣе.

И онъ, и она сидѣли неподвижно и хранили мертвое молчаніе.

Такъ прошелъ битый часъ. Ни о Мечниковой, ни о Ревякинѣ не было ни слуху, ни духу.

Красинъ всталъ и началъ искать шляпу.

— Куда вы сибѣшите?—спросила Агата.

— Пора домой.

— Подождите.

Красинъ сѣлъ, зѣвнулъ и потянулся.

— Усталъ,—произнесъ онъ.

Агата поднялась съ своего мѣста, придерживая рукою шумѣвшія юбки, вышла въ залу и возвратилась оттуда съ бутылкою вина и двумя стаканами.

— Пейте, — сказала она, подавая Красину одинъ стаканъ, а другой сама вышила до половины.

— Я выпью,—говорилъ Красинъ:—но зачѣмъ вы шалите?

— Такъ хочу... скучно.

Агата молча долила вино и снова налила стаканы.

— Отчего это за мной никто не ухаживаетъ?

Красинъ посмотрѣлъ на нее: она, очевидно, была совсѣмъ пьяна.

— Оттого, что насъ окружаютъ развитые люди,—произнесъ онъ.—Развитый человекъ не можетъ тратить времени на эти, какъ вы называете, ухаживанья. Мы уважаемъ въ женщинѣ равноправнаго человекъ. Ухаживать, какъ вы выражаетесь, надо имѣть цѣль, иначе—это глупо.

— Какъ?..—уронила Агата.

— А такихъ женщинъ немного, которыя не имѣютъ въ виду сдѣлать человекъ своимъ оброчникомъ,—продолжалъ Красинъ.—Для этого нужно много правильнаго развитія.

Агата поднялась и стала ходить по комнатѣ, пощелкивая своими пальчиками.

Красинъ помолчалъ и, взявъ опять свою шляпу, сказалъ:

— У каждой женщины есть своя воля и каждая сама можетъ распорядиться собою, какъ хочетъ. Человекъ не въ правѣ склонять женщину, точно такъ же, какъ не въ правѣ и останавливать ее, если она распорядится собою сама.

Дѣвушка остановилась передъ лежащимъ на диванѣ Краснымъ и закрыла ручкою глаза...

— Сама, да, сама, сама,—пролепетала она и, пошатнувшись, упала на колѣни Красина...

Въ три часа ночи раздался звонокъ сапоздавшей кухарки. Ей отперъ Красинъ и, идучи за шляпой, столкнулся въ залѣ съ Мечниковой и Ревякинымъ. Оба они раскланялись съ хозяйкой и пошли благополучно.

Агата проспала всю ночь, одѣтая, на диванѣ, и проснулась поздно съ страшно спутанными волосами и еще болѣе спутанными воспоминаніями въ больной головѣ.

Этому такъ тихо совершившемуся анекдоту не суждено было остаться въ безгласности. Ни Агата, ни Красинъ ничего о немъ, разумѣется, никому не рассказывали. Самой м-ше Мечниковой ничего на этотъ счетъ не приходило въ голову, но Бертольди одинъ разъ, сидя дома за вечернимъ чаемъ, нашла въ книжкѣ, взятой ею у Агаты, клочокъ почтовой бумажки, на которой было сначала написано женскою рукою: «Я хотя и не намѣрена дѣлать васъ своимъ оброчникомъ и ни въ чемъ васъ не упрекаю, потому что во всемъ виновата сама, но меня очень обижаютъ ваши ко мнѣ отношенія. Вы смотрите на меня только какъ на нужную вамъ подчасъ вещь и, кажется, вовсе забываете, что я женщина, и, дойдя до сближенія съ человѣкомъ, хотѣла бы, чтобъ онъ смотрѣлъ на меня, какъ на человѣка: словомъ, хотѣла бы хоть пріязни, хоть вниманія; а для васъ,—я вижу,—я только вещь. Я много думала надъ своимъ положеніемъ, много плакала, не безпокая, однако, васъ своими слезами, и находя, что вы ставите меня въ роль, которая меня унижаетъ въ моихъ собственныхъ глазахъ, рѣшилась сказать вамъ: или перемѣните свое обращеніе со мною, и я стану беречь и любить васъ, или оставьте меня въ покоѣ, потому что такимъ, каковы вы были со мною до этой поры, вы мнѣ рѣшительно противны, и я представляюсь себѣ ничтожною и глушою».

Подписи не было, но тотчасъ же подъ послѣднею строкою начиналась приписка бойкою мужскою рукою: «Такъ какъ, вслѣдствіе особенностей женскаго организма, каждая женщина имѣетъ право иногда быть поклою и надѣждливою, то я смотрю на ваше письмо, какъ на проявленіе патологическаго состоянія вашего организма и не при-

даю ему никакого значенія; но если вы и черезъ нѣсколько дней будете разсуждать точно такъ же, то придется думать, что у васъ есть та двойственность въ принципахъ, встрѣчая которую въ человѣкѣ, отъ него нужно удаляться. Во всякомъ случаѣ, я не сдѣлаю перваго шага къ возобновленію тѣхъ простыхъ отношеній, которыя вамъ угодно возводить на степень чего-то очень важнаго». Подписано: «Красинъ».

Бертольди прочла это письмо при всѣхъ и въ томъ числѣ при Райнерѣ. Бѣлоярцевъ узналъ почеркъ Агаты.

Письмо это было, по настоянію Бѣлоярцева, положено обратно въ книгу и возвращено съ нею по принадлежности, а о самой исторіи, сколь она ни представлялась для нѣкоторыхъ возмутительною, положено не разносить изъ кружка, въ которомъ она случайно сдѣлалась извѣстною.

Зимою m-me Мечникова, доживая послѣднюю сотню рублей, простудилась, катаясь на тройкѣ, заболѣла и въ нѣсколько дней умерла. Сестрѣ ея нечего было дѣлать въ этой квартирѣ. Она забрала доставшуюся ей по наслѣдству ветхую мебелишку и переѣхала въ комнату, нанятую за четыре рубля въ одномъ изъ разрушающихся деревянныхъ домовъ Волотной улицы.

Съ этой поры объ Агатѣ вспоминали очень рѣдко.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Опыты и упражненія.

Съ тѣхъ поръ какъ Лиза, по поводу болѣзни Райнера только числилась въ *Домѣ* и показывалась тамъ лишь гостею, здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, водворилось гораздо болѣе тишины и согласія, на что Бѣлоярцевъ и не пропускалъ случая обращать вниманіе своихъ сожителей. Въ теченіе мѣсяца, прожитаго безъ Лизы, Бѣлоярцевъ день-ото-дня чувствовалъ себя лучше: къ нему возвратилась его прежняя веселость, аппетитъ его не страдалъ отъ ежечасной боязни сценъ, раздражительность успокоилась и смѣнилась самымъ благодушнымъ настроеніемъ. Дѣла *Дома* шли по-старому, т. е. у большинства домашнихъ гражданъ не было никакой работы, и готовые деньги проживались съ невозмутимымъ спокойствіемъ, но зато спокойствіе это было ужъ истинно невозмутимое.

Проснется Бѣлоярцевъ утромъ, выйдетъ въ своемъ арха-

лучкѣ въ залу, походить, полетѣть цвѣты, оботреть мокрою тряпочкой листья. Потомъ явится въ залу Прорвичъ,—Бѣлорцевъ поговорить съ нимъ о трудѣ и о хорошихъ принципахъ. Еще попозже выйдутъ дамы, начнется чай. Бѣлорцевъ сядетъ къ круглому столику, погуляетъ насчетъ какого-нибудь ближняго, поговорить о своихъ соображеніяхъ насчетъ неизбѣжнаго распространенія въ обществѣ исповѣдуемыхъ имъ принциповъ, потракуетъ о производительномъ и непронизводительномъ трудѣ и, взявъ половую щетку, начнетъ мести комнаты. Затѣмъ Бѣлорцевъ уходитъ до обѣда изъ дому, или иногда посидитъ часокъ-другой за мольбертомъ. Въ четыре часа Прорвичъ накроетъ на столъ, подастъ чашу съ супомъ, начнется обѣдъ и всегда непременно съ наставительною бесѣдою. Потомъ Бѣлорцевъ пойдетъ поспать, въ сумерки встанетъ, съѣстъ у себя въ комнатѣ втихомолочку вареньяца или миндальныхъ орѣшковъ и выходитъ въ томъ же архалучкѣ въ залу, гдѣ уже кипитъ самоваръ и гдѣ всѣ готовы слушать его веселья и умныя рѣчи. Иногда Бѣлорцевъ бывалъ и не въ духѣ, хмурился, жаловался на нервы и выражался односложными, отрывистыми словами; но это случалось съ нимъ не очень часто и, къ тому же, нервность его успокоивалась, не встрѣчая со стороны окружающихъ ничего, кромѣ вниманія и сочувствія къ его страданіямъ.

Бѣлорцевъ вообще былъ очень нетребователенъ; онъ, какъ Хлестаковъ, любилъ только, чтобы ему оказывали «преданность и уваженіе,—уваженіе и преданность».

Встрѣчая въ людяхъ готовность платить ему эту дань, онъ смягчался; нервы его успокоивались; онъ начиналъ жмурить котикомъ свои черные глазки и вести бархатнымъ баскомъ разумныя и поучительныя рѣчи.

При Лизѣ у Бѣлорцева только одинъ разъ случился нервный припадокъ, ожесточившійся въ теченіе часа отъ всякой бездѣлицы: отъ стука стакана за чаемъ, отъ хрустѣнья зубовъ кусавшаго сухарикъ Прорвича, отъ бѣганія собачки Ступиной и отъ шлепанья башмаковъ ухаживавшей за Лизою Абрамовны. Это болѣзненное явленіе приключилось съ Бѣлорцевымъ вечеромъ на первый, не то на второй день по переходѣ въ *Домъ* и выражалось столь нестерпимымъ образомъ, что Лиза посоветовала ему уйти успокоиться въ свою комнату, а Абрамовна, постоянно игнори-

ровавшая по своему невежеству всякое присутствие нервовъ въ человеческомъ тѣлѣ, по уходѣ Бѣлорцева, замѣтила:

— А какъ мой згадъ,—взять бы въ руки хорошую жичку, да хорошенько сю тебя по нервамъ-то, да по нервамъ.

— Какую это жичку?—спросила, смѣясь, Ступина.

— А ременную, матушка, ременную,—отвѣчала нелюбившая Бѣлорцева старушка.

— И какъ же его бить *по нервамъ*?

— А такъ, просто бить пониже спины да приговаривать: расти великъ, будь счастливъ.

Теперь Бѣлорцеву выпала лафа, и онъ наслаждался въ домѣ основанной имъ ассоціаціи спокойнѣйшею жизнью старосвѣтскаго помѣщика.

Зря и не боясь никакой критики, онъ выдумывалъ новые планы, ставилъ новыя задачи и даже производилъ нѣкоторыя эволюціи.

Такъ, напримѣръ, одно время со скуки онъ увѣрилъ Ступину, что въ ея умѣ много игры и способностей къ художественной воспроизводительности.

— Вамъ только надобно бы посмотрѣть на народъ въ его собственной исключительной обстановкѣ,—твердилъ онъ Ступиной:—и вы бы, я увѣренъ, могли писать очень хорошіе рассказы, сцены и очерки. Посмотрите, какая гадость печатается въ журналахъ: срамъ! Я нимало не сомнѣваюсь, что вы съ перваго же шага стали бы выше всѣхъ ихъ.

— Знаете что?—говорилъ онъ ей въ другой разъ, уже нажужжавъ въ уши о ея талантахъ:—одѣньтесь попроще; возьмите у Марѣи ея платье, постройтесь платочкомъ, а я надѣну мою поддевку и пойдѣте смотрѣть народныя сцены. Я увѣренъ, что вы завтра же захотите писать и напишете отлично.

Ступина долго не вѣрила этому, смѣялась, отшучивалась и, наконецъ, повѣрила.

«Чѣмъ чортъ, дескать, не шутить! А можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ правда, что я могу писать»,—подумала она и одѣлась въ Марѣино платье, а Бѣлорцевъ въ поддевочку, и пейзажами пошли вечеромъ посидѣть въ портерную.

Другой разъ сходили они въ помѣщавшееся въ какомъ-то подвалѣ питейное заведеніе, потомъ еще въ такое же подвальное трактирное заведеніе. Наконецъ, эти экскурсіи пе-

рестали забавлять Бѣлоярцева, а Ступина ничего не написала и изъ всѣхъ слышанныхъ ею словъ удержала въ памяти только одни оскорбляющія ея уши площадныя ругательства.

Бѣлоярцевъ пересталъ говорить о талантахъ Ступиной и даже не любилъ, когда она напоминала о совершенныхъ сю, по его совѣту, походахъ.

Онъ началъ говорить о томъ, что они своимъ кружкомъ могли бы устроить что-нибудь такое веселое, что дѣлало бы жизнь ихъ интереснѣе и привлекало бы къ нимъ ихъ знакомыхъ, лѣниво посѣщающихъ ихъ въ дальнемъ захолустьѣ.

— Театръ домашній,—говорила Каверина.

— Да, но театръ требуетъ расходовъ.—Нѣтъ, надо придумать что-нибудь другое, чтобы было занимательно и не стоило денегъ.

— Вотъ что сдѣлаемъ,—говорилъ онъ на другой вечеръ:—составимъ живыя картины.

— Опять же нужны расходы.

— Въ томъ-то и дѣло, что никакихъ расходовъ не нужно: мы такія картины составимъ. Напримѣръ, торгъ невольницами; пиръ дикихъ; похищеніе саблянокъ... Да мало ли можно придумать такихъ картинъ, гдѣ не нужно никакихъ расходовъ?

Женщины, выслушавъ это предложеніе, такъ и залились истерическимъ хохотомъ.

Это обидѣло Бѣлоярцева. Онъ всталъ съ своего мѣста и, пройдясь по залѣ, замѣтилъ:

— Вотъ то-то и есть, что у насъ отъ слова-то очень далеко до дѣла. На словахъ вотъ мы отрицаемся важныхъ чувствъ, выдуманыхъ цивилизаціею, а на дѣлѣ какой-нибудь ужъ чисто-ложный стыдъ сейчасъ насъ и останавливаетъ.

Женщины разсмѣялись еще искреннѣе.

Бѣлоярцевъ прошелся во время продолжавшагося хохота по комнатѣ и, разсмѣявшись самъ надъ своимъ предложеніемъ, обратилъ все это въ шутку.

А то онъ обратился къ женщинамъ съ упрекомъ, что онѣ живутъ даромъ и никого не любятъ.

— Что-жъ дѣлать, когда не любится? — отвѣчала Ступина. — Давайте кого любить! Некого любить; нѣтъ людей по сердцу.

— Ну да, вот то-то и есть, что все вамъ «по сердцу» пужно,—отвѣчалъ съ неудовольствіемъ Бѣлорцевъ.

— А то какъ же?

— А вы любите по разуму, по долгу, по обязанности.

— По какой это обязанности?

— По весьма простой обязанности. По обязанности тѣснѣе соединять людей въ нашъ союзъ, по обязанности поддерживать наши принципы.

— Такъ это, Бѣлорцевъ, будетъ служба, а не любовь.

— Ну, пускай и служба.

Женщины наотрѣзъ отказались отъ такой службы и только одна Бертольди говорила, что это надо обсудить.

— А сами вы развѣ такъ каждую женщину подь-рядъ можете любить?—спросила Ступина.

— Разумѣется,—отвѣчалъ Бѣлорцевъ.

Ступина сдѣлала презрительную гримаску и замолчала.

Бѣлорцевъ дулся нѣсколько дней послѣ этого разговора и высказывалъ, что во всякомъ дѣлѣ ему съ часу на часъ все приходится убѣждаться, что его не понимаютъ.

Въ утѣшеніе Бѣлорцева судьба послала одно внѣшнее обстоятельство.

Въ одинъ прекрасный день онъ получилъ по городской почтѣ письмо, въ которомъ довольно красивымъ женскимъ почеркомъ было выражено, что «слухъ о женскомъ пріютѣ, основанномъ имъ, Бѣлорцевымъ, разнесся повсюду и обрадовалъ не одно угнетенное женское сердце; что имя его будетъ болѣе драгоценнымъ достояніемъ исторіи, чѣмъ имена всѣхъ людей, величаемыхъ ею героями и спасителями; что съ него только начинается новая эпоха для лишенныхъ всѣхъ правъ и обезсиленныхъ воспитаніемъ русскихъ женщинъ» и т. п. — Далѣе авторъ письма сообщалъ, что она дѣвушка, что ей девятнадцатый годъ, что ея отецъ рутинистъ, мать ханжа, а братья бюрократы. что изъ нея дѣлаютъ куклу, тогда какъ она чувствуетъ въ себѣ много силы, энергии и желанія жить жизнью самостоятельной. Она пояснила, что готова на все, чтобы избавиться отъ своего тяжелого положенія, и просила у Бѣлорцева совѣта. Въ концѣ письма былъ адресъ, по которому отвѣтъ черезъ горничную автора могъ дойти по назначенію.

Письмо это было написано по-французски, а какъ Бѣлорцевъ не умѣлъ свободно справляться съ этимъ языкомъ,

то его читала и переводила Каверина. Ее же Бѣлоярцевъ просилъ перевести на французскій языкъ и переписать составленный имъ отвѣтъ. Отвѣтъ этотъ былъ нарочито великъ, полонъ умныхъ словъ и самыхъ курьезныхъ совѣтовъ.

На письмо Бѣлоярцева отвѣчали другимъ письмомъ, и завязалась переписка, весьма жаркая и весьма занимавшая нашего гражданина. Но, наконецъ, ему надоѣло переписываться съ незнакомкой, и онъ пожелалъ видѣть свою новую обожательницу.

— Надо ее просто вырвать изъ дома и увезти къ намъ: другихъ средствъ я не вижу,—твердилъ онъ нѣсколько дней и, наконецъ, одѣвшись попроще, отправился, въ видѣ лакея, по извѣстному адресу, къ горничной, черезъ которую происходила переписка.

Незнакомка Бѣлоярцева была дочь одного генерала, жившаго въ бель-этажѣ собственнаго дома, на одной изъ лучшихъ улицъ Петербурга. Въ этомъ домѣ знали о Бѣлоярцевѣ и о его заведеніи по рассказамъ одного мѣстнаго Репетилова, привозившаго сюда разныя новости и, между прочимъ, рассказывавшаго множество самыхъ невѣроятныхъ чудесъ о сожительствахъ гражданъ.

Изъ разспросовъ у дворника Бѣлоярцевъ узналъ, съ кѣмъ ему приходится имѣть дѣло, и освѣдомился, каковъ генераль?

— Генераль ничего, — говорилъ дворникъ: — генераль у насъ баринъ добрый. Онъ теперь у насъ такой: въ порядкахъ справедливъ, ну, ужъ а только жа-шь и строгъ же!

— Строгъ?—переспросилъ Бѣлоярцевъ.

— У-у! и Боже мой! Съѣсть онъ готовъ тебя на этомъ на самомъ мѣстѣ. Настоящій, вотъ какъ есть, турка. Сейчасъ тебѣ готовъ башку сѣчь. — А ты иль дѣло къ нему имѣешь?—разспрашивалъ Бѣлоярцева дворникъ.

— Нѣтъ, я такъ думалъ, что лакея имъ не требуется ли.

— Нѣтъ, лакея намъ, другъ ты милый, не требуется.

«Вотъ она, на какого чорта было наскочилъ», — подумалъ, заворачивая лыжи, Бѣлоярцевъ, и, возвратясь домой не въ духѣ, объявилъ, что съ этою дѣвочкою много очень хлопотъ можно нажить; что взять ее изъ дому, конечно, можно, но что послѣ могутъ выйти исторіи, весьма невыгодныя для общаго дѣла.

— Жаль ее, однако,—говорили женщины.

— Да-съ, да вѣдь лучше одному человѣку пропадать,

чѣмъ рисковать дѣломъ, важнымъ для всего человѣчества, — отвѣчалъ Бѣлоярцевъ.

Лестныя для самолюбія Бѣлоярцева письма незнакомки окончательно дѣлали его въ своихъ глазахъ великимъ человекомъ.

Онъ отказался отъ небезопаснаго намѣренія похитить генеральскую дочь и даже пересталъ отвѣчать ей на полученные послѣ этого три письма; но задумалъ сдѣлаться въ самомъ дѣлѣ наставникомъ и руководителемъ русскихъ женщинъ, видящихъ въ немъ, по словамъ незнакомки, свой оплотъ и защиту.

Бѣлоярцевъ только думалъ, какъ бы за это взяться и съ чего бы начать.

Въ это время, онъ, противъ своего обыкновенія, рѣшился прочесть рекомендованную ему кѣмъ-то скандальную книжечку: «Правда о мужчинѣ и женщинѣ».

Эта книжечка опредѣлила Бѣлоярцеву его призваніе и указала ему, что дѣлать. Бѣлоярцевъ сталъ толковать о гигиенѣ и, наконецъ, рѣшился прочесть нѣсколько лекцій о физическомъ воспитаніи женщинъ. Эти лекціи многимъ доставили обильный матеріалъ для подтруниванья надъ Бѣлоярцевымъ. Онъ было, послѣ первой попытки, хотѣлъ оставить педагогическое поприще, но слушательницы упростили его продолжать, — и онъ прочелъ свой полный курсъ, состоявшій изъ пяти или шести лекцій. Бертольди довела до свѣдѣнія Бѣлоярцева, что «женщины ждуть отъ него другихъ наукъ». Бѣлоярцевъ кушалъ два вновь вышедшія въ русскомъ переводѣ географическія сочиненія и заговорилъ, что намѣренъ читать курсъ географіи для женщинъ. — Мужчинъ на своихъ лекціяхъ Бѣлоярцевъ терять не могъ и въ крайнемъ случаѣ допускалъ ужъ только самыхъ испытанныхъ гражданъ, ставящихъ выше всего общій выводъ и направленіе. Надѣялись, что Бѣлоярцевъ современемъ прочтетъ и курсъ математики для женщинъ, и курсъ логики для женщинъ; но Бѣлоярцевъ не оправдалъ этихъ надеждъ. Человеку, не пріучившему себя къ усидчивому труду, читать, да выбирать, да компилировать — работа скучная. Бѣлоярцевъ почувствовалъ это весьма скоро и, забросивъ свои географическія книги, пересталъ и вспоминать о лекціяхъ. Онъ опять началъ понемножку скучать, но не оказывалъ большой нетерпимости и частенько даже сознавался въ нѣ-

которомъ пристрастїи къ мірскимъ слабостямъ. Онъ самъ рассказывалъ, какъ бывало въ мірѣ они сойдутся, выпьютъ бездѣлицу, попоютъ, поскоромятъ, посмѣются, да и при-вдохнетъ, глядя на зѣвающій и самъ себѣ надобвшій народъ *Дома*. Бѣлоярцевъ въ это время ужъ не боялся даже дискредитоваться. Онъ до такой степени чувствовалъ превосходство своего положенія, что уже не стѣснялся постоянно дѣлать и самого себя, и каждое свое дѣйствіе образцовыми. Скажетъ ли кто-нибудь, что ему скучно, Бѣлоярцевъ сейчасъ замѣчаетъ: «Отчего же мнѣ не скучно?» — У кого-нибудь животъ заболитъ. — Бѣлоярцевъ сейчасъ поучаетъ: «Да, да, болитъ! вотъ теперь и болитъ. Разумѣется, что будетъ болѣть, потому что ѣдите безъ толку. Отчего-жъ у меня не болитъ?» — Кто-нибудь прїѣдетъ и расскажетъ, что нынче на Невскомъ на торцахъ очень лошади падаютъ; Бѣлоярцевъ и тутъ остановитъ и скажетъ: «Падаютъ! Нужно смотрѣть, чтобъ у извозчика лошадь была на острыхъ шипахъ, такъ и не упадетъ. Отчего же у моихъ извозчиковъ никогда лошади не падаютъ?»

Бѣлоярцевъ доходилъ до самообожанія и изъ-за этого даже часто забывалъ объ обязанностяхъ, лежащихъ на немъ по званію соціальнаго реформатора. Хотя онъ и говорилъ: «отчего же мнѣ не скучно?» но въ существѣ нудился болѣе всѣхъ и одинъ разъ при общемъ воскликнѣ: «какая скука! какая скука!» не отвѣтилъ: «отчего же мнѣ не скучно?», а походилъ и сказалъ: «Да, надо кого-нибудь позвать. Я убѣдился, что намъ ихъ бояться такимъ образомъ нечего. Въ жизни, въ принципахъ мы составляемъ особое цѣлое, а такъ, одною наружною стороною, отчего же намъ не соприкасаться съ ними?.. Я подумаю, и мы, кажется, даже уничтожимъ декады, а назначимъ простые дни въ недѣлю, — это даже будетъ полезно для пропаганды».

На другой же день послѣ такого разговора, Бѣлоярцевъ пошелъ погулять и, встрѣчаясь съ старыми своими знакомыми по житію въ мірѣ, говорилъ:

— А что вы къ намъ никогда не завернете? Заходите, пожалуйста.

— Да вы, — Богъ васъ тамъ знаетъ, — совсѣмъ особеннымъ какъ-то образомъ живете, и не принимаете старыхъ знакомыхъ, — отвѣчалъ міряннинъ.

— Ахъ, фуй! Что это вы такое! Полноте, пожалуйста, —

останавливалъ мірянина Бѣлоярцевъ. — Никакихъ у насъ особенностей нѣтъ: живемъ себѣ вмѣстѣ, чтобъ дешевле обходилось, да и только. Вы, сдѣлайте милость, заходите. Вотъ у насъ въ пятницу собираются, вы и заходите.

Бѣлоярцевъ, благодушно гуляя, зашелъ навѣстить и Райнера. Большой спаль, а въ его залѣ за чаемъ сидѣли Розановъ, Лобачевскій, Полинъка и Лиза.

— Ситуацiя Бѣлоярцевъ!—произнесъ вполголоса Розановъ при входѣ гостя.

Они поздоровались и удовлетворили бѣлоярцевскіе вопросы о Райнеровомъ здоровьѣ.

— А что съ вами, Дмитрій Петровичъ? Гдѣ вы побываете, что подѣлываете? Вы совсѣмъ запропастились, — заигрывалъ съ Розановымъ Бѣлоярцевъ.

— Всегда на виду, — отвѣчалъ Розановъ: — занимаюсь прохожденіемъ службы; начальствомъ, могу сказать, любимъ, подчиненныхъ не имѣю.

— Что же вы къ намъ никогда?

Розановъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и отвѣчалъ:

— Помилуйте, зачѣмъ же я буду ходить къ вамъ, когда мое присутствіе васъ стѣсняетъ?

Бѣлоярцевъ нѣсколько смутился и сказалъ:

— Нѣтъ... Это совсѣмъ не такъ, Дмитрій Петровичъ, я именно противъ личности вашей ничего не имѣю, а если я что-нибудь говорилъ въ этомъ родѣ, то говорилъ о несходствѣ въ принципахъ.

— Какихъ принципахъ?—спросилъ Розановъ.

— Ну, мы во многомъ же не можемъ съ вами согласиться...

Розановъ пожалъ въ недоумѣніи плечами.

— Вы выходите изъ однихъ началъ, а мы изъ другихъ...

— Позвольте, пожалуйста: я отъ васъ всегда слыхалъ одно...

— Ну да,—то было время.

— Вы всегда утверждали, что вы художникъ и вамъ нѣтъ дѣла ни до чего внѣ художества: я васъ не оспаривалъ и никогда не оспариваю. Какое мнѣ дѣло до вашихъ принциповъ?

— Да, да, это все такъ, но все же вѣдь всѣ наши недоразумѣнія выходятъ изъ-за несходства нашихъ принциповъ. Мы отрицаемъ многое, за что стоимъ...

— Э! полноте, Бѣлоярцевъ! Повторяю, что мнѣ нѣтъ никакого дѣла до того, что съ вами произойдетъ какой-то курьезъ-переворочекъ. Если между нами есть, какъ вы ихъ называете, недоразумѣнія, такъ тутъ ни при чемъ ваши отрицанія. Мой пріятель Лобачевскій несравненно большій отрицатель, чѣмъ всѣ вы; онъ даже вопъ отрицаетъ васъ самихъ со всѣми вашими хлопотами и всего ждетъ только отъ выработки вещества человѣческаго мозга, но между нами нѣтъ же подобныхъ недоразумѣній. Мы не мѣшаемъ другъ другу.—Какіе тамъ особенные принципы!..

Бѣлоярцевъ выносилъ это объясненіе съ спокойствіемъ, дѣлающимъ честь его умѣнью владѣть собою, и довелъ дѣло до того, что въ первую пятницу въ *Домъ* было нѣчто въ родѣ вечерочка. Были тутъ и граждане, было и нѣсколько мѣрянъ. Даже здѣсь появился и пріѣхавшій изъ Москвы нашъ давній знакомый Завулоновъ. Бѣлоярцевъ былъ въ самомъ пріятномъ духѣ: каждаго онъ привѣтилъ, каждому, кѣмъ онъ дорожилъ хоть каплю, онъ попалъ въ ноту.

— Вотъ чѣмъ люди прославлялись!—сказалъ онъ Завулонову, который разсматривалъ фотографическую копію съ брунѣвскаго «Мѣднаго змѣя».—Хороша идея!

Завулоновъ молча покряхтывалъ.

— Родись мы съ вами въ то время,—начиналъ Бѣлоярцевъ:—что бы... можно сдѣлать?

--- Все равно, васъ бы тогда не оцѣнили, — подсказывала Бертольди, не отлучавшаяся отъ Бѣлоярцева во всѣхъ подобныхъ случаяхъ.

— Ну, и что жъ такое?—говорилъ Бѣлоярцевъ въ другомъ мѣстѣ, защищая какого-то мелкаго газетнаго сотрудника, побиваемаго маленькимъ путейскимъ офицеромъ. — Можно и сто разъ смѣшнѣе написать, но что же въ этомъ за цѣль? Онъ, наиримѣръ, написалъ: «свинья въ ермолектѣ», и смѣшно очень, а я напишу: «собака во фракѣ», и будетъ еще смѣшнѣе. Вотъ вамъ и весь вашъ Гоголь; вотъ и весь его юморъ!

Черезъ нѣсколько минутъ не менѣе рѣзкій приговоръ былъ высказанъ и о Шекспирѣ.

— А чортъ его знаетъ; можетъ-быть, онъ былъ дуракъ.

— Шекспиръ дуракъ!

— Ну да, нужныхъ мыслей у него нѣтъ.—Про героевъ сочинялъ, что такое?

— Шекспиръ дуракъ! — вскрикивалъ, весь побагровѣвъ, путейскій офицеръ.

— Очень можетъ быть. Въ Отеллѣ, тамъ какую-то бычачью ревность изобразилъ... Можетъ быть, это и дорого стѣить... А что онъ человѣкъ бесполезный и ничтожный, — это фактъ.

— Шекспиръ?

— Ну, Шекспиръ же-съ, Шекспиръ.

Вечеръ, впрочемъ, шелъ совсѣмъ безъ особыхъ гражданскихъ онеровъ. Только Бертольди, когда кто-нибудь изъ мірянъ, прощаясь, протягивалъ ей руку, спрашивала:

— Зачѣмъ это?

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Начало конца.

Райнеръ выздоровѣлъ и въ первый разъ выѣхалъ къ Евгени Петровнѣ. Онъ встрѣтилъ тамъ Лизу, Полиньку Калистратову и Помаду. Появленіе послѣдняго несказанно его удивило. Помада пріѣхалъ изъ Москвы только нѣсколько часовъ и прежде всего отправился къ Лизѣ. Лизы онъ не засталъ дома и пріѣхалъ къ Евгени Петровнѣ, а вещи его оставилъ у себя Бѣлярцевъ, который встрѣтилъ его необыкновенно привѣтливо и радушно, пригласилъ погостить у нихъ. Бѣлярцевъ въ это время хотя и пересталъ почти совсѣмъ бояться Лизы и даже опять самымъ искреннимъ образомъ желалъ, чтобы ея не было въ *Домъ*, но съ одной стороны ему хотѣлось, пригласивъ Помаду, показать Лизѣ свое доброжелательство и поворотъ къ простотѣ, а съ другой — непрезентабельная фигура застѣнчиваго и неладнаго Помады давала ему возможность погулять за глаза на его счетъ и показать гражданамъ, что вотъ-де у нашей уминцы какіе друзья.

Лиза поняла это и говорила Помадѣ, что онъ напрасно принялъ бѣлярцевское приглашеніе; она находила, что лучше бы ему остановиться у Вязмитиновыхъ, гдѣ его знаютъ и любятъ.

— А вы, Лизавета Егоровна, ужъ и знать меня не хотите развѣ? — отвѣчалъ съ кроткимъ упрекомъ Помада.

Лизѣ невозможно было разъяснить ему своихъ соображеній.

Помада очень мало измѣнился въ Москвѣ. По крайней

ветхости всего его костюма, можно было безонибочно полагать, что житье его было не сахарное. О службѣ своей онъ разговаривалъ неохотно и только нѣсколько разъ принимался рассказывать, что долги свои онъ уплатилъ все до копеечки.

— Я бы давно былъ здѣсь,—говорилъ онъ:—но все долгишки были.

— Зачѣмъ же вы пріѣхали?—спрашивали его.

— Такъ, повидаться захотѣлось.

— И надолго къ намъ?

— Денька два пробуду,—отвѣчалъ Помада.

Въ этотъ день Помада обѣдалъ у Вязмитиновыхъ и тотчасъ же послѣ стола поѣхалъ къ Розанову, обѣщаясь къ вечеру вернуться, но не вернулся. Вечеромъ къ Вязмитиновымъ заѣхалъ Розановъ и крайне удивился, когда ему сказали о внезапномъ пріѣздѣ Помады: Помада у него не былъ. У Вязмитиновыхъ его ждали до полуночи и не дождались. Лиза поѣхала на розановскихъ лошадяхъ къ себѣ и прислала оттуда сказать, что Помады и тамъ нѣтъ.

— Сирена какая-нибудь похитила,—говорилъ утромъ Бѣлоярцевъ.

На другое утро Помада явился къ Розанову. Онъ былъ, по обыкновенію, сердеченъ и тепелъ, но Розанову показалось, что онъ какъ-то неспокоенъ и разсѣянъ. Только о Лизѣ онъ разспрашивалъ со вниманіемъ, а ни городъ, ни положеніе всѣхъ другихъ извѣстныхъ ему здѣсь лицъ не обращали на себя никакого его вниманія.

— Что ты такой странный?—спрашивалъ его Розановъ.

— Я, братъ, давно такой.

— Гдѣ же ты ночевалъ?

— Тутъ у меня родственникъ есть.

— Откуда у тебя родственникъ взялся?

— Давно... всегда былъ тутъ дядя... у него ночевалъ.

Этотъ день и другой затѣмъ Помада или пребывалъ у Вязмитиновыхъ, или уѣзжалъ къ дядѣ.

У Вязмитиновыхъ онъ впадалъ въ самую дѣтскую веселость, цѣловалъ ручки Женни и Лизы, обнималъ Абрамовну, цѣловалъ Розанова и даже ни съ того, ни съ сего плакалъ.

— Что ты это, Помада?—спрашивалъ его Розановъ.

— Что? Такъ, Богъ его знаетъ, дѣтскіе годы... старое все какъ-то припомнилъ, и скучно разстаться съ вами.

Чѣмъ его болѣе ласкали здѣсь, тѣмъ онъ становился разстроеннѣе и тѣмъ чаще у него просились на глаза слезы. Вещи свои, заключающіяся въ давно извѣстномъ намъ раицѣ, онъ еще съ вечера перевезъ къ Розанову и отъ него хотѣлъ завтра уѣхать.

— Увидимся еще завтра? — спрашивала его Женни. — Поѣздъ идетъ въ Москву въ двѣнадцать часовъ.

— Нѣтъ, Евгенія Петровна, я завтра у дяди буду.

Никакъ нельзя было уговорить его, чтобы онъ завтра показался.

Прощаясь у Вязмитиновыхъ со всѣми, онъ расцѣловалъ руки Женни и вдругъ поклонился ей въ ноги.

— Что вы! что вы дѣлаете? Что съ вами, Юстинъ Феликсовичъ? — спрашивала Женни.

— Такъ... разстроился, — тихо произнесъ Помада и, вдругъ измѣнивъ тонъ, подошелъ спокойною, твердою поступью къ Лизѣ.

— Я вамъ много надоѣдалъ, — началъ онъ тихо и ровно. — Я помню каждое ваше слово. Мнѣ безъ васъ было скучно. Ахъ, если бы вы знали, какъ скучно! Не сердитесь, что я прѣзжалъ повидаться съ вами.

Лиза подала ему обѣ руки.

— Прощайте! — пролетѣлъ Помада и, прижавъ къ рукѣ Лизы, зарыдалъ какъ ребенокъ.

— Живите съ нами, — сказала ему сквозь слезы Лиза.

— Нѣтъ, другъ мой, — Помада улыбнулся и сказалъ: — можно васъ назвать «другомъ»?

Лиза отвѣчала утвердительнымъ движеніемъ головы.

— Нѣтъ, другъ мой, мнѣ съ вами нельзя жить. Я такъ долго жилъ безъ всякой опредѣленной цѣли. Теперь мнѣ легко. Это только такъ кажется, что я разстроены, а я въ самомъ дѣлѣ очень, очень спокоенъ.

— Что съ нимъ такое? — говорила Лиза, обращаясь къ Розанову и Женни.

— Ну вотъ! Ахъ вы, Лизавета Егоровна! — воскликнулъ Помада сквозь грустную улыбку. — Ну, скажите, ну, что я за человекъ такой? Пока я скучалъ да томился, никто надъ этимъ не удивлялся, а когда я, наконецъ, спокоенъ, это всѣмъ удивительно. На свою дорогу пошаль: вотъ и все.

Пріѣхавъ къ Розанову, Помада попросилъ его дать ему бумаги и тотчасъ же сѣлъ писать. Онъ окончилъ свое писаніе далеко за полночь, а въ восемь часовъ утра стоялъ передъ Розановымъ во всемъ дорожномъ облаченіи.

— Куда ты такъ рано? — спросилъ его, просыпаясь, докторъ.

— Прощай, мнѣ пора.

— Да напейся же чаю.

— Нѣтъ, пора.

— Вѣдь до двѣнадцати часовъ еще долго.

— Нѣтъ, пора, пора: прощай, братъ Дмитрій.

— Постой же, лошадей запрягутъ.

Розановъ крикнулъ челоѡвка и велѣлъ скорѣе запрячь лошадей, а самъ сталъ наскоро одѣваться.

— Ты что хочешь дѣлать?

— Проводить тебя хочу.

— Нѣтъ! Бога ради, не надо, не надо этого! Ни лошадей твоихъ не надо, ни ты меня не провожай.

Розановъ остановился, выпяливъ на него глаза.

— Прощай! Вотъ это письмо передай, только не по почтѣ. Я не знаю адреса, а Красинъ его знаетъ. Передай и оставайся.

— Да что же это такое за мистификація! Куда ты ѣдешь, Помада? Ты не въ Москву ѣдешь.

— Будь же уменъ и деликатенъ: простимся, и оставь меня.

Съ этими словами Помада поцѣловалъ Розанова и быстро вышелъ.

— Живи! — крикнулъ онъ ему изъ-за двери, взявъ перваго извозчика, и поѣхать.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Механики.

Письмо, оставленное Помадою въ рукахъ Розанова, было написано сестрѣ Мечниковой, Агатѣ.

Розановъ положилъ это письмо въ карманъ и около десяти часовъ того же утра завезъ его Райнеру, а при этомъ рассказала и странности, обнаруженные Помадою при его отъѣздѣ.

— Да, все это странно, очень странно, — говорилъ Райнеръ: — но, погодите, у меня есть нѣкоторыя догадки... Съ этой дѣвушкой дѣлаютъ что-нибудь очень свѣрное.

Райнеръ взялъ письмо и обѣщался доставить его самъ. Вечеромъ Розановъ, встрѣтивъ его у Вязмитиновыхъ и, улучивъ минуту, когда остались одни, спросилъ:

— Ну, что ваши догадки?

— Оправдались.

— Что же съ этой дѣвушкой?

— Очень нехорошо. О, Боже мой! если бъ вы знали, какіе есть мерзавцы на свѣтѣ!

— Очень знаю.

— Нѣтъ, не знаете.

— Помилуйте, на землѣ четвертый десятокъ начинаю жить.

— Нѣтъ, ни на какой *землѣ* не встрѣчалъ я такихъ мерзавцевъ, какъ здѣсь.

— Болотные,—подсказалъ Розановъ.

Послѣ этого разговора, при которомъ Райнеръ казался нѣсколько взволнованнымъ, его противъ обыкновенія не было видно около недѣли, и онъ очень плохо могъ рассказать, гдѣ онъ все это время исчезалъ и чѣмъ занимался.

Разскажемъ, что дѣлалъ въ теченіе этого времени Райнеръ.

Тотчасъ, разставшись съ Розановымъ, онъ отправился съ письмомъ Помады въ Болотную улицу и обойдя, съ бесполезными разспросами, нѣсколько печальныхъ домовъ этой улицы, наконецъ, нашелъ квартиру Агаты.

— Пожалуйте, пожалуйста за мной,—трещала ему кривая грязная баба, идя впереди его по темному, вонючему коридорчику, съ неровнымъ поломъ, заставленнымъ ведрами, корытами, лаханками и всякой нечистью.— Ояѣ давно ужъ совсѣмъ собрались; давно ждуть васъ.

— Приѣхали за вами!—крикнула баба, отворивъ дверь въ небольшой чуланчикъ, оклеенный засаленными бумажками.

Къ двери быстро подскочила Агата. Она много измѣнилась въ теченіе того времени, какъ Райнеръ не видалъ ее: лицо ея позеленѣло и немного отекло, глаза сдѣлались еще больше, фигура сильно испортилась въ талии. Агата была беременна, и беременности ея шелъ седьмой мѣсяць. Бѣлоярцевъ давно рассказывалъ это; теперь Райнеръ видѣлъ это своими глазами. Беременность Агаты была очевидна, несмотря на то, что бѣдная женщина встрѣтила Райнера въ дорожномъ платьѣ. На ней былъ надѣтъ шерстяной линочій ватощникъ и сверху драховый бурнусъ, подъ которымъ былъ поддѣтъ большой ковровый платокъ; другой та-

кой же платокъ лежалъ у нея на головѣ. При входѣ Райнера, она тотчасъ начала связывать концы этого платка у себя за спиною и торопливо произнесла:

— Вотъ какъ! Такъ это вы за мною, monsieur Райнеръ?

— Я къ вамъ, а не за вами. Вотъ вамъ письмо.

— Отъ кого это?—спросила Агата и, поспѣшно разорвавъ конвертъ, пробѣжала коротенькую записочку.

— Что это значитъ?—спросила она, блѣднѣя.

— Не знаю,—отвѣчалъ Райнеръ.

Агата передала ему записку:

«Я васъ не могу взять съ собою, — писалъ Помада,—я убъзкаю одинъ. Я вамъ хотѣлъ это сказать еще вчера, когда видѣлись у № 7, но это было невозможно, и это было бесполезно въ присутствіи № 11. Въ вашемъ положеніи вы не можете вынести предпріятія, за которое беретесь, и взять васъ на него было бы подлостью и притомъ подлостью бесполезною и для васъ, и для дѣла. Видѣться съ вами я не могъ, не зная адреса и будучи обязанъ не знать его. Я рѣшился васъ обмануть и оставить. Я все это изложилъ въ письмѣ къ лицамъ, которыя должны знать это дѣло, и беру всю отвѣтственность на себя. Васъ никто не упрекнетъ ни въ трусости, ни въ безхарактерности, и всѣ честные люди, которыхъ я знаю по нашему дѣлу, вполне порадуются, если вы откажетесь отъ своихъ намѣреній. Повѣрьте, что они вамъ будутъ не подъ силу. Вспомните, что вы вѣдь *русская*. Зачѣмъ вамъ быть съ нами? Примите мой совѣтъ: успокойтесь; будьте русскою женщиною и посмотрите, не вѣрно ли то, что странѣ вашей нужны прежде всего хорошія матери, безъ которыхъ трудно ждать хорошихъ людей.» Подписано: «Гижицкій».

— Вы хотѣли ѣхать въ Польшу? — спросилъ Райнеръ, возвращая Агатѣ письмо Помады, подписанное чужою фамиліею.

— Ну, да, я должна была сегодня ѣхать съ Гижицкимъ. Видите, у меня все готово,—отвѣчала Агата, указывая на лежавшій посреди комнаты кронечный чемоданчикъ и связокъ въ кашемировомъ платкѣ.

— Что жъ вы тамъ хотѣли дѣлать?

— Ходить за больными.

— Да вы развѣ полька?

— Нѣтъ, не полька.

— Ну, сочувствуете польскому дѣлу: аристократическому дѣлу?

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! что только они со мною дѣлаютъ!—произнесла вмѣсто отвѣта Агата и, опустившись на стулъ, поникла головою и заплакала.—То уговариваютъ, то оставляютъ опять на эту муку въ этой проклятой конурѣ,—говорила она, раздражаясь и нервно всхлипывая.

По коридору и за стѣнами конуры со всѣхъ сторонъ слышались человѣческіе шаги и то любопытный шопотъ, то сдержанный сильный смѣхъ.

— Перестаньте говорить о такихъ вещахъ, — тихо проговорила по-англійски Райнеръ.

— Что мнѣ беречь! Мнѣ нечего терять и нечего бояться. Пусть будетъ все самое гадкое. Я очень рада буду, — отвѣчала по-русски и самымъ громкимъ, нервнымъ голосомъ Агата.

Райнеръ постоялъ нѣсколько секундъ молча и, еще понизивъ голосъ, опять по-англійски сказалъ ей:

— Поберегите же другихъ, которымъ можетъ повредить ваша неосторожность.

Дѣвушка, прислонясь лбомъ къ стѣнкѣ дивана, старалась душить свои рыданія, но, спустя пару минутъ, быстро откинула голову и, взглянувъ на Райнера покраснѣвшими глазами, сказала:

— Выйдите отъ меня, сдѣлайте милость! Оставьте меня со всякими своими совѣтами и нравоученіями.

Райнеръ взялъ съ чемодана свою шляпу и сталъ молча надѣвать калоши, стараясь не давать нищи возрастающему раздраженію Агаты.

— Фразеры гнусныя!—проговорила она вслухъ, запирая на крючокъ свою дверь тотчасъ за Райнеровой спиной.

Райнера нимало не оскорбили эти обидныя слова: сердце его было полно жалости къ несчастной дѣвушкѣ и презрѣнія къ людямъ, желавшимъ сунуть ее куда попало для того только, чтобы спустить съ глазъ.

Райнеръ понималъ, что Агату ничто особенное не тянуло въ Польшу, но что ее склонили къ этому, пользуясь ея печальнымъ положеніемъ. Онъ вышелъ за ворота грязнаго двора, постоялъ нѣсколько минутъ и пошелъ, куда вели его возникавшія соображенія.

Черезъ часъ Райнеръ вошелъ въ комнату Красина, заставъ гражданина готовящимся выйти изъ дома.

Они поздоровались.

— Красинь, перестали ли вы думать, что я шпиоць?— спросилъ ех abruptly Райнерь.

— О, конечно, какъ вамъ не стыдно и говорить объ этомъ!—отвѣчалъ Красинь.

— Мнѣ нужно, во что бы то ни стало, видѣть здѣшняго комиссара революціоннаго польскаго правительства: помогите мнѣ въ этомъ.

— Но... позвольте, Райнерь... почему вы думаете, что я могу вамъ помочь въ этомъ?

— Я это знаю.

— Ошибаетесь.

— Я это достовѣрно знаю: № 7 третьяго дня видѣлся съ № 11.

— Вы хотите идти въ возстаніе?

— Да,—тихо отвѣчалъ Райнерь.

Красинь подумалъ и походилъ по комнатѣ.

— Я тоже имѣю это намѣреніе,—сказалъ оцъ, остановивсь передъ Райнеромъ, и началъ качаться на своихъ высокихъ каблукахъ.— Но, вы знаете, въ польской организаціи можно знать очень многихъ ниже себя, а старше себя только того, отъ кого вы получили свою номинацію, а я еще не имѣю номинаціи. То-есть, я могъ бы ее имѣть, но она мнѣ пока еще не нужна.

— Укажите же мнѣ хоть кого-нибудь,—упрашивалъ Райнерь.

— Не могу, батюшка. Вы напишите, что вамъ нужно, я понюу случая передать; но указать, извините, никого не могу. Самъ не знаю.

Райнерь сѣлъ къ столу и взялъ четвертку писчей бумаги.

— Пишите безъ излишней скромности: если вы будете бояться ихъ, они вамъ не повѣрятъ.

Райнерь писалъ: «Я, швейцарскій подданный Вильгельмъ Райнерь, желаю идти въ польское народное возстаніе и прошу дать мнѣ возможность видѣться съ кѣмъ-нибудь изъ петербургскихъ агентовъ революціонной организаціи». За симъ слѣдовала полная подпись и полный адресъ.

— Постараюсь передать,—сказалъ Красинь.

На другой день, часу въ восьмомъ вечера, Афинья подала Райнеру карточку, на которой было написано: «Кол-

лежскій совѣтникъ Иванъ Венедиктовичъ Петровскій». Райнеръ попросилъ г. Петровскаго. Это былъ человекъ лѣтъ 35, блондинъ, съ чисто выбритымъ благонамѣреннымъ лицомъ и со всеми приемами благонамѣреннѣйшаго департаментскаго начальника отдѣленія. Мундирный фракъ, въ которомъ Петровскій предсталъ Райнеру, и аннинскій крестъ въ петлицѣ усиливали это сходство еще болѣе.

— Я имѣю честь видѣть господина Райнера? — началъ мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ Петровскій.

Райнеръ далъ гостю надлежащій отвѣтъ, усадилъ его въ спокойномъ креслѣ своего кабинета и спросилъ, чему онъ обязанъ его посѣщеніемъ.

— Вашей записочкѣ, — отвѣчалъ коллежскій совѣтникъ, вынимая изъ бумажника записку, отданную Райнеромъ Красину. — А вотъ не угодно ли вамъ будетъ, — продолжалъ онъ спустя немного, — взглянуть на другую бумажку.

Петровскій положилъ передъ Райнеромъ тонкій листокъ, величиною съ листки, употребляемые для телеграфическихъ депешъ. Это была номинація г. Петровскаго агентомъ революціоннаго правительства. На лѣвомъ углу бумаги была круглая голубая печать Rzadu Narodowego.

Райнеръ немного смѣнился и, торопливо пробѣжавъ бумагу, взглянулъ на двери: Петровскій смотрѣлъ на него совершенно спокойно. Не торопясь, онъ принялъ изъ рукъ Райнера его записку и вмѣстѣ съ своею номинаціей опять положилъ ихъ въ бумажникъ.

— Я беру вашу записку, чтобы возвратить ее тому, отъ кого она получена.

Райнеръ молча поклонился.

— Чѣмъ же прикажете служить? — тихо спросилъ коллежскій совѣтникъ. — Вы вѣдь не имѣете желанія идти въ возстаніе: мы знаемъ, что это съ вашей стороны былъ только предлогъ, чтобы видѣть комиссара. Я самъ не знаю комиссара, но, увѣряю васъ, что онъ ни васъ, никого приять не можетъ. Что вамъ угодно довѣрить, вы можете, не опасаясь, сообщить мнѣ.

Это начало еще болѣе способствовало Райнерову замѣшательству; но онъ оправился и съ полною откровенностью разсказалъ революціонному агенту, что, подъ видомъ сочувствія польскому дѣлу, имъ навязываютъ дѣвушку въ такомъ положеніи, въ которомъ женщина не можетъ скитаться

по лѣсамъ и бологамъ, а имѣеть всякое право на человѣческое снисхожденіе.

— Если вы отправите ее,—прибавилъ Райнеръ:—то тысячи людей объ этомъ будутъ знать; и это не будетъ выгодно для вашей репутаціи.

— Совершенно такъ, совершенно такъ,—подтверждалъ коллежскій совѣтникъ, поневеливая аннинскимъ крестомъ.— Я былъ пораженъ вчера этимъ извѣстіемъ и будьте увѣрены, что эта дѣвица никогда не будетъ въ возстаніи. Ей еще вчера послано небольшое вспоможеніе за безпокойство, которому она подверглась, и вы за нее не безпокойтесь.— Мы вѣдь въ людяхъ не нуждаемся,—сказалъ онъ съ снисходительной улыбкой, и, тотчасъ же принявъ тонъ благородно-негодующій, добавилъ: — а это насъ подвели эти благородные русскіе друзья Польши. Конечно,—началъ онъ послѣ короткой паузы: — въ нашемъ положеніи здѣсь мы должны молчать и терпѣть, но эта почтенная партія можетъ быть увѣрена, что ея серьезныя занятія не останутся тайною для исторіи.

— Чѣмъ вы думаете испугать ихъ! — съ горькой улыбкой проговорилъ Райнеръ.

— Чѣмъ можемъ.

— Что имъ судъ исторіи, когда они сами увѣрены, что лгутъ себѣ и людямъ, и все-таки ничѣмъ не стѣсняются.

— Они полагають, что цѣлый свѣтъ такъ же легко обманывать, какъ они обманываютъ своимъ социализмомъ полсотни какихъ-нибудь юбокъ.

Петровскій сдѣлалъ тонкую департаментскую улыбку и сказалъ:

— Да, на русской землѣ выросли социалисты, достойные полнѣйшаго удивленія.

— Какіе жъ это социалисты! — вскричалъ Райнеръ.

— Ну, фурьеристы.

— Это... просто...

— Дрянь! — горячо сорвалъ Петровскій.

— Н-нѣтъ, игра въ лошадки, маскарадъ, въ которомъ питригуютъ для забавы. Конечно, они... иногда... пользуются увлеченіями...

— И все во имя теоріи! Нѣтъ, Богъ съ нами, съ ихъ умными теоріями и съ ихъ сочувствіемъ. Мы ни въ чемъ

отъ нихъ не нуждаемся и будемъ очень рады какъ можно скорѣе освободиться отъ ихъ вниманія. Наше дѣло, — продолжалъ Петровскій, не сводя глазъ съ Райнера: — добыть нашимъ бѣднымъ хлопкамъ землю, раздѣлить ее по-братски, — и пусть тогда будетъ народная воля.

Райнеръ посмотрѣлъ на коллежскаго совѣтника во всѣ глаза.

— Прощайте, господинъ Райнеръ, очень радъ, что имѣлъ случай познакомиться съ такимъ благороднымъ человѣкомъ, какъ вы.

— Какую вы новую мысль дали мнѣ о польскомъ движеніи! Я его никогда такъ не разматривалъ и, признаюсь, его такъ никто не разматриваетъ.

Коллежскій совѣтникъ улыбнулся и проговорилъ:

— Что жъ намъ дѣлать! — и простился съ Райнеромъ.

Петровскаго, какъ онъ только вышелъ на улицу, встрѣтилъ молодой человѣкъ, которому коллежскій совѣтникъ отдалъ свой бумажникъ съ номинаціею и другими бумагами. Тутъ же они обмѣнялись нѣсколькими словами и пошли въ разныя стороны. У перваго угла Петровскій взялъ извозчика и велѣлъ ѣхать въ Нѣмецкій клубъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Неожиданный оборотъ.

Агата осталась въ Петербургѣ. Съ помощью денегъ, полученныхъ ею въ запечатанномъ конвертѣ черезъ человѣка, который встрѣтилъ ее на улицѣ и скрылся прежде, чѣмъ она успѣла сломать печать, бѣдная дѣвушка наняла себѣ уютную коморочку у бабушки-голландки и жила, совершенно пропавъ для всего свѣта.

Она ждала времени своего разрѣшенія и старалась всячески гнать отъ себя всякую мысль о будущемъ. Райнеръ пытался отыскать ее, чтобы, по крайней мѣрѣ, утѣшить обѣщаніемъ достать работу, но Агата спряталась такъ тщательно, что поиски Райнера остались напрасными.

Въ *Домъ Согласія* все шло попрежнему, только Бѣлоряевъ все болѣе заявлялъ себя доступнымъ міру и мірянамъ. Въ одинъ вечеръ, занимаясь набивкою чучела зайца, котораго застрѣлила какая-то его знакомая мірянка, онъ даже выразилъ насчетъ утилитарности такое мнѣніе, что «полезно все то, что никому не вредно и можетъ доставлять

удовольствіе». Тутъ же онъ какъ-то припомнилъ нѣсколько знакомыхъ и, между прочимъ, сказалъ:

— Вотъ и Райнеръ выздоровѣлъ, вездѣ бываетъ, а къ намъ и глазъ не кажетъ. — А я полагаю, что теперь мы бы безъ всякаго риска могли предложить ему жить съ нами.

Мысль эта была выражена Бѣлоярцевымъ въ виду совершенаго истощенія занятаго фонда: Бѣлоярцевъ давненько началъ подумывать, какъ бы сложить нѣкоторыя неприятныя обязанности на чужія плечи, и плечи Райнера представлялись ему весьма удобными для этой перекладки.

Женщины и самый Прорвичъ удивительно обрадовались мысли, выраженной Бѣлоярцевымъ насчетъ Райнера, и пристали къ Лизѣ, чтобы она немедленно же уговорила его переходить въ *Домъ*. Просьба эта отвѣчала личнымъ желаніемъ Лизы, и она на нее дала свое согласіе.

— Пойдетъ ли только теперь къ намъ Райнеръ? — усомнилась Ступина. — Онъ вѣрно обижень. — Но это сомнѣніе было опровергнуто всѣми.

— Райнеръ не такой человѣкъ, чтобы подчиняться личностямъ, — утвердила Лиза, приставая къ голосамъ, не раздѣлявшимъ опасеній Ступиной.

На другой день Лиза поѣхала къ Вязмитиновой.

Лиза вообще въ послѣднее время рѣдкій день не бывала у Женни, гдѣ собирались всѣ извѣстныя намъ лица: Полинъка, Розановъ, Райнеръ и Лиза. Здѣсь они проводили время довольно не скучно и вовсе не обращали вниманія на являвагося букою Николая Степановича.

Къ великому удивленію Лизы, полагавшей, что она знаетъ Райнера, какъ самое себя, онъ, выслушавъ ее рассказъ о предложеніи, сдѣланномъ вчера Бѣлоярцевымъ, только насмѣшливо улыбнулся.

— Что значитъ эта острая гримаса? — спросила его недовольная Лиза.

— То, что господинъ Бѣлоярцевъ очень плохо меня понимаетъ.

— И что же дальше?

— Дальше, очень просто: я не стану жить съ нимъ.

— Можно полюбопытствовать почему?

— Потому, Лизавета Егоровна, что онъ въ моихъ гла-

захъ человѣкъ вовсе негодный для такого дѣла, за которыми нѣкогда собирались мы.

— То-есть, собирались и вы?

— Да, и я, и вы, и многіе другіе. Женщины въ особенности.

— Такъ вы въ нѣкоторыхъ вѣрите же?

— Вѣрю. И вѣрю въ себя, въ васъ. Въ васъ я очень вѣрю, вѣрю и въ другихъ, особенно въ женщинъ. Ихъ самая пылкость и увлеченіе говоритъ, если не за ихъ твердость, то за ихъ чистосердечность. А такіе госнода, какъ Красинъ, какъ Бѣлярцевъ, какъ множество имъ подобныхъ... Помилуйте, развѣ съ такими людьми можно куда-нибудь идти!

— Некуда?

— Совершенно некуда.

— Такъ что же по вашему теперь: бросить дѣло?

Райнеръ пожалъ плечами.

— Это какъ-то мало походить на все то, что вы говорили мнѣ во время вашей болѣзни.

— Я ничего не дѣлаю, Лизавета Егоровна, безъ причины. Дѣло это, какъ вы его называете, выходитъ вовсе не дѣло. По милости всякаго шутовства и лжи, оно сдѣлалось общимъ посмѣшищемъ.

— Такъ спасайте его!

Райнеръ опять пожалъ плечами и сказалъ:

— Испорченного въ конецъ нельзя исправить, Лизавета Егоровна. Я вамъ говорю, что при внутренней безладницѣ всего, что у васъ дѣлается, васъ преслѣдуетъ всеобщая насмѣшка. Это погибель.

— Ничтожная людская насмѣшка!

— Насмѣшка не ничтожна, если она основательна.

— Мнѣ кажется, что все это родится въ вашемъ воображеніи, — сказала, постоявъ молча, Лиза.

— Нѣтъ, къ несчастію, не въ моемъ воображеніи. Вы, Лизавета Егоровна, далеко не знаете всего, что очень многимъ давно извѣстно.

— Что же по-вашему нужно дѣлать? — спросила Лиза опять постѣ долгой паузы.

— Я не знаю. Если есть средства начинать снова на новыхъ простыхъ началахъ, такъ начинать. — Когда я говорилъ съ вами больнои, я именно это разумѣлъ.

— Ну, начинайте.

— Средства нѣтъ, Лизавета Егоровна. Нужны люди и нужны деньги, а у насъ ни того, ни другого.

— Такъ клиномъ земля русская и сошлась для насъ!

— Мы, Лизавета Егоровна, русской земли не знаемъ и она насъ не знаетъ. Можетъ-быть на ней есть и всякіе люди, да съ нами нѣтъ такихъ, какіе намъ нужны.

— Вы же сами признаете искренность за нашими женщинами.

— Да средствъ, средствъ нѣтъ, Лизавета Егоровна! Ничего начинать вновь при такихъ обстоятельствахъ невозможно.

— И вы рѣшились все оставить?

— Не я, а само дѣло показываетъ вамъ, что вы должны его оставить.

— И жить по-старому?

— И эту исторію тянуть дальше невозможно. Все это неминуемо должно будетъ разсыпаться само собою при такихъ учредителяхъ.

— Ну, идите же къ намъ: ваше участіе въ дѣлѣ можетъ его поправить.

— Не можетъ, не можетъ, Лизавета Егоровна, и я пожелаю вмѣшиваться ни во что.

— Пусть все погибнетъ?

— Пусть погибнетъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Это говорите вы, Райнеръ!

— Я, Райнеръ.

— Соціалистъ!

— Я, соціалистъ Райнеръ, я, Лизавета Егоровна, отъ всей души желаю, чтобы такъ или иначе скорѣе уничтожилась жалкая, смѣшная попытка, профанирующая ученіе, въ которое я вѣрю. Я, соціалистъ Райнеръ, буду радъ, когда въ Петербургѣ не будетъ *Дома Согласія*. Я благословлю тотъ часъ, когда эта безобразная, эгоистичная и безнравственная куча самозванцевъ разойдется и не станетъ мотаться на людскихъ глазахъ.

Лиза стояла молча.

— Поймите же, Лизавета Егоровна, что я не могу, я не въ силахъ видѣть этихъ ничтожныхъ людей, этихъ самозванцевъ, по милости которыхъ въ человѣческомъ обществѣ безчестятся и предаются позору и посмѣянію принципы, въ

которыхъ я выросъ и за которые готовъ сто разъ отдать всю свою кровь по каплѣ.

— Понимаю,—тихо и презрительно произнесла Лиза.

Оба они стояли молча у окна пустой залы Вязминовыхъ.

— Вы сами скоро убѣдитесь,—началъ Райнеръ:—что...

— Все социалисты вздоръ и ченуха,—подказала Лиза.

— Зачѣмъ же подказывать не то, что человѣкъ хотѣлъ сказать.

— Что же? Вы человѣкъ, которому я вѣрила, съ которымъ мы во всемъ согласились, съ которымъ... даже думала никогда не разставаться...

— Позвольте: изъ-за чего же намъ разставаться?

— И вы вотъ что вышли! Трусить, идти на понятный дворъ и, наконецъ, желать всякаго зла социализму!—перебила его Лиза.

— Не социализму, а... вздорамъ, которые во имя его затѣяны пустыми людьми.

— Гдѣ же вамъ снисхожденіе къ людямъ? Гдѣ же то всепрощеніе, о которомъ вы такъ красно говорили?

— Вы злоупотребляете словами, Лизавета Егоровна,—отвѣчалъ, покраснѣвъ, Райнеръ.

— А вы дѣлаете еще хуже. Вы злоупотребляете...

— Чѣмъ-съ?

— Довѣріемъ.

Райнеръ всыхнулъ и тотчасъ же поблѣднѣлъ какъ полотно.

— И это человѣкъ, которому... на которомъ... съ которымъ я думала...

— Но Бога ради: вѣдь вы же видите, что ничего нельзя дѣлать!—воскликнулъ Райнеръ.

— Тому, у кого коротка воля и кто мало дорожитъ довѣріемъ къ своимъ словамъ.

Райнеръ хотѣлъ что-то отвѣчать, но слово застряло у него въ горлѣ.

— А какъ красно вы умѣли рассказывать!—продолжала Лиза.—Трудно было думать, что у васъ меньше рѣшимости и мужества, чѣмъ у Бѣлоярцева.

— Вы пользуетесь правами вашего пола,—отвѣчалъ, весь дрожа, Райнеръ.—Вы меня нестерпимо обижаете съ тѣмъ, чтобы возбудить во мнѣ ложную гордость и заставить дѣй-

ствовать противъ моихъ убѣжденій. Этому еще никому не удавалось.

Въ отвѣтъ на эту тираду Лиза сдѣлала нѣсколько шаговъ на середину комнаты и, окинувъ Райнера уничтожающимъ взглядомъ, тихо выговорила:

— Безысходныхъ положеній нѣтъ, monsieur Райнеръ.

Черезъ четверть часа она уѣхала отъ Вязмитиновой, не простясь съ Райнеромъ, который оставался неподвижно у того окна, у котораго происходилъ разговоръ.

— Что тутъ у васъ было?—спрашивала Райнера Евгения Петровна, удивленная внезапнымъ отъѣздомъ Лизы.

Райнеръ уклончиво отдѣлался отъ отвѣта и уѣхалъ домой.

— Ну, что, Бахарева?—встрѣтили Лизу вопросомъ женщины *Дома Согласія!*

— Райнеръ не будетъ жить съ нами.

— Отчего же это?—освѣдомился баскомъ Бѣлоярцевъ.— Манерничаетъ! Ну, я къ нему схожу завтра.

— Да, сходите теперь; поклоняйтесь хорошенько: это и идетъ къ вамъ,—отвѣтила Лиза.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

И сырыя дрова загораются.

Три дня, непосредственно слѣдовавшіе за этимъ разговоромъ, имѣютъ большое право на наше вниманіе.

Въ теченіе этихъ трехъ дней Райнеръ не видался съ Лизою. Каждый вечеръ онъ приходилъ къ Женни часомъ ранѣе обыкновеннаго и при первыхъ привѣтствіяхъ очень внимательно прислушивался, не отзовется ли изъ спальни хозяйки другой знакомый голосъ, не покажется ли въ дверяхъ Лизина фигура. Лизы не было. Она не только не выѣзжала изъ дома, но даже не выходила изъ своей комнаты и ни съ кѣмъ не говорила. Въ эти же дни Николаѣй Степановичъ Вязмитиновъ получилъ командировку, взялъ подорожную и собирался черезъ нѣсколько дней уѣхать мѣсяца на два изъ Петербурга и, наконецъ, въ одинъ изъ этихъ дней Красня въ обронилъ на улицѣ свой бумажникъ, о которомъ очень сожалѣлъ, но не хотѣлъ объявить ни въ газетахъ, ни въ кварталѣ и даже вдругъ вовсе пересталъ говорить о немъ.

Вечеромъ послѣдняго изъ этихъ трехъ дней Женни сидѣла у печки, топившейся въ ея спальнѣ. На колѣняхъ

она держала младшаго своего ребенка и шути говорила ему, когда онъ будетъ жить и расти. Няня Абрамовна сидѣла на креслѣ и сладко позѣвывала.

— Будемъ красавицы, умницы, добрыя, будутъ насъ любить, много, много будутъ насъ любить,—говорила Евгенія Петровна съ разстановкой, заставляя ребенка ласкать самого себя по щекамъ собственными ручонками.

— Гадай, гадай, дитятко, — произнесла въ отвѣтъ ей старуха.

— Да ужь угадаемъ, ужь угадаемъ, — шутила Женни, цѣлуя дѣвочку.

— А на мой згадъ, какъ Фараонъ царь мальчиговъ побивалъ, такъ теперь слѣдуетъ выдать законъ, чтобъ побивали дѣвочекъ.

— За что это насъ убивать? за что убивать насъ?— относилась Женни къ ребенку.

— А за то, что нынче дѣвки не въ модѣ. Право, посмотришь,—свѣтъ-то навыворотъ пошелъ. Бывало, въ домахъ ли гдѣ, въ собраніяхъ ли какихъ, видишь все-то кавалеры съ дѣвушками, съ барышнями, а барышни съ кавалерами, и таково-то славно, таково-то весело и пристойно. Парка парку себѣ отыскиваетъ. А нынче ужь нѣтъ! Все пошло какъ-то таранты на вонъ. Всѣ мужчины, какъ идолы какіе оглашенные, все только около замужнихъ женщинъ такъ и вертятся, такъ и кривляются, какъ пауки; а тѣ тоже чи-чи-чи! да га-га-га! Сами на шею и вѣшаются.

Женни засмѣялась.

— Гадостницы,—проговорила Абрамовна.

Кто-то позвонилъ у дверей.

Абрамовна встала и отперла. Вошелъ Райнеръ.

— Идите сюда, Василій Ивановичъ, здѣсь печечка тошится.

— Вы однѣ?—спросилъ, тихо входя, Райнеръ.

— Вотъ съ няней, да съ дочерью бесѣдную. Садитесь вы къ намъ.

— Я думалъ, что и Николай Степановичъ здѣсь.

— Нѣтъ; его нѣтъ совсѣмъ дома. Онъ уѣзжаетъ въ концѣ этой недѣли. Все ѣздитъ теперь къ своему начальнику. Лизы вы не видали?

— Нѣтъ, не видалъ.

— Хотите сейчасъ ее выпишемъ?

— Какъ вамъ угодно.

— Вамъ какъ угодно?

Райнеръ слегка покраснѣлъ, а Женни зажгла свѣчку и написала нѣсколько строчекъ къ Лизѣ.

— Няня милая! возьми извозчика прокатайся, — сказала она Абрамовнѣ.

— Куда это, матушка?

— Привези Лизу.

— Это въ вертепъ-то ѣхать!

Райнеръ и Женни засмѣялись.

— Ну, давай, давай съѣзжу, — отвѣчала старуха, черезъ десять минутъ одѣлась и отправилась въ вертепъ.

Въ это время, шагахъ въ тридцати не доходя дома, гдѣ жили Вязмитиновы, на тротуарѣ стоялъ Розановъ съ какимъ-то мѣщаниномъ въ калмыцкомъ тулугѣ.

— Уморительный маскарадъ! — говорилъ Розановъ тулугу.

— Именно *уморительный*, потому что умариваешься, какъ чортъ, — отвѣчалъ тулугъ.

— И долго вы еще здѣсь проиграете?

— Нѣтъ: птица сейчасъ юркнула куда-то сюда. Сейчасъ выпорхнетъ, а дома тамъ его ждутъ.

— Да, что это воръ, что ли?

— Какой воръ! Иностранецъ по политическому дѣлу. Этихъ ловить не трудно.

— А кто такой, если можно?

— Райнеръ какой-то.

— Чортъ его знаетъ, не знаю, — отвѣчалъ Розановъ и, пожавъ руку передѣлаго въ тулугъ, пошелъ не торопясь по улицѣ и скрылся въ воротахъ дома, гдѣ жили Вязмитиновы.

Райнеръ преспокойно сидѣлъ съ Евгеніей Петровной у печки въ ея спальнѣ, и они не замѣтили, какъ къ нимъ черезъ дѣтскую вошелъ Розановъ, поднявшійся по черной лѣстницѣ.

Войдя въ спальню, Розановъ торопливо пожалъ руку хозяйки и, тронувъ слегка за плечо Райнера, поманилъ его за собою въ гостиную.

— Васъ сейчасъ схватить, — сказалъ онъ безъ всякихъ обиняковъ и въ сильномъ волненіи.

— Меня? Кто меня схватить? — спросилъ, блѣднѣя, Райнеръ.

— Известно кто беретъ: полиція. Что вы сдѣлали въ это время, за что васъ могутъ преслѣдовать?

— Я, право, не знаю,—началь-было Райнеръ, но тотчасъ же ударилъ себя въ лобъ и сказалъ:—ахъ, Боже мой! вѣрно эта бумага, которую я писалъ къ полякамъ.

Онъ вкратцѣ разсказалъ известную намъ исторію, по скольку она относилась къ нему.

Подозрѣнія его были вѣрны: его выдавала известная намъ записка, представленная въ полицейскій кварталъ городо-вымъ, поднявшимъ бумажникъ Красина.

— Конечно: спасенія нѣтъ,—произнесъ Розановъ.

— Господи! къ счастью вы такъ неосторожно говорили, что я поневолѣ все слышала,—сказала, входя въ гостиную, Визмитинова.— Говорите, въ чемъ дѣло, можетъ-быть, что-нибудь придумаемъ.

— Нечего придумывать, когда полиція слѣдитъ его по пятамъ и у вашего дома люди.

— Бже мой! Я поѣду, отыщу моего мужа, а вы подождите здѣсь. Я буду просить мужа сдѣлать все, что можно.

Розановъ махнулъ рукой.

— Мужъ вашъ не можетъ ничего сдѣлать, да и не станетъ ничего дѣлать. Кто возьметъ на себя такія хлопоты? Это не о мѣстѣ по службѣ попросить.

Надъ дверью громко раздался звонокъ и, жалбоно звеня, закачался на дрожащей пружинѣ.

Розановъ и Женни остолбенѣли. Райнеръ всталъ совершенно спокойный и поправилъ свои длинные русые волосы.

— Мужъ!—прошептала Женни.

— Полиція!—произнесъ еще тише Розановъ.

— Бѣгите заднимъ ходомъ,—захлебываясь, прошептала Женни и, посадивъ на кушетку ребенка, дернула Райнера за руку въ свою спальню.

— Невозможно!—остановилъ ихъ Розановъ:—тамъ ваши люди: вы его не спасете, а всѣхъ запутааете.

Ребенокъ, оставленный на диванѣ въ пустой гостиной, заплакалъ, а надъ дверью раздался второй звонокъ вдвое громче прежняго.

За дѣтскою послышались шаги горничной.

— Сюда!—кликнула Женни и, схвативъ Райнера за рукавъ, толкнула его за драпировку, закрывавшую ее кровать.

Дѣвушка въ то же мгновеніе пробѣжала черезъ спальню

и отперла дверь, надъ которою въ это мгновеніе раздался уже третій звонокъ.

Розановъ и Женни ни живы, ни мертвы стояли въ спальнѣ.

— Что это ты, матушка, ребенка-то одного бросила? — кропотливо говорила, входя, Абрамовна.

— Такъ, это ты няня?

— Что такое я, сударыня?

— Звонила?

— Да я же, я, вотъ видишь.

— А мы думали... что ты по черной лѣстницѣ войдешь.

— Посъ тамъ теперъ расшибить.

Евгенія Петровна немножко оправилась и взяла ребенка.

— Не поѣхала, — сказала няня, входя и протягивая руки за ребенкомъ.

Женни вспомнила, что няня ѣздила за Лизой.

— Не поѣхала? — переспросила она ее. — Отчего же она не поѣхала?

— А не поѣхала, да вотъ тебѣ и только. Знаешь, чай, у пей сказъ коротокъ.

Женни была какъ на ножкахъ. Мало того, что каждую минуту за драпировку ея спальни могли войти горничная или Абрамовна, тутъ могъ войти мужъ, котораго она ожидала безирестанно.

Женни вертѣлась около опущенныхъ занавѣсокъ драпировки и понимала, что, во-первыхъ, ея караульное положеніе здѣсь неестественно, а, во-вторыхъ, она не знала, что дѣлать, если горничная или няня подойдетъ къ ней и попросить ее дать дорогу за драпировку.

Бѣдная женщина стояла, держа палецъ одной руки у рта, а другою удерживая крѣпко стучавшее сердце.

— Что намъ дѣлать? — шепнула она Розанову.

Тотъ пожалъ плечами и поникнулъ головою въ совершенномъ недоумѣніи.

Вязмитинова неслышными шагами подвинулась за занавѣску, и черезъ полминуты Розановъ услышалъ, какъ щелкнулъ замокъ въ ея ванной. Вслѣдъ затѣмъ Женни выскочила, какъ бы преслѣдуемая страшнымъ привидѣніемъ, схватила со стола свѣчу и побѣжала черезъ заль и гостиную въ кабинетъ мужа. Во все это время она судорожно совала что-то въ карманъ своего платья и, остановясь у мужнинаго письменнаго стола, что-то уронила на полъ.

Розановъ нагнулся и поднялъ ключъ.

Женни сѣла и оперлась обѣими локтями на письменный столъ. Голова ея шаталась отъ тяжелаго дыханія.

— Дайте мнѣ воды,—прошептала она Розанову.

Докторъ налилъ ей стаканъ воды. Она выпила полстакана и вопросительно посмотрѣла на Розанова.

— Возьмите ключъ,—сказалъ онъ ей тихо.

Евгенія Петровна схватила ключъ, дрожащею рукою сунула его въ карманъ и закрыла разрѣзь складкою широкой юбки.

— Что ему могутъ сдѣлать?—начала она очень тихо.

— Могутъ сдѣлать очень дурное. Законъ строгъ въ такихъ случаяхъ.

— Боже мой, и неужто нѣтъ никакой возможности спасти его? Пусть бѣжитъ.

— Какъ, куда и съ чѣмъ?

— За границу.

— А гдѣ паспортъ?

— Пусть скроется пока въ Россіи.

— Все-таки нуженъ видъ, нужны деньги.

— Я найду немного денегъ.

— А видъ?

Женни замолчала.

— Что это за бумага?—спросила она черезъ нѣсколько минутъ, указывая на лежащую на столѣ подорожную мужа.— Это подорожная,—да? Съ нею можно уйти изъ Петербурга,—да? Говорите же: да или нѣтъ?

— Да,—отвѣчалъ Розановъ.

Женни взяла бумагу и, поднявъ ее вверхъ, встала со стула.

— А что будетъ, если эта бумага пропадетъ?—спросила она, глядя тревожными и восторженными глазами на Розанова.— Отвѣчайте мнѣ чистую правду.

— Если эту подорожную у Николая Степановича украдутъ?

— Да, если ее у него украдутъ? Скорѣе, скорѣе отвѣчайте.

— Если украдутъ, то... ему выдадутъ новую, а объ этой объявить въ газетахъ.

— И только? Говорите же: и только!

— И только, если она будетъ украдена и пропадетъ

безъ вѣсти. Въ противномъ случаѣ, если Райперъ съ нею попадется, то... будетъ слѣдствіе.

— Да, но мой мужъ все-таки не будетъ отвѣчать, потому что онъ ничего не знаетъ? Я скажу, что я... сожгла ее, изорвала...

— Да, что до вашего мужа, то онъ вѣдъ всякихъ подозрѣній.

— Держите же ее, берите, берите, — произнесла дрожа Женни.

Она выбѣжала изъ кабинета и черезъ часъ вернулась съ шелковымъ кошелькомъ своей работы.

— Здѣсь что-то около сорока рублей. У меня болѣе ничего нѣтъ,—лепетала она, безпрестанно мѣняясь въ лицѣ.— Берите это все и ступайте домой.

— Что вы такое задумали, Евгенія Петровна! Вспомните, что вы дѣлаете!

— Берите и ступайте, приготовьте ему какое-нибудь платье: онъ ночью будетъ у васъ.

— Какъ вы это сдѣлаете? Подумайте только, у насъ не старая, не прежняя полиція.

— Ахъ, идите Бога ради домой, Дмитрій Петровичъ. Я все обдумала.

Розановъ положилъ въ карманъ дорожную, деньги и отправился домой.

Женни возвратилась въ свою спальню, пожаловалась, что она нехорошо себя чувствуетъ и, затворивъ за собою дверь изъ дѣтской, опустила передъ образикомъ на колѣни.

Темные лики иконъ, озаренные трепетнымъ свѣтомъ лампы, глядѣли на молящуюся строго и спокойно.

Въ дѣтской послышался легкій старческій шагъ няни.

Евгенія Петровна тихо прошла со свѣчою по заднимъ комнатамъ. Въ другой маленькой дѣтской спала крѣпкимъ сномъ мамка, а далѣе, закинувъ голову на спинку дивана, похрапывала полнокровная горничная. Хозяйка тѣмъ же осторожнымъ шагомъ возвратилась въ спальню. Вязмитиновъ еще не возвращался. Въ залѣ стучалъ медленно раскачивающійся маятникъ стѣнныхъ часовъ.

Женни осторожно повернула ключъ въ завѣтной двери.

Райнеръ спокойно сидѣлъ на краю ванны.

— Вы можете уходить нынче ночью,—начала торопливо его спасительница.— Вотъ вамъ свѣча, зеркало и ножницы:

стригите ваши волосы и бороду. Ночью я васъ выпущу черезъ подъездъ. Розановъ будетъ ждать васъ дома. Если услышите шаги, гасите свѣчу.

— Евгения Петровна! зачѣмъ вы...

— Тсъ,—произнесла Женни, и ключъ снова повернулся. Въ одиннадцать часовъ возвратился Вязмитиновъ. Онъ очень удивился, заставъ жену въ постели.

— Я очень нездорова, — отвѣчала дрожа Евгения Петровна.

— Что у тебя, лихорадка?—разспрашивалъ Вязмитиновъ, взявъ ее за трепещущую руку.

— Вѣрно лихорадка: мнѣ нуженъ покой.

— За докторомъ послать?

— Ахъ, мнѣ покой нуженъ, а не докторъ. Дайте же мнѣ покою.

— Ну, Богъ съ тобой, если ты нынче такая нервная.

— Да, я въ самомъ дѣлѣ чувствую себя очень разстроенной.

— Я тоже усталъ, — отвѣчалъ Вязмитиновъ и, поцѣловавъ жену въ лобъ, ушелъ въ свой кабинетъ.

Женни отослала горничную, сказавъ, что она раздѣнется сама.

Наступила ночь; движеніе на улицѣ совершенно стихло; часы въ залѣ ударили два.

Женни осторожно приподнялась съ кровати и, подойдя неслышными шагами къ дверямъ, внимательно слушала: вездѣ было тихо. Изъ кабинета не доходило ни звука, повсюду темнота.

— Пора! — шепнула Женни, отворивъ дверь Райнеровой темницы.

Райнера невозможно было узнать. Ни его прекрасныхъ волосъ, ни усовъ, ни бороды не было и слѣда. Неровно и клочковато, но весьма коротко, онъ снесъ съ своей головы всю растительность.

— Скорѣй и тише,—шепнула Женни.

Райнеръ вышелъ по мягкому ковру за драпировку.

— Вы губите себя,—шепталъ онъ.

— Вы здѣсь губите меня болѣе, чѣмъ когда вы уйдете,—такъ же тихо отвѣчала, оглядываясь, Женни.

— Я никогда не прошу себѣ, что послушался васъ сначала.

— Тсс!—произнесла Женни.

— Для кого и для чего вы такъ рискуете? Боже мой!

— Я такъ хочу... для васъ самихъ... для Лизы. Тсс! — опять произнесла она, держа одною рукою свѣчу, а другою холодную руку Райнера.

Все было тихо, но Женни оставила Райнера и, подойдя къ двери дѣтской, отскочила въ испугъ: свѣча ходенемъ заходила у нея въ рукѣ.

Съ той стороны двери въ эту же щель створа глядѣлъ на нее строгій глазъ Абрамовны.

— Зачѣмъ ты, зачѣмъ ты здѣсь, няня!—нервно шептала, глотая слова, Женни.— Спи, иди спи!

Абрамовна отворила дверь, перешагнула въ спальню и, посмотрѣвъ на Райнера, повертѣла свою головную повязку.

— Я тебѣ расскажу, все расскажу послѣ, — пролепетала Женни и, быстро вскочивъ, взяла Райнера за руку.

— Куда? страмовищица: опомнись! — остановила ее старуха.— Только того и надо, чтобы на лѣстницѣ кто-нибудь встрѣтилъ.

Старуха вырвала у Евгеніи Петровны свѣчу, махнула головою Райнера и тихо вышла съ нимъ изъ залы.

Женни осталась словно окаменѣлая; даже сильно бившееся до сихъ поръ сердце ея не стучало.

Легкій звонъ ключа сказалъ ей, что няня съ Райнеромъ прошли залу и вышли на лѣстницу.

Женни вздрогнула и опять упала на колѣни.

Абрамовна съ Райнеромъ такъ же тихо и неслышно дошли по лѣстницѣ до дверей параднаго подъѣзда. Старуха отперла своимъ ключомъ дверь и, толкнувъ Райнера на улицу, закричала пронзительнымъ старушечьимъ крикомъ: «Если не застанешь нашего доктора, бѣги къ другому, да скорѣе бѣги-то; скорѣе; скажи: очень, молю, худо».

Райнеръ побѣждалъ бѣгомъ.

— Да ты бери извозчика! — крикнула вдогонку старуха и захлопнула дверь.

Райнеръ взявъ перваго извозчика и, вилля на немъ изъ переулка въ переулокъ, благополучно доѣхалъ до розановской квартиры.

Докторъ ждалъ гостя. Онъ не обременялъ его никакими вопросами, помогъ ему хорошенько обриться; на счастье Розановъ умѣлъ стричь, онъ наскоро поправилъ Райнерову

стрижку, далъ ему теплыя сапоги, шапку, немного бѣлья и выпроводилъ на улицу часа за полтора до разсвѣта.

— Боже! за что я всёхъ васъ подвергаю такому риску, я, одинокій, никому ненужный человекъ.—говорилъ Райнеръ.

— Вы уходите скорѣй и подальше: это всего нужнѣе. Теперь ужъ раздумывать нечего,—отвѣчала Розановъ.

Когда послышался щелкъ ключа въ двери, которую заперала няня, Евгенія Петровна вскочила съ колѣнь и осталась передъ поднятыми занавѣсками драпировки.

Старушка вошла въ спальню строгая и суровая.

— Няня!—позвала ее Евгенія Петровна.

— Ну!

Евгенія Петровна заплакала.

— Перестань,—сказала старуха.

— Ты... не думай, няня... Я клянусь тебѣ дѣтьми, отцомъ клянусь, я ничего...

— Ложись, говорю тебѣ. Будто я не знаю, что ли, глупая ты!

Старуха поправила лампаду, вздохнула и пошла въ свою комнату.

Райнера не стало въ Петербургѣ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Землетрясеніе.

Четвертыя сутки Лизѣ не удалось просидѣть въ своей комнатѣ.

Бѣлоярцевъ въ этотъ день не обѣдалъ дома и прискакалъ только въ шесть часовъ. Онъ вошелъ, придавая своему лицу самый встревоженный и озабоченный видъ.

— Всѣ дома?—спросилъ онъ, пробѣгая въ свою комнату.

— Всѣ,—лѣниво отвѣтила Бертольди.

— А Бахарева?—спросилъ онъ, снова выбѣжавъ въ залу.

— Она въ своей комнатѣ.

— Зовите ее скорѣе сюда. У насъ сегодня непременно будетъ полиція.

— Полиція!—воскликнуло разомъ нѣсколько голосовъ.

— Да, да, да, ужь когда я говорю, такъ это такъ. Сегодня ночью арестовали Райнера; квартира его опечатана и всѣ бумаги взяты.

Бертольди бросилась съ этой новостью къ Лизѣ.

— Нужно все сжечь, все, что можетъ указать на наши

сношенія съ Райнеромъ, — говорилъ Бѣлоярцевъ, оглядываясь на всѣ стороны и соображая, что бы такое начать жечь.

Вошла Лиза. Она была блѣдна и едва держалась на ногахъ. Ее словно расшибло извѣстіе объ арестѣ Райнера.

— У васъ, Лизавета Егоровна, могутъ быть письма Райнера?—отнесся къ ней Бѣлоярцевъ.

— Есть,—отвѣчала Лиза.

— Ихъ нужно немедленно уничтожить.

— Все пустыя, обыкновенныя письма: они не имѣютъ никакого политическаго значенія.

— Все-таки ихъ нужно уничтожить: они могутъ служить указаніемъ на его связь съ нами.

Лиза встала и черезъ пять минутъ возвратилась съ пачкою записокъ.

— Сжигайте,—сказала она, положивъ ихъ на столъ.

Бѣлоярцевъ развязалъ пачку и началъ кидать письма по одному въ пылающій камень.

Лиза молча глядѣла на вскипывающую и берущуюся чернымъ пепломъ бумагу. Въ душѣ ея происходила ужасная мука. «Всѣхъ ты разогнала и растеряла», шептало ей чувство, болѣзненно сжимавшее ее сердце.

— У васъ есть еще что-нибудь?—ослѣдомился Бѣлоярцевъ.

— Ничего,—отвѣчала Лиза, и то же чувство опять словно съ хохотомъ давило ее сердце и сказало: — да, у тебя больше нѣтъ ничего.

— Что же еще жечь?—Давайте что жечь? — добивался Бѣлоярцевъ.

Ступина принесла и бросила какія-то два письма, Каверина бросила въ огонь свой давній дневникъ, Прорвичъ—составленный имъ лѣтъ шесть тому назадъ проектъ демократической республики, умѣщавшійся всего на шести писанныхъ страничкахъ. Одна Бертольди нашла у себя очень много матеріала, подлежащаго сожженію. Она безпрестанно подносила Бѣлоярцеву цѣлыя кипы и съ торжествомъ говорила:

— Жгите.

Но, наконецъ, и ее запасъ горючаго вещества изсякъ.

— Давайте же?—спрашивалъ Бѣлоярцевъ.

— Все,—отвѣтила Бертольди.

Бѣлоярцевъ всталъ и пошелъ въ свою комнату. Долго онъ тамъ возился и, наконецъ, вынесъ оттуда огромную

грудю бумагъ. Бросивъ все это въ каминъ, онъ раскопалъ кочережку пепелъ и сказалъ:

— Ну, теперь милости просимъ.

Женщины сидѣли молча въ весьма неприятномъ раздумьѣ; скука была страшная.

— Да, — началъ Бѣлоярцевъ: — пока пожалуютъ дорогие гости, намъ нужно условиться, что говорить. Надо сказать, что всѣ мы родственники, и говорить это въ одно слово. Вы, mademoiselle Бертольди, скажите, что вы жена Прорвича.

— Отлично, — отозвалась Бертольди.

— Вы назовитесь хоть моею женою, — продолжалъ онъ, относясь къ Ступниной: — а вы, Лизавета Кторовна, скажите, что вы моя сестра.

— Къ чему же это?

— Такъ, чтобы замаскировать нашу ассоціацію.

— Это очень плохая маска: никто не повѣритъ такой баснѣ.

— Отчего же-съ?

— Оттого, что если полиція идетъ, такъ ужъ она знаетъ, куда идетъ, и, наконецъ, вмѣстѣ жить и чужимъ людямъ никому не запрещено.

— Ну, вѣдь вотъ то-то и есть, что съ вами не стоворишь. Отчего-жъ я думаю иначе? Вѣрно ужъ я имѣю свои основанія, — заговорилъ Бѣлоярцевъ, позволившій себѣ по поводу экстреннаго случая и съ Лизою бесѣдовать въ своемъ любимомъ тонѣ.

Лиза ничего ему не отвѣтила. Не до него ей было.

— И опять, надо знать, какъ держать себя, — началъ Бѣлоярцевъ. — Надо держать себя съ достоинствомъ, но безъ выходокъ, вѣжливо, надо лавировать.

— А пока они придутъ, надо сидѣть вмѣстѣ или можно ложиться? — спросила Бертольди.

Бѣлоярцевъ походилъ молча и отвѣчалъ, что надо посидѣть.

— Можетъ-быть, разойтись по своимъ комнатамъ?

— Зачѣмъ же по своимъ комнатамъ. Семья развѣ не можетъ сидѣть въ залѣ.

Всѣ просидѣли съ часокъ: скука была нестерпимая и, несмотря на тревожное ожиданіе обыска, иные начали позѣвывать.

— Возьмите какія-нибудь тетради, будто переводите, что ли, или работу возьмите, — командовалъ Бѣлоярцевъ.

— На переводахъ есть райнеровскія поправки,—отозвалась Ступина.

— Что жъ такое, что поправки: никто не станетъ листовать валихъ тетрадей.

Бертольди принесла двѣ тетради, изъ которыхъ одну положила передъ собою, а другую передъ Ступиной. Каверина вышла къ своему ребенку, который былъ очень боленъ.

Въ залѣ снова водворилось скучное молчаніе. Бѣлоярцевъ прохаживался, поглядывалъ на часы и, остановясь у одного окна, вдругъ воскликнулъ:

— Ну да, да, да: вотъ у насъ всегда такъ! О поправкахъ на тетрадяхъ помнимъ, а вотъ такіе документы разбрасываемъ по окнамъ!

Онъ поднесъ къ столу пустой конвертъ, надписанный когда-то Райнеромъ «Ступиной въ квартирѣ Бѣлоярцева».

— Еще и «въ квартирѣ Бѣлоярцева», — произнесъ онъ съ упрекомъ, сожигая на свѣчѣ конвертъ.

— Это пустяки,—проговорила Ступина.

— Пустяки-съ! Я только не знаю, отчего вы не замѣчаете, что я не пренебрегаю никакими пустяками?

— Вы особенный человѣкъ,—отвѣчала та съ легкой ироніей. Вышла опять скучнѣйшая пауза.

— Который часъ?—спросила Ступина.

— Скоро десять.

— Не идти ли спать со скуки?

— Какой же сонъ! Помилуйте, Анна Львовна, ну, какой теперь сонъ въ десять часовъ!

— Да чего жъ напрасно сидѣть. Ничего не будетъ.

— Ну да; вамъ больше знать, — полуирезрительно протянулъ Бѣлоярцевъ.

Въ это мгновеніе на дворѣ стукнула калитка, потомъ растворилась дверь, ведущая со двора на лѣстницу, и по кирпичнымъ ступенямъ раздался тяжелый топотъ, кашель и голоса.

— А что-съ!—воскликнулъ, блѣднѣя, Бѣлоярцевъ, злобно глянувъ на Ступину.

Блѣдность разомъ покрыла всѣ лица. Изъ коридора показалась блѣдная же Каверина, а изъ-за нея спокойное широкое лицо Мары.

Шаги и говоръ раздался у самой лѣстницы и, наконецъ, дрогнулъ звонокъ.

Бѣлярцевъ присѣлъ на окно. Зала представляла неподвижную живую картину ужаса.

Послышался второй звонокъ.

— Ну, отпирайте, вѣдь не отсидимся ужь,—сказала Каверина.

Бертольди пошла въ переднюю, въ темнотѣ перекрестилась и повернула ключъ.

Тяжелый роковой топотъ раздался въ темной передней, и на порогъ залы выползла небольшая круглая фигурка въ крытомъ сукномъ овчинномъ тулупѣ, воротникъ котораго былъ завернуть за уши.

Фигура приподняла— было ко лбу руку съ сложенными перстами, но, не находя по угламъ ни одного образа, опустила ее снова и, слегка поклонившись, проговорила:

— Наме почтенье-сь.

Граждане переглянулись.

— Я, господа, къ вашей милости,—начала фигура.

Стушина подошла со свѣчою къ тулупу и увидала, что за нимъ стоитъ мужъ Маровъ, да держащаяся за дверь Бертольди и болѣе никого.

— Я, какъ вамъ угодно, только я не то, что изъ капризу какого-нибудь, а я рѣшительно вамъ говорю, что, имѣя себѣ капиталъ совершенно, можно сказать, что самый незначительный, то я болѣе ожидать не могу-сь. Но мелочной торговлѣ, это нельзя-сь. Сорокъ рублей тоже для нашего брата въ оборотѣ свой расчетъ имѣютъ.

Стушина не выдержала и залилась самымъ веселымъ смѣхомъ.

— Отчего же я не смѣюсь?—тономъ слабого упрека остановилъ ее Бѣлярцевъ.

Упрекъ этотъ, при общей обстановкѣ картины, такъ мало отвѣчавшей совершенно другимъ ожиданьямъ, заставилъ расхохотаться не только всѣхъ женщинъ, но даже Прорвича. Не смѣялись только Лиза, лавочникъ да Бѣлярцевъ.

— Я вѣдь это по чести только пришелъ,—началъ лавочникъ, обиженный непонятнымъ для него смѣхомъ:—а то я съ вами, милостивый вы государь, и совѣмъ ипаче завтра сдѣлаюсь,—отнесся онъ къ Бѣлярцеву.

— Да что же тутъ я? Мы все брали и заплатимъ. Чудной ты человекъ, Аванасій Ивановичъ! Брали и заплатимъ.

— Нѣтъ, это чудакъ, ваше благородіе, баранъ, что до

Петрова дня матку сосеть, а мы здѣсь въ своемъ правилѣ. На насъ также не ждуть. Моя рѣчь вся вотъ-она: денежки на столъ и душа на просторъ, а то и завтра и въ фарталь сведу.

Ступина, глянувъ на Бѣлоярцева, опять прыснула несудержимымъ смѣхомъ.

Это окончательно взбѣсило лавочника.

— А если и мамзели въ томъ же расчетѣ, такъ мы тоже попросимъ туда и мамзелей, — проговорилъ онъ, озирая женщинъ.

При этихъ словахъ Лиза сорвалась съ мѣста и, вынеся изъ своей комнаты пятидесяти-рублевую ассигнацію, сказала:

— Вотъ тебѣ деньги; принеси завтра сдачу и счетъ.

Лавочникъ ушелъ и за нимъ загромыхалъ своими бахилами Мартемьянъ Ивановъ.

Бѣлоярцевъ былъ совершенно разбитъ и тупо ждалъ, когда умолкнетъ дружный, истерическій хохотъ женщинъ.

— Ну-съ, господинъ Бѣлоярцевъ! — взялась за него Лиза. — До чего вы насъ довели?

Бѣлоярцевъ молчалъ.

— Завтра мнѣ мой счетъ чтобъ былъ готовъ: я ни минуты не хочу оставаться въ этомъ смѣшномъ и глупомъ домѣ.

Лиза вышла; за нею, посмѣиваясь, потянули и другія. Въ залѣ остались только Марфа и Бертольди.

— А вамъ очень нужно было отпирать! — накинулся Бѣлоярцевъ на послѣднюю. — Отчего жъ я не летѣлъ, какъ вы, сломя голову?

— Это, я думаю, моя обязанность, — нѣсколько обиженно отозвалась Бертольди.

— И твой мужъ, Марфа, тоже хорошъ, — продолжалъ Бѣлоярцевъ: — лѣзеть, какъ будто цѣлый полкъ стучить.

— Батюшка мой, да у него, у моего мужа, сапожищи-то вѣдь демоны, — оправдывала Марфа супруга.

— Демоны! демоны! отчего же...

Бѣлоярцевъ по привычкѣ хотѣлъ сказать: «отчего же у меня сапоги не демоны», но спохватился и уже, не ставя себя образцомъ, буркнулъ только:

— Пусть другіе сдѣлаютъ. Нельзя же такъ... тревожить весь домъ своими демонами.

— А Кавериной ребенокъ очень плохъ,—зашель сказать ему Прорвичъ.

— Ахъ, ты Боже мой!—воскликнулъ Бѣлоярцевъ, сорвавъ съ себя галстукъ.— Начнется еще теперь это бабье вытье; похороны; пятьсотъ гробовъ наставить въ залъ! Ну, что жь это за пытка такая!

Онъ побѣгалъ по комнатѣ и, остановясь передъ Прорвичемъ, озадаченнымъ его грубою выходкою, спросилъ, выставляя впередъ руки:

— Ну, скажите же мнѣ, пожалуйста, ну, гдѣ же? гдѣ она ходитъ, эта полиція? Когда же всему этому будетъ послѣдній конецъ?

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Въ Бѣловѣжъ.

Заловѣднѣй заказникъ, занимающій огромное пространство въ гродненской губерніи, извѣстенъ подъ именемъ Бѣловѣжской пущи. Этотъ безконечный лѣсъ съ незапамятныхъ поръ служилъ любимымъ и лучшимъ мѣстомъ королевскихъ охотъ; въ немъ водится туръ или зубръ и онъ воспѣтъ Мицкевичемъ въ одномъ изъ самыхъ безсмертныхъ его твореній. Теперь въ густой пущѣ давно уже нѣтъ и слѣда той бѣлой башни, отъ которой она, по догадкамъ польскихъ историковъ, получила свое названіе, но съ мыслью объ этомъ лѣсѣ у каждаго литвина и поляка, у каждаго человека, кто когда-нибудь бродилъ по его дебрямъ или плелся по узенькимъ дорожкамъ, насыпаннымъ въ его топкихъ внутреннихъ болотахъ, связаны самыя грандіозныя воспоминанія. Видѣвъ одинъ разъ пущу, цѣлую жизнь нельзя забыть того тихаго, но обыкновенно глубокаго впечатлѣнія, которое она производитъ на теряющагося въ ней человека. Непоглядныя чащи, засѣвнія на необъятныхъ пространствахъ, обитаемыя зубрами, кабанами, ланями и множествомъ разнаго другого звѣря, всегда молчаливы и серьезны. Углубляясь въ нихъ, невольно вспоминаешь исчезнушіе лѣса тевтоновъ, описанные съ неподражаемою прелестью у Тацита. Самая большая изъ проложенныхъ черезъ пущу дорожекъ прима, но узка, и окружающія ее деревья, если смотрѣть впередъ на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, сливаются въ одну темную массу. Слѣдуя этой дорожкой, человекъ видитъ только землю подъ ногами, двѣ

лиственныя стѣны и узенькую полоску свѣтлаго неба сверху. Идешь по этой дорожкѣ, какъ по дну какого-то глубокаго рва или по безконечной могилѣ. Кругомъ тишина, изрѣдка только нарушаемая шорохомъ кустовъ, раздвигаемыхъ торопливою ланью или трескомъ валежника, хрустящаго подъ тяжелымъ копытомъ рогатаго тура. На каждомъ шагу, въ каждомъ звукѣ, въ каждомъ легкомъ движеніи вѣтра по вершинамъ задумчиваго лѣса вездѣ чувствуется сила цѣлостной природы, гордой своею независимостью отъ чловѣка. Непоглядныя чащи мѣстами пересѣкаются болотистыми потовинами, заросшими лозою. Черезъ эти болота тянутся колеблющіяся, узенькія насыпныя дорожки, на которыхъ очень трудно разѣхаться двумя встрѣчнымъ литовскимъ фурманкамъ. Шагъ въ сторону съ этой дорожки невозможенъ: болото съ неимоверною быстротою обойметъ своею холодною грязью и затянетъ. Крестьяне нерѣдко видали въ этихъ болотахъ торчащія изъ трясины рога тура или окоченѣвшую головку замерзшей въ страданіяхъ данельки. Деревень въ пуцѣ очень немного и тѣ, кромѣ самаго селенія Бѣловѣжи, раскинуты по окраинамъ, а средина дебри совершенно пуста. Только въ нѣсколькихъ пунктахъ можно наткнуться на одинокую хату одинокаго стражника, а то все звѣрь да дерево. Пуца представляла очень много удобствъ для возстанія. Кромѣ того, что отрядамъ инсургентовъ въ ней можно было формироваться и скрываться отъ преслѣдованія сильнѣйшихъ отрядовъ русскаго войска, въ пуцѣ есть поляны, на которыхъ стоятъ стога сѣна, заготавлиаемаго для зубровъ на все время суровой зимы; здѣсь по лѣсу пробѣгаетъ нѣсколько ручьевъ и рѣчекъ и, наконецъ, лѣсъ полонъ смѣлой и ненапуганной крупной звѣрины, которою всегда можно пропитать очель большую партію.

Послѣднее возстаніе отлично понимало всѣ выгоды, которыя ему представляла собою непроходимая дебрь, съ своими полянами, заготовленнымъ сѣномъ и звѣриною.

Пуца одно время была пріютомъ для многихъ сформировавшихся шаекъ и въ нее старались прорываться сформированные отряды, нуждавшіеся въ роздыхѣ или укомплектованіи.

Поздними осенними сумерками холоднаго литовскаго дня одинъ изъ такихъ отрядовъ, состоявшій изъ тридцати хо-

рошо вооруженныхъ всадниковъ, осторожно шель узенькою болотною дорожкой по нущѣ, на сѣверъ отъ Бѣловѣжи. Отрядъ этотъ двигался довольно рѣдкою цѣпью по два въ рядъ, наблюдая притомъ глубочайшую тишину. Не только не брячала ни одна сабля, но даже не пырхала ни одна усталая лошадь, и, несмотря на все это, молодой предводитель отряда все-таки безпрестанно останавливался, строго произносилъ «тс!» и съ зайчьей осторожностью то прислушивался къ трепетному шопоту слегка колеблющихся вершинъ, то старался, кажется, пронизать своимъ взглядомъ чащу, окружающую трясну.

Только перейдя болото и видя, что послѣдняя пара его отряда сошла съ дорожки, кое-какъ насыпанной черезъ топкое болото, онъ остановилъ лошадь, снялъ темно-малиновую конфедератку съ бѣлой опушкой и, обернувшись къ отряду, перекрестился.

— Ну, вынесъ Богъ, — сказалъ молодой человекъ, стараясь говорить какъ можно тише. — Будь здѣсь сиританы десять москалей, мы бы всѣ, какъ куры, пропали въ этомъ болотѣ.

Отрядъ тоже снялъ шапки, и всѣ пажбно перекрестились: старикъ трубачъ, ѣхавшій возлѣ предводителя, сложилъ на груди свои костлявыя руки и, склонивъ къ нимъ сѣдую голову, началъ шептать нацержи.

— Огеръ, давай сигналъ! — такъ же тихо произнесъ предводитель, не своди глазъ съ той стороны пройденнаго болота.

Молодой мальчикъ, стоявшій на первомъ ряду, обернулся на сѣдлѣ и, опершись рукою о кругъ своей лошади, пронзительно вскрикнулъ лѣсною иволгой.

Нѣсколько повстанцевъ повернулись на своихъ сѣдлахъ и стали смотрѣть на ту сторону болота.

Въ густой чашѣ того берега простоналъ пугачъ.

— Идутъ, — сказалъ молодой предводитель и осторожно тронулся впередъ съ своимъ отрядомъ.

На болотной дорожкѣ съ той стороны показался новый отрядъ человекъ въ шестьдесятъ. Въ такой же точно тишинѣ этотъ второй отрядъ благополучно перешель болото и соединился на противоположной сторонѣ съ первымъ.

Какъ только передняя пара задняго отряда догнала послѣднюю лошадь перваго, человекъ, ѣхавшій во главѣ этого

второго отряда, обскакать нѣсколько паръ и, догнавъ передняго предводителя, поѣхалъ съ нимъ рядомъ.

Новый предводитель былъ гораздо старше того, который перешелъ болото съ передовымъ отрядомъ, и принадлежалъ несомнѣнно къ чистой польской расѣ, между тѣмъ какъ первый ничуть не напоминалъ собою сарматскаго типа и немногія сказанныя имъ польскія слова произносилъ не чисто. По службѣ революціонному правительству, предводитель задней партіи тоже долженъ былъ имѣть несомнѣнное старшинство надъ первымъ. Когда они поровнялись, пожилой полякъ, не удостоивая молодого человѣка своего взгляда, тихо проворчалъ изъ-подъ нависшихъ усовъ:

— Я очень благодарю пана Кулю; переходъ сдѣланъ осторожно.

Молодой человѣкъ, котораго называли Кулею, приложилъ руку къ околышу конфедератки и, осадивъ на одинъ шагъ своего коня, поѣхалъ, уступая старшему на полъ-лошади переда.

Отрядъ продолжалъ идти въ могильной тишинѣ. На дворѣ совсѣмъ смеркалось.

Пройдя такимъ образомъ еще около половины польской мили, повстанцы достигли довольно большой поляны, на которой сквозь сѣрый сумракъ можно было отличить два высокіе и длинные стога сѣна.

— Ну, прошу ротмистра освѣдомиться, — произнесъ старшій.

Куля позвалъ съ собою стараго трубача да двухъ рядовыхъ повстанцевъ и тихо выѣхалъ съ ними на поляну, правя прямо къ чернѣвшимся стогамъ.

Отрядъ остался на дорогѣ.

Куля впереди трехъ человѣкъ уже почти доѣхалъ до одного стога, какъ его молодая лошадь вдругъ вздрогнула, поднялась на дыбы и бросилась въ сторону.

Куля осадилъ коня на первыхъ же шагахъ и, давъ ему крѣпкія шпоры, заставилъ карьеромъ броситься къ стогу. Добрая лошадь повиновалась, но на полукурсѣ снова вдругъ неожиданно метнулась и смяла трубачеву лошадь.

— Вѣрно старикъ стоитъ у сѣна, — проговорилъ шопотомъ трубачъ. — Не муштруйте, панъ ротмистръ, напрасно коня: непривычный конь не пойдетъ на старика.

— А, можетъ-быть, это засада!

— Нѣтъ, не засада. Пусть панъ ротмистръ мнѣ вѣрить, я тутъ взросъ. Это старикъ гдѣ-нибудь стоитъ подъ стогомъ.

Въ эту минуту облачное небо какъ бы нарочно прорвалось въ одномъ мѣстѣ, и блѣдная луна, глянувъ въ эту прорѣху, освѣтила пожелтѣвшую поляну, стоящія на ней два стога и передъ однимъ изъ нихъ черную, чудовищную фигуру стараго зубра. Громадное животное, отогнанное стадомъ за преклонность лѣтъ и тяжесть своего тѣла, очевидно, ужъ было очень старо и искало покоя у готоваго сѣна. Нужно полагать, что зубръ уже пахълся и отдыхалъ. Онъ стоялъ задомъ къ стогу и, слегка покачивая своими необъятными рогами, смотрѣлъ прямо на подѣзжавшихъ къ нему всадниковъ.

— Панъ ротмистръ видитъ теперь, что это старикъ! Вотъ былъ бы добрый ужинъ намъ и добрая полендвица офицерамъ.

Куля качнулъ отрицательно головою и, повернувъ лошадь въ объѣздъ стогу, направился къ пересѣкавшей поляну узкой лѣсной косѣ, за которою днемъ довольно ясно можно было видѣть, сквозь черные пни деревь, небольшую хатку стражника.

Быкъ тоже тронулся съ мѣста и лѣнливо, престарѣвшимся Собакевичемъ, зашагалъ съ поляны въ чашу.

— Не ужинъ это стоялъ намъ, а гробъ. Старикъ инкогда не попадается даромъ,— съ суетвѣрнымъ страхомъ прошепталъ здоровый рыжій повстанецъ.

— Ври больше, — отвѣчалъ, также шепотомъ, старый трубачъ.

У перелѣска, отдѣлявшаго хатку отъ поляны, Куля соскочилъ съ сѣдла и, обратясь къ трубачу, сказалъ:

— Пойдемъ, Бачинскій, со мною.

— Въ сей моментъ, панъ ротмистръ, — отвѣчалъ старикъ, соскочивъ съ лошади и кидая поводья рыжему повстанцу.

Куля и Бачинскій пошли осторожно пѣшкомъ.

— Темно въ окнахъ,—прошепталъ Куля.

— Нарочно чортовъ сынъ заховался,—отвѣчалъ Бачинскій.—А здѣсь самое первое мѣсто для насъ. Тамъ, сзади, проѣхали одно болото, тутъ вотъ, за хатою, съ полверсты всего — другое, а ужъ тутъ сирава идетъ такая трясина,

что не то что москаль, а и самъ дьяволъ черезъ нее не переберется.

Витеръ расхаживался съ каждою минутою и бросалъ въ глаза что-то мелкое и холодное, не то снѣгъ, не то ледяную мглу.

— Поганая погода поднимается,—ворчалъ Бачинскій.

Съ старой плакучей березы сорвался филинъ и тяжело замахалъ своими крыльями. Сначала онъ низко потянулъ по полянѣ, дѣлаясь о сухія бурьялы чернойбыла и полыни, а потомъ поднялся и, сѣвши наверху стога, захохоталъ своимъ глухимъ и неприятнымъ хохотомъ.

— Проклятая птица!—произнесъ Бачинскій.

— Она мышей ищетъ: за что ты ее клянешь.

— О! чортъ съ нею, панъ ротмистръ: пропала бы она совсѣмъ. Погано ее слушать.

Бачинскій нагнулся и шопотомъ прочелъ:

— Pod twoje obrone cieiekamy.

Тѣмъ временемъ они перешли перелѣсокъ и остановились.

Старикъ тихо подошелъ къ темнымъ окнамъ хаты, присѣлъ на завалинку и сталъ вслушиваться.

— Что?—спросилъ его шопотомъ Куля.

— Ничего... все тихо... Кто-то какъ будто стонеть.

— Слушай хорошенько.

— Стонеть кто-то, — повторилъ Бачинскій, подержавъ ухо у тонкой стѣны хатки.

— Ну, стучи ужъ.

Старикъ слегка постучалъ въ стекло: отвѣта не было; онъ постучалъ еще и еще разъ — изъ хаты не было ни звука, ни оклика; даже стоны стихли.

— Вотъ и дѣлай съ ними что знаешь, — произнесъ Бачинскій. — Смотрите, панъ ротмистръ, здѣсь, а я пролѣзу подъ застрѣху и отворю двери.

Старикъ сбросилъ чемарку и ловко заработалъ руками, взбираясь на заборчикъ. На дворѣ залаяла собачонка и, выскочивъ въ подворотню наружу, сѣла противъ воротъ и жалостно взывала.

Старикъ, взобравшійся въ эту минуту подъ самый гребень застрѣхи, съ ожесточеніемъ плюнулъ на выскочившаго пса, послалъ ему сто тысячъ дьяволовъ и однимъ прыжкомъ очутился внутри стражникава дворика.

Всѣдъ затѣмъ, небольшія ворота тихо растворились, и

Куля ушелъ за Бачинскимъ. Оставленные ими два всадника, съ четырьмя лошадьми, въ это же мгновеніе приблизились и остановились подъ деревьями, наблюдая ворота и хату.

На лай собачонки, которая продолжала завывать, глядя на отворенныя ворота дворика, въ сѣнныхъ дверяхъ щелкнула деревянная задвижка и на порогѣ показался высокій худой мужикъ въ одномъ бѣльѣ.

— Ты стражникъ?—спросилъ его Бачинскій, заходя впередь своего ротмистра.

— Охъ! стражникъ, пане, стражникъ, — отвѣчалъ, вздыхая, крестьянинъ.

— У тебя были нынче повстанцы?

— Охъ! были же, были, пане.

— Что жъ они оставили намъ?

— Ой, не знаю, пане: смилуйтесь надо мною, ничего я не знаю.

— А москалей тутъ не чутно?

— Не знаю, пане; — да нѣтъ, не чутно, здѣсь москалей не чутно.

— Кто жъ это у тебя стонеть?

— А вотъ ваши, что прошли, такъ двухъ бидаковъ у меня сегодня покинули: умирають совсѣмъ несчастливые. Говорять, потычка у нихъ была гдѣ-то съ москалями: раны да разболѣлись, заслабѣли.

— Ну, веди насъ въ хату и топн печь.

— Идите, пане, дѣлайте, что хотите: вся ваша тутъ будетъ воля.

Куля подозвалъ двухъ повстанцевъ, стоявшихъ съ лошадьми, и, отдавъ одному изъ нихъ черное чугунное кольцо съ своей руки, послалъ его на дорогу, къ командиру отряда, а самъ сѣлъ на завалинку у хатки и, снявъ фуражку, задумчиво глядѣлъ на низко ползущія темныя облака.

Въ черныхъ оконцахъ хаты блеснулъ слабый красноватый свѣтъ и черезъ минуту на порогѣ сѣней показался старый трубачъ.

Опершись ладонями о притолки двери, онъ посмотрѣлъ на небо и сказалъ:

— Ночью будетъ снѣгъ, а въ хатѣ почевать никакъ невозможно.

— Отчего? — спросилъ Куля.

— Смрадъ нестерпимый: тамъ двое умирають.

Куля молча поднялся и вошелъ черезъ крошечныя сѣни въ тѣсную хату стражника.

Маленькая хатка, до половины занятая безобразною печью, была освѣщена лучиной, которая сильно дымила. Въ избѣ было очень душно и стоялъ сильный запахъ гнѣющаго трупа.

На лавкахъ, голова къ головѣ, лежали двѣ человѣческія фигуры, закрытыя сѣрыми суконными свитками. Куля взялъ со свѣтца горящую лучину и, подойдя съ нею къ одному изъ раненыхъ, осторожно приподнял свитку, закрывающую его лицо.

Сильный гангренозный запахъ ошпарилъ Кулю и заставилъ опустить приподнятую полу. Онъ постоялъ и, сдѣлавъ усиліе подавить поднимавшійся у него позывъ къ рвотѣ, зажавъ платкомъ носъ, опять приподнял отъ лица раненаго уголокъ свитки.

Глазамъ Кули представилась черная африканская голова, съ кучерявою шерстью вмѣсто волосъ. Негръ лежалъ широко раскрывъ остолбенѣвшіе глаза. Онъ тяжело дышалъ ускореннымъ смраднымъ дыханіемъ и шевелилъ пурпурнымъ языкомъ между запекшимися губами.

Куля оглянулся, взялъ ковшъ, висѣвшій на деревянномъ подрѣ, зачерпнулъ воды и полилъ нѣсколько капель въ распаленныя уста негра. Больной проглотилъ и на нѣсколько мгновеній сталъ дышать тише.

Куля подошелъ къ другому страдальцу. Тотъ лежалъ съ открытою головою и, казалось, не дышалъ вовсе.

Куля поднялъ со лба больного волосы, упавшіе на его лицо, и приложилъ свою руку къ его головѣ. Голова была тепла.

Куля нагнулся къ лицу больного, взглянулъ на него и въ ужасѣ вскрикнулъ:

— Боже мой! Помада!

Повстанецъ открылъ глаза, повелъ ими вокругъ и, оставивъ на Кулѣ, хотѣлъ приподняться, но тотчасъ же застоналъ и снова упалъ на дерюжное изголовье.

— Это вы, Помада? — повторилъ по-русски Куля.

Больной посмотрѣлъ долгимъ пристальнымъ взглядомъ на

Кулю и, вмѣсто отвѣта, тихимъ равнодушнымъ голосомъ произнесъ:

— Райнеръ!

Кто-то забарабанилъ пальцами по стеклу и крикнулъ:— «панъ Куля!»

— Иду,—отозвался Райнеръ и, сжавъ полумертвую руку Помады, засунулъ лучину въ свѣтецъ и торопливо выскочилъ изъ хаты.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Что предсказывали старый зубръ, филинь и собака.

Не густыми, мягкими хлопьями, а рѣденькими, ледянистыми звѣздочками уже третій часъ падалъ снѣгъ и завывала буря, шумя вершинами качавшихся деревъ и приподнимая огромные клоки сѣна со стоговъ, около которыхъ расположился ночлегомъ лагерь встрѣченныхъ нами инсургентовъ.

Скверная была ночь, способная не одного человѣка заставить вспомнить о тепломъ углѣ, за жарко-истопленную домашнюю печью.

Измученныя лошади не пользовались отпущенными имъ сѣдельными подпругами. Рѣдкая, какъ бы нехотя, дернетъ клочокъ сѣна изъ стога, къ которому ихъ поставили, лѣниво повернетъ два-три раза челюстями и съ непроглоченнымъ сѣномъ во рту начинаетъ дрожать и жаться къ опустившей голову и такъ же дрожащей сосѣдкѣ. Люди проводятъ ночь не веселѣе своихъ коней. Укутавшись въ свиты и раскатанныя изъ ремней полоны, они жмутся и дрожатъ подъ стогомъ, не выпуская намотанныхъ на локти чембуровъ, потому что лошадей привязать у стоговъ не къ чему, а по опушкѣ поляны разбиваться опасно. Холодъ проникаетъ всюду и заставляетъ дрожать усталую партію, которая вдобавокъ, ожидая посланныхъ за пищею квартирьеровъ, улеглась не ѣвши и, боясь преслѣдованія, не смѣетъ развести большого огня, у котораго можно бы согрѣться и обсушиться. Сонъ, которымъ забылись нѣкоторые изъ людей этого отряда, скорѣе похожъ на ооченѣніе, чѣмъ на сонъ, способный обновить истощенныя силы. По опушкѣ поляны въ нѣсколькихъ мѣстахъ, также коченія и корчась, трясутся оставленные сигнальщики; около стога, служащаго центральнымъ мѣстомъ расположенія отряда,

тихо бродить четверо часовыхъ, уткнувъ подбородки въ поднятые воротники своихъ свитъ и придерживая локтями обледенѣвшіе карабины. Въ одномъ мѣстѣ, подрывшись подъ стѣнку стога, два человѣка, стуча зубъ-о-зубъ, изрѣдка шепотомъ обмѣниваются другъ съ другомъ отрывочными фразами.

— Хоть бы сухарь, — говоритъ одинъ изъ нихъ, молодой мальчикъ съ едва пробивающимся пушкомъ на губахъ.

— Жди, Стась, жди, — отвѣчаетъ другой, болѣе мужественный голосъ, и опять оба молчатъ.

— А если ихъ москали поймають? — опять шепчетъ ребенокъ, запахиваясь попоной. — Я не могу больше терпѣть, Томашъ, я очень голоденъ... я умру съ голоду.

— Ты знаешь, — опять шепчетъ тотъ же слабый голосъ: — я видѣлъ сегодня мать: задремать на сѣдлѣ и увидѣлъ.

— Мать — наша отчизна, — отвѣчаетъ другой голосъ.

— Томашъ! — опять зоветъ шепотомъ ребенокъ: — знаешь, что я хочу тебѣ сказать: я вѣдь пропаду тутъ. У меня силы нѣтъ, Томашъ.

Томашъ ничего не отвѣчалъ.

— Я уйду, Томашъ, — совсѣмъ почти беззвучно шепнулъ мальчикъ и задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Томашъ опять ничего не отвѣтилъ.

Въ другомъ мѣстѣ, въ глубокой впадинѣ стога, укрывшись теплыми бараными пальто, лежали другіе два человѣка и говорили между собою по-французски. По ихъ разговору можно было разобрать, что одинъ изъ нихъ чистый французъ, другой итальянецъ изъ Неаполя или изъ другихъ мѣстъ южной Италіи.

— У меня въ сумкѣ есть еще маленький кусокъ сыру хотите — мы подѣлимся? — спрашивалъ французъ.

— Оставьте его; это не годится, когда наши люди голодаютъ и мерзнутъ.

— Что вы дѣлали въ такихъ положеніяхъ въ Италіи?

— У насъ никогда не было такихъ положеній, — отвѣчалъ итальянецъ.

— Боже, какая природа, какіе люди и какіе порядки! — проговорилъ, увертываясь, голодный французъ.

Около стражнической хаты стояли два часовыхъ. Пред-

водитель отряда, напившись теплаго чая съ ромомъ, ушелъ въ небольшой сѣнной сарайчикъ стражника и спалъ тамъ, укрывшись теплою медвѣжьей шубой съ длиннѣйшими рукавами. У дверей этого сарайчика, сидя на корточкахъ, дремалъ рядовой повстанецъ. Въ сѣняхъ, за вытасненнымъ изъ избы столикомъ, сидѣлъ извѣстный намъ старый трубочъ и пилъ изъ мѣднаго чайника кинитокъ, взогрѣтый на остаткахъ спирта командирскаго чая; въ углу, на кучѣ мелкихъ сосновыхъ вѣтвей, спали два повстанца, состоящіе на ординарцахъ у командира отряда, а задомъ къ нимъ, съ стеариновымъ огарочкомъ въ рукахъ, дрожа и безпрестанно озираясь, стоялъ самъ стражникъ.

— Ну, а сколько было фурманокъ? — спрашивалъ трубочъ стражника.

— Двѣ, пане.

— Нѣтъ, четыре.

— Ей-Богу, пане, двѣ видѣлъ.

— А по скольку коней?

— По парѣ, пане, — парныя, пане, были фурманки.

— И сколько было рудыхъ коней?

— Два сдается.

— А вотъ же брешешь — одинъ.

— Можетъ, пане, и одинъ. Мряка была; кони были мокрые. Можетъ, и точно такъ говоритъ ваша милость, рудый конь одинъ былъ.

— И общали они привезть провіантъ къ вечеру?

— О! Богъ же меня убей, если не общали.

— И бумаги никакой не оставляли нашему полковнику?

— Боже мой! да что жъ вы меня пытаете, пане?

— Во ты брешешь.

— А чтобъ мои очи повывлазали, если мнѣ брехать охота.

Старикъ опрокинулъ пустой чайникъ, разбудилъ спавшихъ на хворостѣ повстанцевъ и, наказавъ имъ строго смотрѣть за стражникомъ, улегся на хворостъ, читая вполголоса католическую молитву.

— Какъ это нашъ ротмистръ въ этой смердячей хатѣ пишеть? — сказалъ онъ, ни къ кому не относясь и уворачиваясь въ свиту.

— Тепло, да смрадъ тамъ великій, — отозвался въ темнотѣ стражникъ.

Въ теплой хатѣ съ великимъ смрадомъ на одной лавкѣ

былъ прилѣпленъ стеариновый огарокъ и лежали двѣ за-
конвертованныя бумаги, которыя Райнеръ, стоя на коль-
няхъ у лавки, приготовилъ по приказанію своего отряд-
наго командира.

Окончивъ спѣшно эту работу, Райнеръ всталъ и, подойдя
тихонько къ Помадѣ, сѣлъ возлѣ него на маленькомъ дере-
вянномъ обрубкѣ.

— Какъ вы себя чувствуете, Помада?—спросилъ онъ съ
участіемъ.

Больной тяжело вздохнулъ и не отвѣтилъ ни слова.

Райнеръ посидѣлъ молча и спросилъ:

— Не надо ли васъ перевязать?

— Не надо, — тихо процѣдилъ сквозь зубы Помада и
попробовалъ приподняться на локоть, но тотчасъ же заку-
силъ губы и остался въ прежнемъ положеніи.— Не могу,—
сказалъ онъ, и черезъ двѣ минуты съ усиленіемъ добавилъ:—
вотъ гдѣ мы встрѣтились съ вами, Райнеръ! Ну, я при
васъ умру.

— Пойдите, мы возьмемъ васъ.

— Нѣтъ, тутъ вотъ она... (Помада потрогалъ себя пра-
вою рукою за грудь)... я ее чувствую... Смерть чувствую,—
произнесъ онъ съ очевидной усталостью.

— Вотъ,—заговорилъ опять словоохотливо Помада:—три
раны вдругъ получилъ, я непременно долженъ умереть, а
пятый день не умираю.

— Не говорите, это вамъ вредно,—остановилъ его Рай-
неръ.

— Нѣтъ... мнѣ все равно. У меня здѣсь пуля подѣ лѣ-
вой... подѣ лѣвымъ плечомъ... я умру скоро... Да, черезъ
нѣсколько часовъ я, наконецъ, умру.

— Какъ вы сюда попали?

— Я самъ просилъ, чтобы меня оставили... тряско ѣхать...
хуже. Все равно, гдѣ ни умереть. Этотъ негръ, — у него
большая рана въ паху... онъ тоже не могъ ѣхать...

— Отъ него гангренозный запахъ.

— Не слышу... Ѹ меня ужъ нѣтъ ни вкуса, ни обоня-
нія... Я радъ, что я...

— Вы радуетесь близкой смерти?

Помада сдѣлалъ головою легкій знакъ согласія.

— Мнѣ давно надо было жить,—началъ онъ послѣ долгой
паузы.—Я пустой человѣкъ... ничего не умѣлъ, не пони-

маль, не нашель у людей ничего. Да, я... моя мать была полька... А вы... Я недавно слышалъ, что вы въ инсуррекции... Не вѣрилъ... Думалъ, зачѣмъ вамъ въ возстаніе? Да... Ну, а вотъ и правда... вотъ вы смѣялись надъ національностями, а пришли умирать за нихъ.

— За землю и свободу крестьянъ!

— Какъ?.. Не слыхалъ я...

— Я пришелъ умереть не за національную Польшу, а за Польшу, кающуюся передъ народомъ.

— Да... а я такъ, я... Правда, я вѣдь ничего...

Помада слегка махнулъ рукой.

Райнеръ молчалъ.

— Вотъ видите, какъ я умираю, — опять началъ Помада.— Лизавета Егоровна думаетъ, можетъ-быть, что я... что я и умереть не могу твердо. Вы ей скажите, какъ я «съ свинцомъ въ груди»... Охъ!

Райнеръ еще ближе нагнулся къ больному.

— Нѣтъ, ничего... Это мнѣ показалось смѣшно, что я «съ свинцомъ въ груди»... да больно сдѣлалось... А впрочемъ, все это не то... Вотъ Лизавета Егоровна... знаете? Она васъ...

— Какое это лицо! Какое это лицо посмотрѣло въ окно? — вскрикнулъ онъ разомъ, уставивъ противъ себя здоровую руку.

Райнеръ посмотрѣлъ въ окно: ничего не было видно, кромѣ набившихся на стекла полосъ снѣга.

Райнеръ всталъ, взялъ револьверъ и вышелъ черезъ сѣни за дверь хаты.

Буря попрежнему злилась, бросая облаками дленистаго снѣга, и за нею ничего не было слышно. Коченѣющаго лагеря не было и примѣтъ.

Райнеръ вернулся и снова сѣлъ возлѣ Помады.

— Я вѣдь вамъ десять копеекъ заплатилъ?—проговорилъ больной, глядя на Райнера.— Да, да, я заплатилъ... Теперь... теперь я свою шинель... перекрасить отдамъ... да... Она еще... очень хорошая... Да, а десять копеекъ я заплатилъ...

Райнеръ всталъ, чтобы намочить свой платокъ и положить его на голову впавшаго въ бредъ Помады.

Когда онъ повернулся съ компрессомъ къ больному, ему самому показалось, что что-то живое промелькнуло мимо окна и скрылось за стѣною.

Помада вздрогнулъ отъ компресса, быстро вскочилъ и напряженно крикнулъ:

— Ий больно! Евгенія Петровна, пустите ее голову—и, захрапѣвъ, повалился на руки Райнера.

Черезъ Райнерову руку хлынула и ручьемъ засвистала алая кровь изъ растревоженной грудной раны.

Помада умиралъ.

Райнеръ, удерживая одною рукою хлещущую фонтаномъ кровь, хотѣлъ позвать кого-нибудь изъ ночевавшей въ сѣняхъ прислуги, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ произнести чье-нибудь имя, хата потряслась отъ страшнаго удара и въ углу ея, надъ самою головою Райнера, образовалась щель, въ которую такъ и зашипѣла змѣею буря.

— Do bronі, do bronі!—отчаянно крикнулъ Райнеръ, выскочивъ въ сѣни, и, снова вбѣжавъ въ хату, изорвалъ свои пакеты и схватилъ заливающагося кровью Помаду.

Сквозь мечущихся въ перепугѣ повстанцевъ, Райнеръ съ своею тяжелою ношею бросился къ двери, но она была заперта снаружи.

— Мы погибли!—крикнулъ Райнеръ и метнулся во дворъ.

Съ одного угла крошечнаго дворика на крышу прыгнулъ зайцемъ синій огонекъ и, захлопавъ длиннымъ языкомъ, сразу охватилъ постройку.

— За мною, ребята!—скомацдовалъ онъ хватавшимся за оружіе повстанцамъ.—Все равно пропадать *за свободу хлопца*, за мною!

Онъ перескочилъ сѣни и, неся на себѣ Помаду, со всей силы бросился въ окно.

Два штыка впились и засѣли въ спинѣ Помады; но онъ былъ уже мертвъ, а четыре крѣпкія руки схватили Райнера за локти.

— Спасайтесь!—крикнулъ Райнеръ и почувствовалъ, что ему крѣпко стягиваютъ сзади руки.

Сквозь вой бури онъ слышалъ на полянѣ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, ружейную пальбу, даже долетѣли до него стоны и знакомый голосъ начальника отряда, который несся, крича:

— Налѣво, налѣво, дьяволы!—тамъ болото!

Дворъ и стога пылали.

Черезъ десять минутъ все было кончено. Но полянѣ метались только перепуганныя лошади, потерявшія своихъ

сѣдковъ. да валялись истекавшіе кровью трупы. Казаки бросились впогонь за ничтожнымъ остаткомъ погибшаго отряда инсургентовъ; но продолжительное преслѣдованіе при такой темѣ было невозможно.

Возлѣ Райнера стоялъ такъ же крѣпко связанный рыжіи повстанецъ, съ которымъ они пять часовъ назадъ подѣвжали къ догоравшей теперь хатѣ.

— Чья это была банда? — спросилъ, подходя къ плѣннымъ, начальникъ русскаго отряда.

— Моя, — спокойно отвѣчалъ Райнеръ.

— Ваше имя?

— Станиславъ Куля.

— Такъ это? — обратился русскій командиръ къ повстанцу.

— Такъ, — отвѣчалъ тотъ, глядя на Райнера.

— Сколько у васъ было человекъ?

— Сорокъ, — съ увѣренностью произнесъ Райнеръ.

Убитыхъ глѣзъ насчитано тридцать семь. Раненыхъ только два. Солдаты, озлобленные утомительнымъ скитаньемъ по дебрямъ и пустынямъ, не отличались мягкосердіемъ.

Отрядъ считался разбитымъ на-голову. Изъ сорока—тридцать семь было убиты, два взяты и одинъ найденъ обгорѣвшимъ въ обращенной въ пепель хатѣ.

Райнеръ, назвавшись начальникомъ банды, зналъ, что онъ цѣлую ея половину спасаетъ отъ дальнѣйшаго преслѣдованія; но онъ не зналъ, что бѣглецовъ встрѣтило холодное литовское болото, на которое они бросились въ темнотѣ этой ужасной ночи.

Передъ утромъ связаннаго Райнера положили на фурманку; въ головахъ у него сидѣлъ подводчикъ, въ ногахъ часовой солдатъ съ ружьемъ. Отдохнувшій отрядъ снялся и тронулся въ походъ.

Усталый до послѣдней степени, Райнеръ, несмотря на свое печальное положеніе, заснулъ дѣтски-спокойнымъ сномъ.

Около полудня отрядъ остановился на роздыхъ. Сонъ Райнера нарушался стукомъ оружія и веселымъ разговоромъ солдатъ; но онъ еще не приходилъ къ сознанію всего его окружающаго. Долежавшія до слуха русскія слова стали пробуждать его.

— Это нешто война! — говорилъ солдатикъ, составляя ранецъ на колесо фурманки.

— Одна слабая фантазія, — отвѣчалъ другой.

Райнеръ открылъ глаза и, припомнивъ ужасную ночь, понялъ свое положеніе.

На дворѣ стояла оттепель; солнце играло въ капляхъ тающего на иглистыхъ листьяхъ сосны сѣвга; невдалекѣ на землѣ было большое черное пятно, вылежанное ночевавшимъ здѣсь стадомъ зубровъ, и съ этой проталины несся сильный запахъ парного молока.

Прискакалъ какой-то верховой: ударили въ барабанъ.

— Подводчики къ командиру! — раздалось по лагерю. — Воля вамъ съ землею отъ царя пришла. Ступай всѣ, сейчасъ будутъ читать про волю.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Баронъ и баронесса.

Лизвета Егоровна Бахарева не могла оставить *Дома Согласія* на другой же день послѣ происшедшей тамъ тревоги; здоровье ее не выпустило. И безъ того давно слабая и разстроенная, она не могла вынести послѣдняго извѣстія о Райнерѣ. Силы, еще кое-какъ державшія ее во время совершаемаго Бѣлоярцевымъ ауто-да-фе и при сценѣ съ лавочникомъ, оставили ее вовсе какъ только она затворилась въ свой комнатѣ. Ночь всю до бѣла сѣвта она провела одѣтая въ своемъ креслѣ, и когда Ступина утромъ осторожно постучалась въ ея дверь, привскочила съ выраженіемъ страшнаго страданія. Легкіе удары тоненькаго женскаго пальца въ дощатую дверь причиняли ей такое неспосное мученіе, которое можно сравнить только съ тѣмъ, какъ если бы начали ее бить по головѣ желѣзными молотами. Тихій голосъ Ступиной, звавшей ее изъ двери къ чаю, раздавался въ ея ухахъ раздражающимъ, несприятнымъ трескомъ, какъ отъ дщпанья лучины. Лиза попробовала было сказать, что она не хочетъ чаю и не выйдетъ, но первый звукъ ея собственнаго голоса дѣйствовалъ на нее такъ же раздражающе, какъ и чужой. Лиза испугалась и не знала, что съ собой дѣлать: ей пришла на умъ жена Фарстера въ королевѣ Маабѣ, и перспектива быть погребенною заживо ее ужаснула.

Лиза взяла клочокъ бумаги, написала: «пошлите кого-нибудь сейчасъ за Розановымъ», передала эту записочку въ дверь и легла, закрывъ голову подушками.

У нея было irritatio systemae nervorum, доходящее до

такой чувствительности, что не только самый тихій человѣческій голосъ, но даже едва слышный шелестъ платья, самый ничтожный скрипъ пера, которымъ Розановъ писалъ рецептъ, или звукъ отъ бумажки, которую онъ отрывалъ отъ полулиста, — все это причиняло ей несносныя боли.

Дружескія заботы Розанова, спокойствіе и тишина, которыя доставляли больной жильцы *Дома*, и отсутствіе лишнихъ людей въ три дня значительно уменьшили жестокость этихъ припадковъ. Черезъ три дня Лиза могла читать глазами книгу и переносила вблизи себя тихій разговоръ, а еще черезъ день заговорила сама.

— Дмитрій Петровичъ! — были первыя слова, обращенныя ею къ Розанову. — Вы мой старый пріятель, и я къ вамъ могу обратиться съ такимъ вопросомъ, съ которымъ не обратилась бы ни къ кому. Скажите мнѣ, есть у васъ деньги?

— Сколько вамъ нужно, Лизавета Егоровна?

— Хоть тысячу рублей.

Розановъ улыбнулся и покачалъ отрицательно головой.

— Я вѣдь получу мой выдѣлъ.

— Да нѣтъ у меня, Лизавета Егоровна, а не о томъ забота, что вы отдадите. Вотъ сто или полтораста рублей — это есть, за удовольствіе сочту, если вы ихъ возьмете. Я вѣдь вашъ должникъ.

— А у Женни, не знаете — нѣтъ денегъ?

— Такихъ большихъ?

— Ну, да, тысячи или двухъ.

— Навѣрно знаю, что нѣтъ. Вотъ, возьмите пока у меня полтораста рублей.

— Мнѣ столько нигуда не годится, — отвѣчала Лиза.

Черезъ день она спрашивала Розанова: можно ли ей выйти безъ опасности получить рецидивъ.

— Куда же вы пойдете? — освѣдомился Розановъ.

— Развѣ это не все равно?

— Нѣтъ, не все равно. Къ Евгеніи Петровнѣ дня черезъ два будетъ можно; къ Полинь Ивановнѣ тоже можно, а сюда, въ свою залу, положительно нельзя, и нельзя ни подъ какимъ видомъ.

— Я хотѣла съѣздить къ сестрѣ

— Къ какой сестрѣ?

— Къ Софи.

— Къ Софьѣ Егоровнѣ Вы?

— Ну, да,—только перестаньте, пожалуйста, удивляться: это... тоже раздражаетъ меня. Мнѣ нужно у нея быть.

Розановъ промолчалъ.

— Я вамъ говорила, что мнѣ нужны деньги. Просить исайма я не хочу ни у кого, да и не дастъ никто; вѣдь никому же неизвѣстно, что у меня есть состояніе.

Розановъ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Такъ видите, что я хотѣла... мнѣ деньги нужны очень... какъ жизнь нужны... мнѣ безъ нихъ нечего дѣлать.

— А съ двумя тысячами?—спросилъ Розановъ.

Лиза помолчала и потомъ сказала тихо:

— Я заведу мастерскую съ простыми дѣвушками.

Розановъ опять молчалъ.

— Такъ видите, я хочу уладить, чтобы сестра или ея мужъ дали мнѣ эти деньги до выдѣла моей части. Какъ вы думаете?

— Конечно... я только не знаю, что это за человѣкъ мужъ Софьи Егоровны.

— Я тоже не знаю, но это все равно.

— Ну, какъ вамъ сказать: нѣтъ, это не все равно! А лучше, не поручите ли вы этого дѣла мнѣ? Повѣрьте, это будетъ гораздо лучше.

Лиза согласилась уполномочить Розанова на переговоры съ барономъ и баронессою Альтерзонъ, а сама, въ ожиданіи, пока дѣло уладится, на другой же день уѣхала погостить къ Вязмитиновой. Здѣсь ей, разумѣется, были рады, особенно во вниманіе къ ея крайне-раздраженному состоянію духа.

Въ одинъ изъ дней, слѣдовавшихъ за этимъ разговоромъ Лизы съ Розановымъ, послѣдній позвонилъ у подъѣзда очень параднаго дома на невской набережной Васильевскаго Острова.

Ему отперъ пожилой и очень фешенебельный швейцарь.

— Теперь, разумѣется, засталъ дома? — спросилъ Розановъ, показывая старику свои карманные часы, на которыхъ было три четверти девятаго.

Швейцарь улыбнулся, какъ улыбаются старые люди именитыхъ баръ, говоря о своихъ новыхъ хозяевахъ изъ карманной аристократіи.

— Спать?—спросилъ Розановъ.

— Нѣтъ-съ, не спать; съ полчаса ужъ какъ вставши, да вѣдь... не приметъ онъ васъ.

— Ну, это мы увидимъ,—отвѣчалъ Розановъ и, сбросивъ шубу, досталъ свою карточку, на которой еще прежде было написано: «Въ четвертый и послѣдній разъ прошу васъ принять меня на самое короткое время. Я долженъ говорить съ вами по дѣлу вашей свояченицы, и смѣю васъ увѣрить, что если вы не удостоите меня этой чести въ вашемъ кабинетѣ, то я заговорю съ вами въ другомъ мѣстѣ».

Швейцаръ позвонилъ два раза и передалъ карточку появившемуся на лѣстницѣ человѣку, одѣтому, какъ одѣваются нѣкоторые концертисты.

Артистъ взялъ карточку, обмѣрилъ съ верхней ступени своего положенія стоявшаго внизу Розанова и черезъ двадцать минутъ снова появился въ зеленыхъ дверяхъ, произнеся:

— Баронъ проситъ господина Розанова.

Дмитрій Петровичъ поднялся по устланной мягкимъ ковромъ лѣстницѣ въ переднюю, изъ которой этотъ же концертистъ повелъ его по длинной анфиладѣ комнатъ необыкновенно изящно и богато убраннаго бель-этажа.

Въ концѣ этой анфилады проводникъ оставилъ Розанова, а черезъ минуту въ другомъ концѣ покоя зашевелилась массивная портьера. Вошелъ небольшой человѣкъ съ незначимыми признаками еврейскаго происхожденія и съ непомѣрными усиліями держать себя англичаниномъ извѣстнаго круга.

Это и былъ баронъ Альтерзонъ, доселѣ неизвѣстный намъ мужъ Софьи Егоровны Бахаревой.

— Розановъ,—назвалъ себя Дмитрій Петровичъ.

Альтерзонъ поклонился молча и не вынимая рукъ, спрятанныхъ до половины пальцевъ въ карманы.

— Я имѣю къ вамъ дѣло,—началъ, стоя, Розановъ.

Альтерзонъ снова молча поклонился.

— Извините меня, я не люблю разговаривать стоя,—произнесъ Розановъ и, сѣвши съ нарочитою безцеремонностью, началъ:—Само собою разумѣется, и вамъ, и вашей супругѣ извѣстно, что здѣсь, въ Петербургѣ, живетъ ея сестра, а ваша свояченица Лизавета Егоровна Бахарева?

— Да-съ,—продѣдилъ Альтерзонъ.

— Она сама не можетъ быть у васъ...

— Да мы и не можемъ ее принимать, — подсказалъ Альтерзонъ съ сильнымъ еврейскимъ акцентомъ.

Розанову показалось, что онъ когда-то и гдѣ-то слыхалъ этотъ голосъ.

— Отчего вы не можете ее принимать? — спросилъ онъ довольно мягко.

— Оттого... что она себя такъ странно аттестуетъ.

— Какъ же это, позвольте узнать, она себя такъ аттестуетъ, что даже родная сестра не можетъ ее принять?

— Моя жена принадлежитъ къ извѣстному обществу, мы имѣемъ свою репутацію, — надменно произнесъ Альтерзонъ.

Розановъ посмотрѣлъ на барона, и еще страннѣе ему показалось, что даже черты лица барона ему не совсѣмъ незнакомы!

— Лизавета Егоровна такая честная и непорочная въ своемъ поведеніи дѣвушка, какихъ дай намъ Богъ побольше, — началъ онъ, давая вѣсь каждому своему слову, но съ прежнею сдержанностью. — Она не уронила себя ни въ какомъ кружкѣ, ни въ коммерческомъ, ни въ аристократическомъ.

— Я знаю, что она дѣвица образованная.

— Но что же такое-съ?

— Она живетъ въ такомъ домѣ!

— Гм! Вы это говорите такъ, что кто не знаетъ Лизаветы Егоровны, можетъ, по тону вашего разговора, подумать, что сестра вашей жены живетъ Богъ знаетъ въ какомъ домѣ.

— Да это почти все равно, — отвѣчалъ Альтерзонъ, топорщась индѣйскимъ вѣтухомъ.

Розановъ всникнулъ.

— Ну, это только показываетъ, что до васъ о житиѣ Лизаветы Егоровны доходили слишкомъ невѣрные и преднамѣренно извращенные въ дурную сторону слухи.

— Мы не собираемъ о ней никакихъ слуховъ, — процѣдилъ Альтерзонъ съ презрительной гримасой.

— Впрочемъ, мы можемъ оставить этотъ споръ, — примирилъ Розановъ.

— Я тоже такъ полагаю, — еще обиднѣе замѣтилъ Альтерзонъ.

«А дьяволь тебя побирай, жида шельмовскаго», — подумалъ Розановъ, но опять удержался и заговорилъ тихо:

— Лизаветъ Егоровнѣ очень нужны небольшія деньги.

— Она получаетъ, что ей назначено.

— Да, но она хочетъ получить разомъ нѣсколько болѣе, въ счетъ того, что ей будетъ слѣдовать по раздѣлу.

— По какому раздѣлу?

— По раздѣлу ихъ наслѣдственнаго имѣнія.

Альтерзонъ оттопырилъ губы и помоталъ отрицательно головою.

— Какъ прикажете понимать это ваше движеніе?—спросилъ Розановъ.

— Я ничего въ этомъ дѣлѣ не знаю. Я знаю только, что Лизавета Егоровна была непочтительная дочь къ своимъ родителямъ.

— Такъ что же, она лишена наслѣдства, что ли?

— Я такъ полагаю. На это есть духовное завѣщаніе матери.

— Это басни!—воскликнулъ Розановъ.—Имѣнье родовое, отцовское.

— Это до меня не касается.

— Конечно, — на это есть судъ, и вы, разумѣется, въ этомъ не виноваты. Судъ разбереть, имѣла ли Ольга Сергѣевна право лишить, по своему завѣщанію, одну дочь законнаго наслѣдства изъ родового отцовскаго имѣнія. Но теперь дѣлю и не въ этомъ. Теперь я пришелъ къ вамъ только затѣмъ, чтобы просить васъ отъ имени Лизаветы Егоровны, какъ ея родственника и богатаго капиталиста, ссудить ее, до раздѣла, небольшою суммою.

— Какою, наиримѣръ?

— Ей нужны двѣ тысячи рублей.

— И это вы называете небольшою суммою!

— Относительно. Для состоянія, которое должна получить Лизавета Егоровна, и тѣмъ болѣе для вашего состоянія, я думаю, что двѣ тысячи рублей можно назвать совершенно ничтожною суммою.

— Моего состоянія никто не считалъ!—заносчиво отвѣтилъ Альтерзонъ.

— Но вы извѣстный негодянтъ!

— Такъ что жъ? Миѣ мои деньги нужны на честные

торговые обороты, а не на то, чтобы раздавать ихъ всякой распутной дѣвчонкѣ на ея распутства.

— Что! — крикнулъ, весь позеленѣвъ и громко стукнувъ по столу кулакомъ, Розановъ.

Альтерзонъ вздрогнулъ и бросился къ сонеткѣ.

Розановъ ожидалъ этого движенія. Однимъ прыжкомъ онъ кинулся на негоціанта, схватилъ его сзади за локти.

— Ты зналъ Нафтула Соловейчика? — спросилъ онъ Альтерзона.

— Зналъ, — довольно спокойно для своего положенія отвѣчалъ Альтерзонъ. — Соловейчикъ мнѣ подарилъ нѣсколько корректуръ, на которыхъ есть разныя поправки.

— Да, — ну, такъ что жъ?

— Ничего больше.

— А ничего, такъ гляди, разочти повѣрѣнїи: намъ вѣдь нечего много терять, а ты, небось, отвыкъ отъ *slędziane wotrobki* *).

Негоціантъ молчалъ.

— Такъ дашь, жидъ, денегъ?

— Не дамъ.

— Ну, чортъ тебя возьми! — произнесъ Розановъ и посадилъ Альтерзона въ кресло такъ, что даже пружины задребезжали.

— Не воронись, а то будешь битъ всенародно, — сказалъ онъ ему въ назиданіе и взялъ шляпу.

Въ дверяхъ кабинета показалась Софья Егоровна.

— Мнѣ здѣсь послышался шумъ, — сказала она, распахнувъ драшировку.

— Ахъ, Софья Егоровна!

— Дмитрій Петровичъ!

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Пополнѣли, похорошѣли, — говорилъ Розановъ, стараясь принять беззаботный видъ и не сводя глазъ съ сидящаго неподвижно Альтерзона.

— А вы знакомы съ моимъ мужемъ?

— Какъ же-съ! мы давнишніе, старые прїатели съ ба рономъ.

— Видаются вы съ Лизой?

— Да, мы другъ друга не забываемъ.

— Она, говорятъ, сильно измѣнилась.

*) Селедочной трешушки.

— Не всё цвѣтутъ, какъ вы!

— Полноте, пожалуйста! Я Женни видѣла: та очень авантажна и такъ одѣта. Она бываетъ въ свѣтѣ?

— Изъ него не выходитъ.

— Вы все шутите. — А Лиза: Боже мой, какую жизнь она ведетъ!

— Да, вотъ, чтобы перестроить эту жизнь, ей нужны займы двѣ тысячи рублей: ихъ вотъ именно я и просить у вашего благовѣрнаго, такъ не даетъ. Попросите вы, Софья Егоровна.

— Мнѣ,—я, право, никогда не мѣшаюсь въ эти дѣла.

— Ну, для сестры отступите отъ своего похвального правила; вмѣшайтесь одинъ разъ. Лизаветъ Егоровнѣ очень нужно.

— И куда это Лиза дѣваетъ свои деньги? Вѣдь ей даютъ каждый годъ девятьсотъ рублей: это не шутка для одной женщины.

— Софья Егоровна, я думаю, у васъ есть платья, которыя стоятъ болѣе этихъ денегъ.

— Да, это конечно, — пророшила, нѣсколько сконфузясь, Софи.

Розановъ видѣлъ, что здѣсь болѣе нечего пробовать.

— Прощай, голубчикъ, — сказалъ онъ съ притворной лаской попржнему безмолвно сидѣвшему Альтерзону и, раскланявшись съ Софьею Егоровною, благополучно вышелъ на улицу.

Розановъ только Евгеніи Петровнѣ рассказалъ, что отъ Альтерзоновъ ожидать нечего и что Лизѣ придется отнимать себѣ отцовское наслѣдство не иначе, какъ тяжкою. Лизѣ онъ медлил рассказать объ этомъ, ожидая, пока она оправится и будетъ въ состояніи равнодушиемъ выслушать во всякомъ случаѣ весьма неприятную новость. Онъ сказалъ, что Альтерзона нѣтъ въ городѣ и что онъ пріѣдетъ не прежде, какъ недѣли черезъ двѣ. ✓

Наконецъ прошли и двѣ недѣли. У Лизы не доставало болѣе терпѣнія сидѣть сложа руки.

— Пока что будетъ, я хоть достану себѣ переводовъ,— рѣшила она,—и если завтра не будетъ Альтерзона, то пойду сама къ сестрѣ.

Чтобы предупредить возможность такого свиданія, которое могло очень неприятно подѣйствовать на Лизу, Ро-

зановъ сказать, что Альтерзонъ вчера возвратился и что завтра утромъ они непременно будутъ имѣть свиданіе, а потому личное посѣщеніе Лизы не можетъ имѣть никакого мѣста.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

У редактора отсталого журнала.

Въ одиннадцать часовъ слѣдующаго утра Лиза показала пѣшкомъ на Кирочной и, найдя нумеръ одного огромнаго дома, скрылась за тяжелыми дубовыми дверями параднаго подъезда.

Она остановилась у двери, на которой была мѣдная доска съ надписью: «Савелій Савельевичъ Папошниковъ».

Здѣсь Лиза позвонила.

Опрятный и вѣжливый лакей снялъ съ нея шубку и теплые сапожки и отворилъ ей дверь въ просторную комнату, съ довольно простою, но удобною и разсудительно размѣщенною мебелью.

Въ этой комнатѣ Лиза застала четырехъ человѣкъ, которые ожидали хозяина. Тутъ былъ молодой блондинъ съ ничего незначащимъ лицомъ, безпрестанно старающійся бросить на что-нибудь взглядъ, полный презрѣнія, и бросающій вмѣсто него взглядъ, вызывающій самое искреннее состраданіе къ нему самому. Рядомъ съ блондиномъ, непристойно развалиаясь и потягиваясь въ креслѣ, помѣщался испитой человѣкъ, который могъ быть рѣшительно всѣмъ, чѣмъ вамъ угодно въ гадкомъ родѣ, но преимущественно трактирнымъ шуллеромъ или таперомъ. Третій гость былъ скромненькій старичокъ, повидимому, изъ старинныхъ барскихъ людей. Онъ былъ одѣтъ въ длинномъ табачномъ сюртукѣ, камзолѣ со стоячимъ воротничкомъ и въ чистенькихъ козловыхъ сапожкахъ. Голубые глазки старичка смотрѣли тихо, ласково и спокойно, но смѣло и неискательно. Четвертый гость, человѣкъ лѣтъ шестидесяти, выглядывалъ Бурцевымъ не Бурцевымъ, а такъ во всей его фигурѣ и нетерпѣливыхъ движеніяхъ было что-то такое задорное: не то забіяка-гусарь старыхъ временъ, не то «петербургскій гражданинъ», ищущій популярности. Лиза была нитая.

Она вошла тихо и сѣла на диванъ. Длиннополоый старичокъ подвигался вдоль ряда висѣвшихъ по стѣнѣ картинъ, стараясь переступить такъ, чтобы его скрипучіе козловые

сапожки не издали ни одного трескучаго звука. Блондинъ, стоя возлѣ развалившагося тапера, искательно разговаривалъ съ нимъ, но получалъ отъ нахала самые невнимательные отвѣты. Суровый старикъ держался совсѣмъ гражданиномъ: заговорить съ нимъ о чемъ-нибудь надо было напустить на себя смѣлость.

— Отчего же это?—жалобно вопрошалъ тапера блондинчикъ, пощипывая свою ужасно глупенькую бородочку.

— Да вотъ оттого же,—зѣвая и смотря въ сторону, отвѣчалъ таперъ.

— Да вѣдь они же солидарные журналы!—опять приставалъ блондинчикъ.

— Ну-съ!

— Такъ изъ-за чего же между ними полемика?.. Вѣдь они одного направленія держатся?.. они одно цѣлое, — лепеталъ блондинчикъ.

— Одно?—окрикнулъ его таперъ,

— Ну, да-съ... По крайней мѣрѣ, и я, и всѣ такъ понимаютъ.

— Вы этого, по крайней мѣрѣ, не говорите! Не говорите этого, по крайней мѣрѣ, потому что стыдно говорить такую пошлость,—обрѣзалъ таперъ.

Блондинчикъ застыдился и сталъ робко чистить залегшее горлышко.

— Какъ же вы не понимаете?—гораздо снисходительнѣе началъ таперъ. — Одни въ принципѣ только социальны, а проводятъ идеи коммунистическія; а тѣ въ принципѣ коммунисты, но проводятъ начала чистаго социализма.

— Понимаю,—отвѣчалъ блондинчикъ, и солгалъ.

Ничего онъ не понялъ и только старался запомнить это опредѣленіе, чтобы проводить его дальше.

Таперъ опять зѣвнулъ, потянулся, погладивъ себя отъ жилета до колѣнъ, и произнесъ:

— Однако, эти постепенскіе редакторы тоже свиньи изрядныя, живутъ у чорта въ зубахъ, да еще ожидать себя заставляютъ.

— Ну, ужъ и Тузовъ,—закнулъ-было блондинчикъ.

— Что Тузовъ?—опять окрикнулъ его таперъ.

— Тоже... ждешь-ждешь, да еще лакей въ передней скотина такая... и самъ тоже обращается чрезвычайно обидно.

Просто иной разъ какъ мальчика приметъ: «я васъ не помню, да я васъ не знаю».

— Ихъ! Такъ тотъ вѣдь сила!

— А этотъ что?

Таперъ плюнулъ и произнесъ:

— А этотъ вотъ что,—и растеръ ногою.

Въ это время отворилась запертая до сихъ поръ дверь кабинета и на порогѣ показался высокій, рябоватый человекъ, лѣтъ около сорока пяти или шести. Онъ былъ довольно полонъ, даже съ небольшимъ брюшкомъ и небольшою лысинкою; небольшие сѣрые глаза его смотрѣли очень пронзательно и даже немножко хитро, но въ нихъ было такъ много чего-то хорошаго, умнаго, располагающаго, что съ нимъ хотѣлось говорить безъ всякой хитрости и лукавства.

Редакторъ Папошниковъ, очень мало заботящійся о своей популярности, на самомъ дѣлѣ былъ истинно прекраснымъ человекомъ, съ которымъ каждому хотѣлось имѣть дѣло и съ которымъ многіе умѣли доходить до безобиднаго разъясненія извѣстной шарады: «неудобно къ напечатанію», и за всѣмъ тѣмъ все-таки думали: «этотъ Савелій Савельевичъ хоть и смотритъ кондитеромъ, но *«человѣкъ онъ»*».

На кондитера же редакторъ Папошниковъ точно смахивалъ какъ нельзя болѣе и особенно теперь, когда онъ вышелъ къ ожидавшимъ его пяти особамъ.

— Извините, господа,—началъ онъ, раскланиваясь.—Я не хотѣлъ отмѣнить пріемнаго дня, чтобы не заставить кого-нибудь пройтись понапрасну, а у меня боленъ ребенокъ; цѣлую ночь не спали, и вотъ я полчасомъ замѣшался.

— Чѣмъ могу служить? — обратился онъ прежде всѣхъ къ Лизѣ.

— Я ищу переводной работы, — отвѣчала она спокойно.

Папошниковъ задумался, посмотрѣлъ на Лизу своими умными глазами, придававшими доброе выраженіе его некрасивому, но симпатичному лицу, и попросилъ Лизу подождать, пока онъ кончитъ съ другими ожидающими его особами.

Лиза опять сѣла на кресло, на которомъ ожидала выхода Папошникова.

— Я пришелъ за рѣшительнымъ отвѣтомъ о моихъ ра-

ботахъ, — приступилъ къ редактору суровый старикъ. — Меня зовутъ Жерлицынъ; я доставилъ двѣ работы: экономическую статью и повѣсть.

— Помню-съ, — отвѣчалъ Папошиниковъ. — «Экономическая статья о коммерческихъ двигателяхъ»?

— Да.

— Она для насъ неудобна.

— Почему?

— Неудобна; не отвѣчаетъ направленію нашего журнала.

— А у васъ какое же есть направленіе?

Папошиниковъ посмотрѣлъ на него и отвѣчалъ:

— Я вамъ ее сейчасъ возвращу: она у меня на столѣ.

— Ну-съ, а повѣсть?

— Повѣсть я не успѣлъ прочесть: потрудитесь навѣдаться на той недѣлѣ.

— Мнѣ мое время дорого, — отвѣчалъ Жерлицынъ.

— И мнѣ тоже, — сухо произнесъ редакторъ.

— Такъ отчего же вы не прочитали, повѣсть у васъ цѣлую недѣлю пролежала?

— Оттого, что не имѣлъ времени, оттого, что много занятій. У меня не одна ваша рукопись, и вамъ, вѣроятно, извѣстно, что рукописи въ редакціяхъ зачастую остаются по цѣлымъ мѣсяцамъ, а не по недѣлямъ.

— Имѣйте помощниковъ.

— Имѣю, — спокойно отвѣчалъ Папошиниковъ.

— Сидите по ночамъ. У меня, когда я буду редакторомъ, все въ одну ночь будетъ очищаться.

Папошиниковъ ушелъ въ кабинетъ и, возвратись оттуда съ экономической статью Жерлицына, подалъ ее автору.

Старикъ положилъ статью на столъ, закурилъ папиросу и началъ считать листы рукописи.

— Вы что прикажете? — отнесся Папошиниковъ къ блондину.

— Разсказъ «Роды» прочтенъ или нѣтъ еще?

— Прочтенъ-съ давно.

— И когда вы его напечатаете?

Папошиниковъ погладилъ усы и, глядя въ глаза блондину, тихо проговорилъ:

— И его нельзя печатать.

— Отчего-съ?

Блондинъ безпокойно зацѣпалъ бородку.

— Помилуйте, такія сцены.

— Тамъ невѣжество крестьянъ выставляется.

— Да не въ томъ, а что жъ это: все это до голой подробности, какъ въ курсѣ акушерства, рассказывается...

— Да вѣдь это все такъ бываетъ!

— Помилуйте, да мало ли чего на свѣтѣ не бываетъ, нельзя же все такъ прямо и рассказывать. Журналъ читается въ семействахъ, гдѣ есть и женщины, и дѣвушки, нельзя же нисколько не задѣять ихъ стыдливости.

— Будто онѣ, вы думаете, не понимаютъ! Онѣ все лучше насъ съ вами все знаютъ.

— Да извольте, и и это вамъ уступлю, но пощадите же ихъ уши, дайте что-нибудь приличію, пожалуйте эстетическій вкусъ.

— Нужно развивать вкусъ не эстетическій, а гражданскій.

Папошиниковъ добродушно разсмѣялся и, тронувъ блондина за руку, сказалъ:

— Ну, развѣ можно описывать, какъ ребенокъ, сидя на полу, невѣжливо ведетъ себя, пока мать разрядится? Ну, что же тутъ художественнаго и что тутъ гражданского?

— Правда обстановки,—отстанувъ блондинъ.

Редакторъ засмѣялся.

— А и-и-позвольте узнать, — вскрикнулъ изъ-за стола Жерлицынъ, перелистовавшій свою рукопись:—что же тутъ въ моей статьѣ развѣ содержится что-нибудь противъ нравственности?

— Нѣтъ-съ,—отвѣчалъ Папошиниковъ.

— Ну, противъ религіи?

— Тоже нѣтъ-съ.

— Ну, противъ вашей эстетики?

— Нѣтъ-съ.

— Такъ противъ чего же?

— Противъ здраваго смысла.

— А-а! Это другое дѣло,—протянулъ Жерлицынъ и, закуривъ новую папиросу, сталъ опять перелистывать рукопись, провѣряя ее со стороны здраваго смысла.

Папошиниковъ вынесъ блондину его рассказъ и обратился къ таперу.

— Повѣсть госпожи Жбановой?

— Будетъ напечатана,—отвѣчалъ редакторъ.

— Будеть! въ такомъ случаѣ когда деньги?

— По напечатаніи-съ.

— Она проситъ половину впередъ.

— Она этого не пишетъ.

— Она мнѣ пишетъ; я ей мужъ, и она мнѣ поручила получать деньги.

— Итъ-съ, она просила деньги выслать ей за границу, и онѣ такъ будутъ высланы, какъ она просила.

— Ну, это и я вѣдь могу сдѣлать; я здѣсь служу, можете обо мнѣ узнать въ придворной конторѣ,—съ обиженнымъ лицомъ резонировалъ таперъ.

— Ну, такъ я скажу вамъ, что это ужъ сдѣлано.

— Тогда не о чемъ и толковать по-пустому.

Таперъ всталъ и, разваливаясь, ушелъ, никому не поклонившись.

— Я,—залебезилъ блондинчикъ:—думалъ вамъ, Савелій Савельичъ, предложить вотъ что: такъ какъ, знаете, я служу при женскомъ учебномъ заведеніи и могу близко наблюдать женскій вопросъ, то я могъ бы открыть у васъ рядъ статей по женскому вопросу.

— Цъ! нѣтъ-съ, — отвѣчалъ, отмахиваясь руками, редакторъ.

— Отчего же?

— Не читають-съ, прокисло, надоѣло.

— Но я могу съ другой стороны, не съ отрицательной.

— Съ какой хотите, все равно.

— Да, а вы съ какой хотите?

— Итъ, ужъ Богъ съ ними. Барынямъ самимъ это прискучило.

— П-п-п-п-аазвольте-съ! — крикнулъ опять все сидящій за столомъ Жерлицынъ, дочитавъ скороговоркою во второй разъ свою рукопись.—Вы у Жбановой повѣсть купили?

— Купилъ-съ.

— И напечатаете ее?

— И напечатая.

— А эта госпожа Жбанова ни больше, ни меньше, какъ совершеннѣйшій стервецъ.

Редакторъ слегка надвинулъ брови и замѣтилъ Жерлицыну, что онъ довольно странно выражается о женщинѣ.

— Итъ-съ, я выражаюсь вѣрно, — отвѣчалъ тотъ. — Я читалъ ея повѣсти: — бездарнѣйшій стервецъ, и только, а

вы вотъ ея потчуете нашихъ читателей; грузите ее вмѣсто балласта.

Палошиниковъ ничего не отвѣчалъ Жерлицыну и обратился къ скромно ожидавшему въ амбразурѣ окна смиренному старичку.

— Нижнедѣвицкій купецъ Семень Лазаревъ, — откомендовался старичокъ и протянулъ свою опрятную руку. — Года съ три будетъ назадъ, сюда наши въ Петербургъ ѣхали по дѣламъ, такъ я съ ними проектикъ прислалъ.

— О чемъ-съ?

— Обо всемъ, тамъ на гулянкахъ написано, — весело разговаривалъ старичокъ.

Палошиниковъ задумался.

— Большая рукопись?—спросилъ онъ.

— Большая-съ, полторы стопы слишкомъ, — еще веселѣе рассказывалъ Лазаревъ.

— Называется: «Размышленія ипохондрика»?

— Вотъ, вотъ, вотъ, она и есть! Не напечатана еще?

— Нѣтъ-съ, еще не напечатана.

— То-то, я думаю, все не слышно ничего; вѣрно, думаю, еще не напечатана. А можетъ-быть, не годится?—добавилъ онъ, спохватившись.

— Велика-съ очень.

— Ну, тамъ вѣдь зато обо всемъ заключается: какъ все улучшить.

— Отличныя, отличныя есть мысли, помню хорошо, но объемъ!

— Это, впрочемъ, все дѣло рукъ нашихъ: сократимъ.

— Нѣтъ, вы позвольте, мы сами выборку сдѣлаемъ. Выберемъ, что идетъ къ теперешнему времени, листка на четыре, на пять.

— Что-жь, я извольте, а только имя же вѣдь мое внизу подпечатають?

— Ваше, ваше.

— То-то, а то я, знаете, разъ желаю, чтобы читатели опять въ одномъ и томъ же журналѣ мое сочиненіе видѣли.

— А вы развѣ писали въ нашемъ журналѣ?

— Какъ же-съ! Въ 1831 году напечатано мое стихотвореніе. Не помните-съ?

— Не помню.

— Нѣтъ-съ, есть. А повторительно опять тоже такое

дѣло: имѣлъ я въ юныхъ лѣтахъ, когда еще находился въ господскомъ домѣ, товарища, Ивана Ивановича Чашникова, и очень ихъ любилъ, а они пошли въ откупа, разбогатѣли и меня, маленькаго купца, не равно забыли, по, можно сказать, съ презрѣньемъ даже отвергли,—такъ я вотъ желаю, чтобы они увидали, что нижнедѣвицкій купецъ Семенъ Лазаревъ, хотя и бѣдный человекъ, а можетъ держать себя на точкѣ вида.

— Будетъ, будетъ ваше имя, — успокоилъ и проводилъ до дверей нижнедѣвицкаго купца Семена Лазаревича редакторъ Папошниковъ

— А п-п-п-позвольте! — удержалъ его на обратномъ пути Жерлицынъ. — Завулоновъ свой разказъ мнѣ поручилъ продать.

— Ну-съ?

— Угодно вамъ купить?

— Оставьте, я прочту.

— Я не могу оставить: купите и оставяйте.

— Я такъ не покупаю, — отозвался редакторъ и попросилъ Лизу въ кабинетъ.

— А п-позвольте! На одну минуту позвольте, — остановилъ Жерлицынъ. — Вы читаете, что покупаете у Тургенева?

— Читаю-съ.

— Не полагаю.—Вы вотъ въ своихъ журналахъ издѣваете надъ нигилистами, а...

— Нигилисты не читая покупаютъ?

— Конечно! Общій выводъ и направленіе,—вотъ все, что нужно. Вы знаете Эразма Очевиднаго?

— Нѣтъ, не знаю.

— Мой зять?

— Не имѣю чести.

— Редакторъ же онъ.

— Что дѣлать, все-таки я не имѣю чести его знать и не имѣю времени о немъ говорить.

Редакторъ увелъ Лизу въ свой кабинетъ и предложилъ ей кресло.

— Видите, сударыня,—началъ онъ: — мнѣ нужно знать, какого рода переводы вы можете дѣлать и съ какихъ языковъ?

Лиза рассказала.

— Да... Это значить, вы статей чисто научнаго содержания переводить не можете.

— Я не переводила.

Редакторъ задумался.

— Прискорбно мнѣ огорчать васъ, — началъ онъ: — такимъ отвѣтомъ, что работы, которую вы могли бы дѣлать, у меня въ настоящее время нѣтъ.

Лиза сухо встала.

— Позвольте! Куда же вы?

— У васъ работы нѣтъ:—намъ говорить не о чемъ.

Редакторъ слегка поморщился отъ этого тона и сказалъ:

— Я попрошу у васъ позволенія записать у себя вашъ адресъ. Работа можетъ случиться, и я удержу ее для васъ, я вамъ напишу. Книжки, видите, болѣе тридцати листовъ, ихъ возможности нѣтъ наполнить отборнымъ матеріаломъ.

— Это меня мало интересуеть и вовсе не касается.

Папошниковъ положилъ книгу журнала и взялъ адресную тетрадь. Лиза продиктовала ему свой адресъ.

— Это тамъ, гдѣ коммунисты живутъ?

— Это аккуратно тамъ, гдѣ я вамъ сказала,—опять еще суше отвѣтила Лиза, и они разстались.

Сходя по лѣстницѣ, она увидѣла Жерлицына, сидящаго на окнѣ одной террасы и листующаго свою рукопись.

— Ищу здраваго смысла,—произнесъ онъ, пожавъ плечами при видѣ сходящей Лизы.

Лиза проходила мимо его молча.

— Позвольте,—догонялъ ее Жерлицынъ.—Какъ это онъ сказалъ: противъ здраваго смысла? Развѣ можетъ человекъ писать противъ здраваго смысла?

Лиза не отвѣчала.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Post scriptum.

Розанова Лиза застала уже у Визмитиновой. По ихъ лицамъ она тотчасъ замѣтила, что доктору не было никакой удачи у Альтерсона и что они сговорились какъ можно осторожнѣе сообщить ей отвѣтъ сестры и зятя. Лиза терпѣть не могла этихъ обдуманыхъ и осторожныхъ введеній.

— Альтерсонъ отказалъ въ деньгахъ? — спросила она прямо Розанова.

— Да, почти,—отвѣчалъ тотъ.

— Ну, вот! Вы говорите *почти*, а Женни смотреть какими-то круглыми глазами, точно боятся, что я отъ денегъ въ обморокъ упаду,—забавные люди! Тутъ не можетъ быть никакого *почти*, и отказаль, такъ, значить, на-чисто отказаль.

— Ну, да.

— И сестра тоже?

— Она что жъ? Она ничего.

— Ну, я обращусь къ Зиночкину мужу,—спокойно отвѣчала Лиза и болѣе не стала говорить объ этомъ.

— А что ваши попытки, Лизавета Егоровна? — освѣдомился Розановъ.

— Такъ же счастливы, какъ и ваши,—отвѣчала она и, повидимому, была совершенно спокойна.

Побѣдали вмѣстѣ; Розановъ попросилъ позволенія отдохнуть въ кабинетѣ Вязмитинова.

Быль сѣрый часъ; Лиза сидѣла въ уголкѣ дивана; Евгенія Петровна скорыми шагами ходила изъ угла въ уголокъ комнаты, потомъ остановилась у фортепіано, сѣла и взявъ два полные аккорда, заплѣла «Плачь Ярославны», къ которому сама очень удачно подобрала голосъ и музыку.

— Спой еще разъ,—тихо попросила Лиза, когда смолкли послѣдніе звуки.

Евгенія Петровна взяла аккордъ и опять заплѣла:

Я быстрѣй дѣсной голубки
По Дунаю полечу,
И рукавъ бобровой шубки
Я въ Каялѣ обмочу;
Князю милому предстану,
И на тѣлѣ на больномъ
Окровавленную рану
Оботру тѣмъ рукавомъ.

Пѣсня опять кончилась, а Лиза оставалась подъ ея вліяніемъ, погруженною въ глубокую думу.

— Гдѣ летаешь? — спросила, цѣлуя ее въ лобъ, Евгенія Петровна.

Лиза слегка вздохнула.

Надъ дверью задняго хода послышался звонокъ, потомъ шушуканье въ дѣвичьей, потомъ медленное шлепанье абрамовинныхъ башмаковъ и, наконецъ, въ темную залу предстала сама старуха, освѣдомляясь, гдѣ докторъ?

— Спать, — отвѣчала Женни.

— Спать, — не чуеть, кто дома ночуеть.

— А что такое?

— Супризь, генеральна моя хорошая, да ужь такой супризь, что на-на! Вихорная-то его вѣдь сюда прилетѣла!

— Кто-о?

— Ну, жена же его, жена. Кучерь его сейчасъ приѣхалъ, говоритъ, въ гостиницѣ остановилась, а теперь къ нему прибыла и вотъ распорядилась, послала. Видно нашъ атласъ не идетъ отъ насъ!

— Ахъ, Боже мой, что за несносная женщина! — воскликнула Евгенія Петровна и смѣшалась, потому что на порогѣ изъ кабинета показался Розановъ.

— Прощайте, — сказалъ онъ, протягивая руку Евгеніи Петровнѣ.

— Куда вы, Дмитрій Петровичъ?

— Домой! вѣдь надо же это какъ-нибудь уладить: податься-то некуда.

— Вы развѣ слышали?

Розановъ качнулъ утвердительно головою, простился и уѣхалъ.

Въ залѣ опять настала вызывающая на размышленіе сумрачная тишина. Няня хотѣла погулять насчетъ докторни, но и это не удалось.

— Тую-то мнѣ только жаль, — Полину-то Петровну, — завела-было старуха; но, не дождавшись и на это замѣчаніе никакого отвѣта, зашлепала въ свою дѣтскую.

Прошелъ часъ, подали свѣчи; Лиза все попрежнему сидѣла, Евгенія Петровна ходила и часто вздыхала.

— Зачѣмъ ты вздыхаешь, Женни? — произнесла шопотомъ Лиза.

— Такъ, мой другъ, развздыхалось что-то.

Евгенія Петровна сѣла возлѣ Лизы, обняла ее и положила себѣ на плечо ея голову.

— Какіе вы всѣ несчастные! Боже мой, Боже мой! какъ посмотрю я на васъ, сердце мое обливается кровью: тому такъ, другому этакъ, — каждый изъ васъ не жизнь живетъ, а муки оттерпливаетъ.

— Такъ нужно, — отвѣчала послѣ паузы Лиза.

— Нужно! Отчего это, зачѣмъ такъ нужно?

— Вѣкъ жертвъ очистительныхъ просить.

— Жертвь! — произнесла, сложивъ губки, Евгенія Петровна. — Мало ему безъ васъ жертвь? Нѣтъ, просто вы несчастные люди. Что ты, что Розановъ, что Райнеръ, — всѣ вы сбились и не знаете, что дѣлать: — совсѣмъ несчастные люди.

— А ты счастливая?

— Я, конечно, счастливѣе васъ всѣхъ.

— Да чѣмъ же, напримѣръ, несчастливъ Райнеръ? — произнесла, морща лобъ и тупясь, Лиза.

— Райнеръ!

— Да. Онъ молодъ, свободенъ, дѣлаетъ что хочетъ, слава Богу, не женатъ на дурѣ и никого особенно не любить.

Евгенія Петровна остановилась передъ Лизою, махнула съ упрекомъ головкою и опять продолжала ходить по комнатѣ.

— Такъ не любятъ, — прошептала послѣ долгой паузы Лиза, разбиравшая все это время бахрому своей мантилии.

— Нѣтъ, скорѣй вотъ этакъ-то не любятъ, — отвѣчала Женни, опять остановясь противъ подруги и показавъ на нее рукою. — Разговоръ снова прекратился.

Въ седьмомъ часу въ передней послышался звонокъ. Женни сама отперла дверь въ темной передней и вскрикнула голосомъ, въ которомъ удивленіе было замѣтно не менѣе радости.

Передъ нею стоялъ ея мужъ, неожиданно возвратившійся до совершеннаго окончанія возложеннаго на него порученія, для объясненій съ своимъ начальствомъ.

Пошли обычные при подобномъ случаѣ сцены. Люди ставили самоваръ, бѣгали, суетились. Евгенія Петровна тоже суетилась и летала изъ кабинета въ дѣвичью и изъ дѣвичьей въ кабинетъ, гдѣ пересѣдался Николай Степановичъ, собиравшійся тотчасъ послѣ чая къ своему начальнику.

Чужому человѣку нечего дѣлать въ такія минуты. Лиза чувствовала это. Она встала, побродила по залѣ, черезъ которую суетливо перебѣгала то хозяйка, то слуги, и, наконецъ, безотчетно присѣла къ фортепіано и одною рукою подбирала музыку къ Ярославнину плачу.

Одѣвшись, Вязмитиновъ вышелъ въ залу, съ пачкою полученныхъ въ его отсутствіе писемъ, сѣлъ у стола съ стаканомъ чаю и началъ ихъ перечитывать.

У Лизы совсѣмъ отчетливо выходило:

Князю милому предстану
И на тѣлѣ, на больномъ,
Окровавленную рану
Оботру тѣмъ рукавомъ.

— Ба-ба-ба! — вскричалъ не совсѣмъ спокойно Вязмитиновъ. — Вотъ, mesdames, въ пустѣйшемъ письмѣ изъ Гродно необыкновеннѣйшій *post scriptum*.

— Ну, — сказала Женни, проходившая съ вынутымъ изъ дорожнаго чемоданчика бѣльемъ.

Лиза перестала перебирать клавиши.

«Десять дней тому назадъ, — началъ читать Вязмитиновъ, — къ намъ доставили изъ Пружанъ молодого предводителя мятежнической банды Станислава Кулю».

У Лизы сердце затрепетало, какъ голубь, и Евгенія Петровна прижала къ себѣ пачку бѣлья, чтобы не уронить его на полъ.

«Этотъ Станиславъ Куля, — продолжалъ Вязмитиновъ, — какъ оказалось изъ захваченныхъ нашимъ отрядомъ бумагъ, есть фигурировавшій нѣкогда у насъ въ Петербургѣ швейцарецъ...»

— Райнеръ! — отчаянно крикнула Евгенія Петровна, не смотря вовсе на мертвѣющую Лизу.

«Вильгельмъ Райнеръ, — спокойно прочиталъ Вязмитиновъ и продолжалъ: — Онъ во всемъ сознался, но наотрѣзъ отказался назвать кого бы то ни было изъ своихъ сообщниковъ, и вчера приговоренъ къ разстрѣлянiю. — Приговоръ будетъ исполняться ровно черезъ недѣлю у насъ «за городомъ».

Вязмитиновъ посмотрѣлъ на дату и сказалъ:

— Это, значитъ, какъ разъ послѣзавтра утромъ нашъ Вильгельмъ Ивановичъ покончитъ свое земное странствованiе.

— Какъ? — переспросила шопотомъ Лиза.

— По расчету, какъ здѣсь написано, выходить, что казнь Райнера должна совершиться утромъ послѣзавтра.

— Да... его будутъ разстрѣливать? — произнесла Лиза тѣмъ же шопотомъ, вода по комнатѣ блуждающими глазами. — Его будутъ разстрѣливать? — спросила она громче, блѣдно-зеленое лицо ея судорожно искривилось, и она пошатнулась на табуретъ.

Ее съ одной стороны схватила Женни, съ другой—Вязмитиновъ. Евгения Петровна плакала.

— Отойдите отъ меня, — проговорила тихо Лиза, отводя отъ себя руками.

Она твердо встала, спросила свой капоръ, надѣла шубу и стала торопливо прощаться.

Евгенія Петровна уцѣпилась за нее и старалась ее удерживать силою.

— Отойдите прочь отъ меня, Женни, — съ гробовымъ спокойствіемъ прошептала Лиза и, оторвавъ пальцы Евгении Петровны отъ шубы, вышла за двери.

— Что это такое? — добивался Вязмитиновъ. — Любила она его, что ли?

Евгенія Петровна съ полными слезъ глазами отошла къ окну и ничего не отвѣчала.

Николай Степановичъ хотѣлъ разспросить объ этомъ жену послѣ своего возвращенія отъ начальника, но Евгения Петровна, которая уже была въ постели, слышавъ въ залѣ его туфли, крупко закуталась въ одѣяло и на всѣ шуточные попытки мужа развеселить ее и заставить разговариваться, нервно проронила только:

— Ахъ, какъ это, однако, несносно! Не знаю, куда бы иногда отъ всего этого броситься.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

С м е р т ь .

Въ *Домъ Согласія* могли бы очень долго не хватиться Лизы, которая, выйдя отъ Евгении Петровны, заѣхала туда только на минуту, молча прошла въ свою комнату, молча вышла оттуда и уѣхала, ничего не сказавши. Въ *Домъ Согласія* всѣ знали и странности Лизы, и то, что она послѣднее время постоянно гоститъ у Вязмитиновой, такъ на это и не обратили никакого вниманія. Вопросъ: куда дѣлась Лиза? здѣсь возникъ только на третій день, когда встревоженная Евгения Петровна пріѣхала узнать, что дѣлается съ Лизой? Оказалось, что Лизы третій день никто не видалъ, и о ней ни откуда не было никакого слуха. — Начались различныя соображенія. Евгения Петровна съѣздила къ Полинькѣ Калистратовой—Лизы тамъ не было. У Розанова ея и не могло быть, но и туда съѣздили. Евгения Петровна съѣздила даже къ баронессѣ Альтерзонъ и была ею

принята очень радушно, но о Лизѣ нигдѣ ни слуха. Все встревожилось: всѣ знали, что въ городѣ Лизѣ быть болѣе не у кого. Пошли самыя странныя предположенія, что бы это могло значить и что теперь дѣлать?

— Надо подать объявленіе въ кварталъ,—говорилъ Бѣлоярцевъ.—Мы въ такомъ положеніи, что должны себя отъ всего ограждать, а Бертольди княжилась, что не надо подавать объявленія.

— Наше социальное положеніе,—доказывала она:—не позволяеть намъ, за чѣмъ бы то-ни было, обращаться къ содѣйствию правительственной полиціи.

— Но, помилуйте:—если у васъ шубу украдутъ, къ кому же вы обратитесь?—обрезонивалъ ее Бѣлоярцевъ.

Бертольди затруднялась и лепетала только:

— Это другое дѣло! то совсѣмъ другое дѣло, да и то объ этомъ про всякій случай надо разсудить: можемъ ли мы, при нашей социальной задачѣ, имѣть какія-нибудь отношенія къ полиціи.

Это казусное обстоятельство, однако, осталось неразрѣшеннымъ, и объявленіе о пронажѣ Лизы не было подано въ теченіе пяти дней, потому что всѣ эти пять дней Бѣлоярцевъ былъ оживленъ самою горячею дѣятельностью. Онъ имѣлъ счастливый случай встрѣтить на улицѣ гонимую судьбою Ольгу Александровну Розанову, узнать, что она свободна, но не знаетъ, что дѣлать, сообразилъ, что Ольга Александровна баба шаломонная, которую, при извѣстной безсовѣстности, можно вертѣть куда хочешь, и приобрѣлъ въ ея лицѣ новаго члена для Дома Согласія. Четвертый день онъ устранивалъ ея комнату, прибавлялъ вѣшалки, устанавливалъ мебель, импровизировалъ экранъ къ камину и даже перенесъ изъ своей комнаты ширмы. Вообще, Бѣлоярцевъ ухаживалъ за Ольгой Александровной самымъ внимательнымъ образомъ, всячески стараясь при каждомъ удобномъ случаѣ затушевать самую густую краскою ея отсутствующаго мужа. Ему было очень пріятно, что онъ могъ теперь злить Розанова и заливать ему сала за кожу.

Гражданкамъ не понравилась Ольга Александровна. Бертольди сказала, что это фали петлѣнная, а прочихъ Ольга Александровна изумляла своею съ перваго шага худо скрываемою обидчивостью и паразитѣйшимъ невѣжествомъ. Въ первый же день своего прибытія, при разговорѣ объ

оперѣ «Юдиѣ», она спросила: въ самомъ ли дѣлѣ было такое происшествіе, или это фантазія? и съ тѣхъ поръ не уставала утѣшать серьезно начитанныхъ гражданокъ самыми непостижимыми вопросами. Утромъ на пятый день своей гражданской жизни Ольгѣ Александровнѣ стало ужь очень грустно и непереносно. Она ушла помолиться въ Казанскій соборъ, поплакала передъ образомъ Богоматери, переходя черезъ улицу, видѣла мужа, пролетѣвшаго на своихъ шведочкахъ съ молодою миловидною Полиньюкою, расплакалась еще больше и, возвратившись совершенно разбитая домой, провалялась до вечера въ неутѣнныхъ слезахъ, а вечеромъ вышла веселая, сіяющая и раздражающаяся почти на всякое даже собственное слово неистойно громкимъ хохотомъ. Къ ночи съ ней сдѣлалась истерика, и Бѣлорцевъ началъ за ней ухаживать.

— Однако, наша Юдиѣ, кажется, начинаеть кокетничать, — заговорила Бертольдн.

— Со злости, — замѣчала Ступина.

— Да, это бываетъ, — подсказала Каверина. — Рогъ милосердья къ Бѣлорцеву, про его долю не забывается.

— Да, — проговорила, потянувшись на креслѣ, Ступина. — Это вотъ только, какъ говорить у насъ на Украинѣ: «do naszego brzegu, nie ptynie nic dobrego», — и пошла въ свою холодную комнату.

Въ девятый день Лизинга исчезновенія изъ Петербурга, часа въ четыре пополудни, Евгенія Петровна сидѣла и шла за столомъ въ своей угольной спальнѣ. Противъ нея тоже съ работою въ рукахъ сидѣла Полиньяка Калистратова. Николая Степановича Вязмитинова не было дома: онъ, переговоривъ съ своимъ начальствомъ, снова отправился въ командировку; дѣвушка растапливала печи въ кабинетѣ, залѣ и гостиной; няни и мамки не было дома. Пользуясь хорошею зарею, вырвавшеюся среди то холодной, то гиплоид зимы, Евгенія Петровна послала ихъ поносить по воздуху дѣтей.

Блѣднорумяная заря узкою полоскою обрѣзала небосклонъ столицы и, рефлексивно отражаясь сквозь двойныя стекла оконъ, уныло-таинственно трепетала на стѣнѣ темнѣющей комнаты.

Евгенія Петровна съ Полиньюкою бросили иглы и, откинувшись въ кресла, молча смотрѣли другъ на друга.

— Миѣ, конечно, — произнесла, вздохнувъ, Полинъка: — я въ него вѣрю и все перенесу: назадъ ужъ возвращаться поздно, да и... я думаю, что... онъ самъ меня не броситъ.

— Ни за что, — подтвердила Евгенія Петровна.

— Да, — спокойно отвѣтила Полинъка, какъ будто нуждавшаяся въ этомъ подтвержденіи: — но что же она его то мучитъ?

Евгенія Петровна промолчала.

— И ничего нельзя подѣлать! Некуда уйти, некуда скрыться! — высказывала свою мысль Полинъка.

— Неприятное положеніе, — отвѣчала Женни и въ то же мгновеніе, оглянувшись на растворенную дверь дѣтской, вскрикнула, какъ вскрикиваютъ дѣти, когда страшно замаскированный человѣкъ захватываетъ ихъ въ уголкѣ, изъ котораго некуда вырваться.

— Что ты! что ты! — останавливала ее Полинъка и, взглянувъ по тому же направленію, сама вскрикнула.

Въ облитой блѣднорозовымъ полусвѣтомъ, полусумракомъ дѣтской, какъ привидѣніе, сложивъ руки на груди, стояла Лиза въ своемъ черномъ капорѣ и черной атласной шубкѣ съ обрывкомъ какого-то шарфа на шеѣ. Она стояла молча и не шевелясь.

— Лиза! — окликнула ее, оправляясь, Евгенія Петровна.

Она разняла руки и въ отвѣтъ поманила ее къ себѣ пальцемъ.

Обѣ женщины разомъ вошли въ дѣтскую и взяли гостью за руки.

Руки Лизы были холодны какъ ледъ; лицо ея, какъ говорятъ, осунулось и теперь скорѣе совсѣмъ напоминало лицо матери Агнии, чѣмъ личико Лизы; беспорядчно подоткнутая въ нѣсколькихъ мѣстахъ юбка ея платья была мокра снизу и смерзлась, а теплые бархатные сапоги выглядывали изъ-подъ обитыхъ юбокъ какъ двѣ промерзлыя рѣдьки.

— Не кричите такъ, не кричите, — прошептала Лиза.

— Ты палугала насъ.

— Глупо пугаться! ничего нѣтъ страшнаго, — отвѣчала она попрежнему все шепотомъ. — Пошли скорѣй нанять мнѣ тутъ гдѣ-нибудь комнату, возьми тебя чтобы. — просила она Женни.

— Да зачѣмъ же это сейчасъ? — уговаривала ее хозяйка. — Я одна, мужа нѣтъ, оставайся; дай я тебя раздѣну.

Лиза ни за что не хотѣла остаться у Евгеніи Петровны.

— Пойми ты,—говорила она ей на ухо:—что я никого, рѣшительно никого, кромѣ тебя, не могу видѣть.

Послали дѣвушкѣ посмотреть комнату, которая отдавалась отъ жильцовъ по задней лѣстницѣ. Комната была свѣтлая, большая, хорошо меблированная и перегороженная прочно уставленными ширмами краснаго дерева. Лиза велѣла взять ее и послала за своими вещами.

— Завтра же еще это можно будетъ сдѣлать.—говорила ей Евгенія Петровна.

— Нѣтъ, пожалуйста, позволь сегодня. Я хочу все сегодня кончить,—говорила она, давая дѣвушкѣ ключи и деньги на расходы.

Вошла возвратившаяся съ прогулки Абрамовна, обхватила Лизину голову, заплакала и вдругъ откинулась.

— Сѣдые волосы!—воскликнула она въ ужасѣ.

Женни нагнулась къ головѣ Лизы и увидѣла, что половина ея волосъ бѣлые.

Евгенія Петровна отдѣлила прядь наполовину сѣдыхъ волосъ Лизы и перевѣсила ихъ черезъ свою ладонь у нея передъ глазами. Лиза забрала пальцемъ эти волоса и бережно откинула ихъ за ухо.

— Гдѣ ты была?—спрашивала ее Евгенія Петровна.

— Послѣ,—отвѣчала Лиза.

Только когда Евгенія Петровна одѣвала ее за драпировкою въ свое бѣлье и теплый шлафрокъ, Лиза долго смотрѣла на огонь лампы, лицо ея стало какъ будто розовѣть, оживляться, и она прошептала:

— Я видѣла, какъ онъ умеръ.

— Ты видѣла Райнера?—спросила Женни.

— Видѣла.

— Ты была при его казни!

Лиза молча кивнула въ знакъ согласія головою.

Въ домѣ шептались, какъ при опасномъ больномъ. Няня обряжала нанятую для Лизаветы Егоровны комнату; сама Лиза молча лежала на кровати Евгеніи Петровны. У нея былъ лихорадочный ознобъ.

Черезъ два или три часа привезли вещи Лизы, и, еще черезъ часъ, она перешла въ свою новую комнату, гдѣ все было установлено въ порядкѣ и въ печкѣ весело потрескивали сухія словыя дрова.

Ознобъ Лизы не прекращался, несмотря на высокую температуру усердно натопленной комнаты, два теплых одѣяла и нѣсколько стакановъ винитаго ею бузииннаго настоя.

Послали за Розановымъ.

Лизавета Егоровна встрѣтила его улыбкой и довольно крѣпко сжала его руку.

— Лихорадка,—сказала Розановъ:—простудились?

— Вѣрно,—отвѣчала Лиза.

— Далеко бѣдили?—спросилъ Розановъ.

Лиза кивнула утвердительно головою.

— Въ одной своей городской шубкѣ,—подсказала Евгенія Петровна.

— Гм! — произнесъ Розановъ, написалъ рецептъ и велѣлъ приготовить теплую ванну.

Къ полуночи ознобъ неожиданно смѣнился жестокимъ жаромъ, Лиза начала покашливать и къ утру у нея появилась мокрота, окрашенная алымъ кровавымъ цвѣтомъ.

Розановъ бросился за Лобачевскимъ.

Въ восьмомъ часу утра они явились вмѣстѣ. Лобачевскій внимательно осмотрѣлъ больную, выслушалъ ея грудь, взявъ опять Лизу за пульсъ и, смотря на секундную стрѣлку своихъ часовъ, произнесъ:

— *Pneumonia, quae occupat magnam partem dextri et apicem pulmonis sinistri, complicata irritatione systemae nervorum.—Pulsus filiformis* *).

— *Mea opinione,* — отвѣчалъ на томъ же мертвомъ языкѣ Розановъ: — *quod hic est indicatio ad methodi mendi antiflogistica; hirudines medicinales numeros triginta et nitrum* **).

— *Prognosis laetalis,* — еще ниже заговорилъ Лобачевскій. — *Consolationis gratia possumus proscribere amygdalini grana quatuor in emulsione amygdalarum dulcium uncias quattuor,— et nihil magis!* ***).

*) Воспаление, которое уже занимаетъ большую часть праваго легкаго и верхушку лѣваго, причемъ все это осложняется жестокою нервною возбужденностью. Пульсъ нитеобразный.

***) По моему мнѣнью, нужно употребить методъ противовоспалительный: тридцать пиявокъ и селитру внутрь.

***) Предсказаніе безнадежное. Для успокоенія больной можемъ прописать амигдалинъ четыре грана въ четырехъ унцахъ миндальной эмульсид.—и ничего болѣе.

— Нельзя ли перевести этотъ приговоръ на такой языкъ, чтобы я его понимала.—попросила Лиза.

Розановъ затруднился отвѣтомъ.

— Удивительно! — произнесла съ снисходительной прошею больная. — Неужто вы думаете, что я боюсь смерти! Будьте честны, господинъ Лобачевскій, скажите, что у меня? Я желаю знать, въ какомъ я положеніи, и смерти не боюсь.

— У васъ воспаленіе легкихъ,—отвѣчалъ Лобачевскій.

— Одного?

— Обоихъ.

— Значитъ *finita la comedia*?

— Положеніе трудное.

— Выйдите,—сказала она, давъ знакъ Розанову, и взяла Лобачевскаго за руку.

— Люди передъ смертью бываютъ слабы, — начала она едва слышно, оставшись съ Лобачевскимъ. — Физическія муки могутъ заставитьъ человѣка сказать то, чего онъ никогда не думалъ; могутъ заставитьъ его сдѣлать то, чего бы онъ не хотѣлъ. Я желаю одного, чтобы этого не случилось со мною... но если мои мученія будутъ очень сильны...

— Я этого не ожидаю,—отвѣчалъ Лобачевскій.

— Но если бы?

— Что же вамъ угодно?

— Убейте меня разомъ.

Лобачевскій молчалъ.

— Уважьте мое законное желаніе...

— Хорошо,—тихо произнесъ Лобачевскій.

Лиза съ благодарностью сжала его руку.

Весь этотъ день она провела въ сильномъ жару, и нервное раздраженіе ея достигало крайнихъ предѣловъ: она вздрагивала при малѣйшемъ шорохѣ, но старалась владѣть собою. Амигдалины она не хотѣла принимать и пила только ради слезъ и просьбъ падавшей передъ нею на колѣни старухи.

Передъ вечеромъ у нея началось въ груди хрипѣніе, которое становилось слышнымъ по всей комнатѣ.

— Ага, ужъ началась музыка,—произнесъ шопотомъ Лобачевскій, обращаясь къ Розанову.

— Да, худо.

— Къ утру все будетъ кончено.

— Вы не бойтесь, — сказала онъ, держа за руку больную. — Больныхъ мученія вы не испытаете.

— Я вѣрю вамъ. — отвѣчала Лиза.

— Батюшка!.. — трепеща всѣмъ тѣломъ и не умѣя удержать въ повиновеніи дрожащихъ губъ, остановила Лобачевского на лѣстницѣ Абрамовна.

— Умереть, старушка, умереть, ничего нельзя сдѣлать.

— Батю-ш-ш-ника! — опять простонала старуха.

— Ничего, ничего, няня, нельзя сдѣлать, — отвѣчалъ, спускаясь по ступенямъ, Лобачевскій.

Все существо старухи обратилась съ этой минуты въ живую заботу о томъ, чтобы больная исповѣдовалась и причастилась.

— Матушка, Лизушка, — говорила она, заливаясь слезами: — вѣдь отъ этого тебѣ хуже не будетъ. Ты вѣдь христіанскаго отца съ матерью дитя: пожалѣй ты свою душеньку.

— Оставьте меня, — говорила, отворачиваясь, Лиза.

— Ангель мой! — начинала опять старуха.

— Нельзя-ль ко мнѣ привезть Бертольди? — отвѣчала Лиза.

— На что вамъ Бертольди? — спокойно урезонивалъ больную Розановъ. — Она только будетъ раздражать васъ. Вы сами хотѣли избѣгать ихъ; теперь же у васъ съ ними вѣдь ничего нѣтъ общаго.

— Однако, оказывается больше, чѣмъ я думала, — отвѣчала раздражительно Лиза.

Розановъ замолчалъ.

— Лиза, послушайся няни, — упрашивала со слезами Женни.

— Матушка! другъ мой! послушайся няни, — умоляла, стоя у кровати на колѣняхъ, со сложенными на груди руками, старуха.

— Лизавета Егоровна! Гейне умирая, поручалъ свою безсмертную душу Богу, отчего же вы не хотите этого сдѣлать хоть для этихъ женщинъ, которыя васъ такъ любятъ? — упрашивалъ Розановъ.

— Хорошо, — произнесла съ видимымъ усиленіемъ Лиза.

Абрамовна вскочила, поцѣловала руку больной и послала свою кухарку за священникомъ, которая возвратилась съ какою-то длиненькою связочкою, завернутою въ чистенькій носовой платочекъ.

Сверточекъ этотъ она осторожно положила на стулъ, въ ногахъ Лизиной постели.

Больной становилось хуже съ каждою минутою. По цѣлой комнатѣ слышалось легочное клокотанье, и изъ груди появлялись окрашенные кровью мокроты.

Пришелъ пожилой священникъ, съ прекраснымъ блѣднымъ лицомъ, обрамленнымъ ниспадающими по обѣ стороны черными, волнистыми волосами, съ легкою просѣдью.

Онъ поклонился Евгеніи Петровнѣ и Розанову, молча раскаталъ свернутый эпитрахиль, надѣлъ его, взялъ въ руки крестъ и съ дароносицею вошелъ за Абрамовною къ больной.

— Попросите всѣхъ выйти изъ этой комнаты,—шепнулъ онъ нянѣ.

Они остались вдвоемъ съ Лизою.

Священникъ тихо произнесъ предъисповѣдныя слова и поклонился къ больной.

Лиза хрипѣла и продолжала смотрѣть въ стѣну.

.

Священникъ вздохнулъ, осѣнивъ ее крестомъ, и сильно взволнованный вышелъ изъ-за ширмы.

Провожая его, Розановъ хотѣлъ дать ему деньги. Священникъ отнялъ руку.

— Не безпокойтесь; не за что мнѣ платить, — сказалъ онъ.

Розановъ не нашелся ничего сказать.

Когда Розановъ возвращался въ комнату больной, въ передней его встрѣтила нѣмка-хозяйка съ претензіею, что къ ней перевезли умирающую.

— Вамъ будетъ заплачено за всѣ безпокойства, — отвѣтила ей, проходя, Розановъ.

Усиливающееся легочное хрипѣніе въ груди Лизы предсказывало скорую смерть.

Заѣхалъ Лобачевскій и, не заходя за ширмы, сказалъ:

— Конецъ.

— Вы очень изнурены, это для васъ вредно, усните, — посовѣтовалъ онъ Евгеніи Петровнѣ.

Та махнула опять рукою и заплакала.

— Перестань, Женни, — произнесла чуть внятно Лиза, давясь мокротою. — Душитъ меня, — проговорила она еще тупѣе черезъ нѣсколько времени и тотчасъ же, дѣлая надъ

собою страшное усилие, выговорила твердо: — Съ ними у меня общаго... хоть ненависть... хоть неумѣнье мириться съ тѣмъ обществомъ, съ которымъ всѣ вы миритесь... А съ вами... ничего, — договорила она и захлебнулась.

— Батюшка! колоколѣнь ужь бьетъ, — закричала изъ-за ширмы стоявшая вонѣ умирающей Лизы Абрамовна.

Розановъ метнулся за ширмы. Лиза съ выкатившимися глазами судорожно ловила широко раскрытымъ ртомъ воздухъ.

Евгенія Петровна упала въ дурнотѣ со стула; растерявшійся Розановъ бросился къ ней.

Когда онъ лилъ воду сквозь сжатые зубы Евгеніи Петровны, въ большой груди умирающей прекратилось хрипѣніе.

Посадивъ Вязмитинову, Розановъ вошелъ за ширмы. Лиза лежала навзничъ, закинувъ назадъ голову, зубы ея были стиснуты, а посинѣвшія губы открыты. На неподвижной груди ея лежалъ развернутый платочекъ Абрамовны съ тремя восковыми свѣчечками, четвертая тихо теплилась въ замершей рукѣ Лизы. Абрамовна, наклонивъ голову, шептала молитву и заводила вѣками остановившіеся глаза Лизы.

Похороны Лизы были просты, но не обошлись безъ особыхъ заявленій со стороны нѣкоторыхъ гражданъ. Одинъ изъ нихъ прошелъ въ церковь со стеариновою свѣчкою и во все время отпѣванія старался вылѣзть наружу. Съ этою же свѣчкою онъ мыкался всю дорогу до кладбища и, наконецъ, взлѣзъ съ нею на земляной отвалъ раскрытой могилы.

— Господа, мы просимъ, чтобъ рѣчей не было, этого не желала покойница и не желаемъ мы, — произнесъ Розановъ, замѣтя у гражданина со стеариновою свѣчкою какую-то тираду.

Всякіе гражданскіе мотивы были какъ-то ужасно противны въ эти минуты, и земля на крышку Лизинаго гроба посыпалась при одномъ церковномъ моленіи о вѣчномъ покоѣ.

Баронесса Альтерзонъ была на похоронахъ сестры и нашла, что она, бѣдняжка, очень перемѣнилась.

Бѣлоярцевъ шелъ на погребеніе Лизы тоже съ стеариновою свѣчкою, но все время не зажигалъ ее и продержалъ въ рукавѣ шубы. Тонкое, лисье чутье давало ему чувствовать, что погода скоро можетъ перемѣниться и нужно поубрать парусовъ, чтобы было на чемъ поплавать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Новѣйшіе моды и фасоны.

(Послѣдняя глава вмѣсто эпилога.)

Девятаго мая, по случаю именинъ Николая Степановича, у Вязмитиновыхъ была пирушка. Кромѣ обыкновенныхъ посѣтителей этого дома, мы встрѣчаемъ здѣсь множество гостей, вовсе намъ не знакомыхъ, и нѣсколько такихъ лицъ, которыя едва мелькнули передъ читателемъ въ самомъ началѣ романа и которыхъ читатель имѣлъ полное право позабыть до сихъ поръ. Здѣсь вдова камергерша Мерева, ея внучка, которой Помада когда-то читалъ чистописаніе и которая нынче уже выходитъ замужъ за генерала; внучка камергерши въ гусарскомъ мундирѣ, съ золотушнымъ прапомъ, выходящимъ на щеку изъ-подъ лѣвой челюсти; Алексѣй Павловичъ Зарницынъ въ вицъ-мундирѣ и съ крестомъ за введеніе мирового положенія о крестьянахъ и, наконецъ, братецъ Евгеніи Петровны, Ипполитъ Петровичъ Гловацкій, котораго икогда съ такими усиліями старались отравовать отъ тяжелой отвѣтственности, грозившей ему по университетскому дѣлу. Теперь Ипполитъ Гловацкій возмужалъ, служитъ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ и старается держать себя государственнымъ человѣкомъ.

Губернія налетѣла сюда, какъ обыкновенно губерніи налетаютъ: одинъ станеть собираться, другому дѣлается завидно.—дѣло сейчасъ находится, и, смотришь, нѣсколько человѣкъ, свободно располагающихся временемъ и извѣстными капиталомъ, разомъ снялись и полетѣли вереницею зѣвать на зеркальныя окна Невскаго проспекта и изучать то особенное чувство благоговѣйнаго трепета, которое охватываетъ человѣка, когда онъ прикасается къ топазовой ручкѣ звонка у квартиры могущественной особы.

Камергерша Мерева ѣхала, потому что сама хотѣла отобрать и приготовить приданое для выходящей за генерала внучки; потомъ желала просить полкового командира о внукѣ, только что произведенномъ въ кавалерійскіе корнеты, и, наконецъ, хотѣла повидаться съ какими-то старыми пріятелями и основательно разузнать о намѣреніяхъ правительства по крестьянской реформѣ.

Камергерша Мерева была твердо увѣрена, что вѣчное призначе за крестьянами правъ личной свободы дѣло рѣ-

нительно невозможное, и постоянно выскивала вездѣ слуховъ, благоприятствующихъ ей надеждамъ и ожиданіямъ.

Алексѣй Павловичъ Заринцынъ поѣхалъ въ Петербургъ, потому что поѣхала Мерева и потому что самому Алексѣю Павловичу давно смертъ какъ хотѣлось прокатиться. Практическая и многоопытная супруга Алексѣя Павловича давно вывела его въ убѣдѣніи предводители дворянства и употребила его для исправленія своихъ отношеній съ камергершей, которая не хотѣла видѣть Кожухову съ тѣхъ поръ, какъ та, заручившись дарственной записью своего перваго мужа, выжила его изъ его собственнаго имѣнія. Не сама Мерева, а ея связи съ аристократическимъ міромъ Петербурга были нужны Катеринѣ Ивановнѣ Заринцыной, пожелавшей въ виду кивающей ей старости оставить деревенскую идиллію и пожить окнами на Большую Морскую или на Милліонную. Катеринѣ Ивановнѣ задумалось повести жизнь такъ, чтобы Алексѣй Павловичъ въ двѣнадцать часовъ уходилъ въ должность, а она бы выходила подышать воздухомъ на Англійскую набережную, встрѣчалась здѣсь съ однимъ или двумя очень милыми несмысленными въ мундирахъ конвогардейскихъ корнетовъ, съ едва пробивающимся на верхней губѣ пушкомъ, чтобы они поговорили про городъ, про скоромные скандалы, прозябли, потомъ зашли къ ней, Катеринѣ Ивановнѣ, усѣлись въ самомъ уютномъ уголкѣ съ чашкою горячаго шоколада и, согрѣваясь, впадали въ то пріятное состояніе, для котораго еще и итальянцы не выдумали до сихъ поръ хорошаго названія. И такъ далѣе: все «въ самомъ, въ самомъ игривомъ», и все при неотмѣнномъ присутствіи корнета съ пробивающимся на верхней губѣ пушкомъ.

Катерина Ивановна, долго засидѣвшаяся въ провинціальной глуши, обманывала себя, преувеличивая свѣтское значеніе старой камергерши. Однѣ петербургскія связи Меровой отъ времени слишкомъ вытянулись и ослабѣли, другія уже вовсе не существовали. Но Катерина Ивановна не брала этого въ расчетъ, всячески заискивала расположенія Меровой сама и возила къ ней на поклонъ своего мужа. Алексѣй Павловичъ давно утратилъ свою автономію и плясалъ по жениной дудкѣ. Онъ былъ снаряженъ и отправленъ въ Петербургъ, съ цѣлю специально служить камергершѣ и открытъ себѣ при ея посредствѣ служебную дорогу, но онъ

всѣмъ разсказываль и даже самъ былъ глубоко убѣжденъ, что ѣдетъ въ Петербургъ для того, чтобы представиться министру и получить отъ него инструкцію по нѣкоторымъ весьма затруднительнымъ вопросамъ, возникающимъ изъ современныхъ дворянскихъ дѣлъ.

Губернаторскій чиновникъ особыхъ порученій Ипполитъ Гловацкій, огорчаемый узкостью губернской карьеры, поѣхаль съ Заринцынымъ, чтобы при содѣйствіи зятя перемѣститься на службу въ Петербургъ.

— Какъ же ты оставишь отца?—спрашивала его Евгенія Петровна.

— А что же, матушка, дѣлать! Нельзя же мнѣ съ этихъ поръ закабалить себя въ провинціи и погубить свою карьеру.

— Это, къ сожалѣнію, очень грустно, но совершенно справедливо,—замѣтилъ Вязмитиновъ.

— Я сама поѣду весною съ дѣтьми къ отцу,—отвѣчала Евгенія Петровна.

— Лучше перевеземъ его сюда.

— Нѣтъ, зачѣмъ же! Для чего тащить его изъ-подъ чистаго неба въ это гадкое болото! Лучше я къ нему поѣду; мнѣ самой хочется отдохнуть въ своемъ старомъ домикѣ. Пошиву съ отцомъ, погощу у матери Агніи, поставлю памятникъ на материней могилѣ.

— А что мать Агніа?—спросилъ Вязмитиновъ, обращаясь къ Меревой.

Вся эта бесѣда происходитъ за круглымъ чайнымъ столомъ въ день упомянутыхъ именинъ Вязмитинова.

Камергерша сложила свои сухія, собранныя въ смовку губы и, произнося русское *и*, не какъ русское *ю*, а какъ французское *и*, отвѣчала: «ужасная чудиха!»

— Помнишь, Ипполитъ, какъ она когда-то не могла простить тебѣ твоего отзыва о монастыряхъ и о Пушкинѣ?—говорилъ весело Вязмитиновъ.

— Однако, простила же и, можетъ-быть, благодаря ей Ипполитъ не сдѣлался солдатомъ,—вмѣшалась Евгенія Петровна.

— Что ея племянница?—освѣдомилась Мерева.

— Лиза? Она умерла.

— Скажите! Какъ это странно! Отчего же это она умерла?

— Простудилась.

— Всю жизнь изжила,—подсказаль Вязмитиновъ.

— Какой ты нынче острогонь!—замѣтилъ, ставя на столъ свою чашку, Розановъ.

— Съ ней тамъ опять была исторія почти въ томъ же родѣ,—начала, выдавливая слова, Мерева.—На моего внука разсердилась:—вотъ на него,—пояснила камергерша, указывая на золотушнаго гусара.

— Это вы о комъ говорите?

— Объ игуменьѣ.

— Извините, пожалуйста, я не понялъ.

— Да. Представьте себѣ, у нихъ живописцы работали. Ню, она на воротахъ назначила нарисовать страшный судъ,—картину. Ню, мой внукъ, разумѣется, мальчикъ молодой... знаете, скучно, онъ и далъ живописцу двадцать рублей, чтобы тотъ въ аду нарисовалъ и Агнію, и всѣхъ ея главныхъ помощницъ.

Нѣсколько человѣкъ захохотали и посмотрѣли на молодого гусара.

— Ню, такъ и сдѣлалъ,—заклчила, улыбаясь, Мерева.—Старуха разсердилась, прогнала живописца и велѣла всѣ лица перерисовать.

— Гласность!—замѣтилъ какой-то желчный пожилой чиновникъ.

— Да, а себя, говорятъ, такъ и велѣла оставить.

— Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ глупо,—сказала за стуломъ Евгеніи Петровны Розановъ.

— Именно,—отвѣчала хозяйка.

О Θεоктиствѣ Мерева ничего не знала.

— А объ этомъ,—говорила она, захвативъ одного статскаго генерала со звѣздою:—я хоть и въ провинціи живу, но могу вамъ сообщить самыя вѣрныя свѣдѣнія, которыя прямо идутъ изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ. Австрійскій императоръ, французскій императоръ и прусскій король писали къ нашему императору, что такъ какъ у нихъ крестьяне всѣ освобождены безъ земли, а нашъ императоръ далъ крестьянамъ землю, то они боятся, что ихъ крестьяне, узнавши про это, бунтъ сдѣлаютъ, и просили нашего императора отобрать у нашихъ крестьянъ землю назадъ. Ню, и нашъ императоръ принялъ это во вниманіе. Я это навѣрное знаю, потому что нашъ владыка былъ здѣсь въ Петербургѣ и его регентъ, который съ нимъ тоже былъ здѣсь, все это мнѣ самой рассказывалъ.

— Смѣю васъ увѣрить, ваше превосходительство, что все это чистѣйшій вздоръ, — раскинулся передъ Меревою статскій генераль, стараясь ее всячески урезонить.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Нѣтъ, вы ужь, пожалуйста, не говорите мнѣ этого, — отирашивалась Мерева.

— Ну, и хорошо; ну, и положимъ, что должность, какъ ты говоришь, самостоятельная; ну что же я на ней сдѣлаю? — спрашивалъ въ углу Ипполитъ у Вязмитинова, который собирался сейчасъ просить о немъ какого-то генерала.

— Можешь самостоятельно работать, можешь заявлять себя съ выгодной стороны и проводить полезную инициативу.

— Да... инициатива, это такъ... но мѣсто это, все-таки, выходитъ въ восьмомъ классѣ; — что же я получу на немъ? Мнѣ нуженъ классъ, дорога. Нѣтъ, ты лучше проси о томъ мѣстѣ. Пускай оно тамъ и пустое, да оно въ седьмомъ классѣ, — это важно, если меня съ моимъ чинишкомъ допустить къ исправленію этой должности.

— Если ты такъ смотришь, пусть будетъ по-твоему, — отвѣчалъ Вязмитиновъ.

— Да какъ же смотрѣть-то иначе?

— Пожалуй, можетъ-быть, ты и правъ.

— Нѣтъ, позвольте, — говорили на перебой молодая супруга одного начальника отдѣленія и внучка камергерши Меревой, забывая на смерть Зарницына и еще нѣсколькихъ молодящихся чиновниковъ. — Что же вы, однако, предоставили женщинѣ?

— Нашъ законъ... нашъ законъ признаетъ за женщиною право собственности и по выходѣ замужъ, у насъ женщина имѣетъ право подавать свой голосъ на выборахъ... — исчислялъ Зарницынъ.

— Да это законъ, а вы-то, вы-то сами что предоставили женщинѣ? Что у васъ женщина въ семьѣ? Мать, стряпуха, нянька вашихъ плаксивыхъ ребятъ, и только.

— Въ семьѣ каждая женщина должна...

— *Должна!* Вотъ опять *должна!* Я слышать не могу этого ненавистнаго слова: *женщина должна*. Отчего же, я васъ спрашиваю, мужчина не долженъ?

— Но позвольте, я хотѣлъ сказать, что женщина должна сама себя поставить, сама себѣ создать соотвѣтственное положеніе.

— Ну, а что твой камрадъ Звягинъ, съ которымъ вы университетъ переворачивали: гдѣ онъ нынче воюеть? — спрашивалъ за ужиномъ Иннолита Вязмитиновъ.

— Звягинъ воюеть? помилуй! смиренный селянинъ, жевать, двое дѣтей, служить мировымъ посредникомъ и мхомъ обрастаетъ.

— На комъ онъ женатъ?

— Никона Родивоновича помнишь?

— Еще бы!

— На его дочкѣ, на Ульяночкѣ.

— Господи Боже мой! а мотался, мотался, бурлилъ, бурлилъ!

— Изъ бродячихъ-то дрождей и пиво бываетъ, — возразилъ Розановъ.

— А ужъ поколобродилъ и подурилъ.

— Всѣ мы на свой най и поколобродили, и подурили.

— Н-ну, не всѣ, я думаю, одинаково, — съ достоинствомъ отвѣчалъ Вязмитиновъ. — Иное дѣло увлекаться, иное метаться, какъ угорѣлому, на всякую чешуху.

— Да-съ, можемъ сказать, что, поистинѣ, какую-то безшабашную пору прожили, — вмѣшался еще не старый статскій генералъ. — Ужъ и теперь даже вспомнить странно; самъ собѣ не вѣришь, что собственными глазами видѣлъ. Всюду рвались и вездѣ осрамилсь.

— Вещество мозга до сихъ поръ еще недостаточно выработано, — весьма серьезно вставилъ Лобачевскій.

— Н-ну, иные и съ этимъ веществомъ да никакихъ безобразныхъ чудесъ не откалывали и изъ угла въ уголь не металсь, — резонировалъ Вязмитиновъ. — Вотъ моя жена была со всѣхъ сторонъ окружена самыми эмансипированными подругами, а не забывала же своего долга и не увлекалась.

— Почему вы это знаете? — спросила Евгенія Петровна съ тонкой улыбкой.

— А что? — подозривъ Розановъ.

— Ну, по крайней мѣрѣ, ты же не моталась, не рвалась никуда.

— Потому что некуда, — опять полусхутя отвѣтила Евгенія Петровна.

— А мое мнѣнiе, не намъ съ тобой, братъ, Николай Степановичъ, быть строгими судьями. Мы съ тобой видѣли,

какъ порывались молодая силы, какъ не могли онѣ отыскать настоящей дороги и какъ въ криворосѣ ударились. Намъ съ тобой простить наши личные оскорбленія да пожалѣть о заблужденіяхъ,—вотъ наше дѣло.

Вязмитиновъ замолчалъ.

— Нѣтъ, позволь, позволь, братъ Розановъ, — вмѣшался Зарницинъ.—Я сегодня встрѣчаю Птицына. — Ну, старый товарищъ, поздоровались и разговорились! «Ты, говорю ему, у насъ первый либераль нынче». — Кой чортъ, говоритъ, либераль: я тебѣ скажу: всѣ либералы свиньи. — «Ты-жъ, говорю, самъ крайній и пишешь въ этомъ родѣ!»—А чортъ ихъ, говоритъ, возьми: мало ли что мы пишемъ! Я бы, говоритъ, даже давно написалъ, что они свиньи.—«Да что же, спрашиваю?» — Напечатають, говоритъ, что я пьяный на тротуарѣ валялся,—и самъ смѣется... Ну, что это за люди, я васъ спрашиваю?

— Комикъ! комикъ!—остановилъ его Розановъ.—Ну, а мало ли, что мы съ тобой говоримъ? Что-жъ мы-то съ тобой за люди?

— Повторяю вамъ, вещество человѣческаго мозга недостаточно выработано,—опять произнесъ Лобачевскій.

— Ну, а я на моемъ стою: некуда было идти силамъ, онѣ и пошли въ криворосѣ. Вонъ за Питеромъ во всю ширь распахивается великое земское дѣло; оно прибрало къ себѣ Звягина, соберетъ къ себѣ и всѣхъ.

— Только ужъ не вашихъ истербургскихъ гражданъ.

— Граждане тоже люди русскіе,—перебилъ Розановъ:—еще посмотримъ, что изъ нихъ будетъ, какъ они промежъ себя разбираться станутъ.

— Ну, а вашъ братъ непременно очень, очень далеко пойдетъ,—радовала Евгенію Петровну на прощанъ Мерева.

— Онъ довольно способный мальчишкѣ,—равнодушно отвѣчала Вязмитинова.

— Этого мало, — съ удареніемъ и жестомъ произнесла Мерева: — но онъ очень, очень искательный молодой человекъ: очень искательный молодой человекъ, который не можетъ не пойти далеко.

Въ эту же пору, когда гости Вязмитинова пировали у него на именинахъ, въ пустынной улицѣ, на которой стоялъ *Домъ Согласія*, происходила сцена иного характера.

Въ *Домъ* царствовала невозмутимая тишина, и въ тем-

ныхъ стеклахъ оконъ только игралъ блѣдный мѣсяць. Штатъ *Дома* былъ въ разстройствѣ. Прорвичъ уѣхалъ къ отцу; Бѣлорцевъ хандрилъ и надумалъ проѣхать съ Бертольди въ Москву, чтобы сообразить, не выгоднѣ ли тамошнія условія для перенесенія туда *Дома Союлася*. Дома оставались только Каверина, Ступина и Ольга Александровна. Каверина, обвязанная платкомъ, валялась съ больными зубами по постели и перелистывала какую-то книгу, а Ступина, совсѣмъ одѣтая, спала у нея на диванѣ и сладко поводила во снѣ своими пунсовыми губками.

Ольги Александровны Розановой не было дома.

Часу въ одиннадцатомъ, въ концѣ пустой улицы, послышалось тихое дребезжаніе извозничихъ дрожекъ. Утлый экипажъ долго ползъ по немощенной улицѣ и, не доѣзжая нѣсколькихъ саженъ до дома, занятого гражданами, остановился въ тѣни, падавшей отъ высокаго деревяннаго забора.

Съ дрожекъ легко спрыгнула довольно стройная женская фигура, закутанная въ широкій драповый бурнусъ и большой мериносовый платокъ.

— Подходи вотъ туда,—указала фигура на крайнія окна и, держась тѣневой полосы, скользнула въ незапертую калитку пустыннаго дома.

Черезъ нѣсколько минутъ рама въ одномъ изъ указанныхъ вошедшею въ домъ женщиною оконъ задрожала. Долго она не уступала усиліямъ слабой руки, но, наконецъ, открылась и хлопнула половинками по ломаннымъ откосамъ.

Въ то же мгновеніе въ раскрытомъ окнѣ показался большой узелъ въ бѣлой простынѣ и полетѣлъ внизъ. За этимъ узломъ послѣдовалъ точно такой же другой.

Прежде чѣмъ къ этимъ узламъ осторожно подскочилъ и взялъ ихъ оставшійся въ тѣни извозчикъ, въ другомъ концѣ дома торопливо распахнулись разомъ два другія темныя окна и въ каждомъ изъ нихъ показалось по женской головѣ.

Перепуганный извозчикъ, при этомъ новомъ явленіи, рѣшительно схватилъ оба узла и помчался съ ними, насколько ему позволяла ихъ тяжесть, къ стоявшимъ въ тѣни дрожкамъ.

— Воры! Воры!—закричали въ окнахъ Каверина и Ступина, не сводя глазъ съ убѣгавшихъ подъ заборомъ бѣлыхъ узловъ.

Въ это время на заднемъ ходѣ хлопнула сильно пущен-

ная дверь, что-то едва слышно скатилось по лѣстницѣ и изъ калитки опять выскочила знакомая намъ женская фигура.

— Воры! воры!—еще громче закричали обѣ женщины.

— Гдѣ, матушка?—верти во все стороны головой освѣдомлялся выбѣжавшій сиросонья изъ передней Мартемьянъ Ивановъ.

Каверина вмѣсто отвѣта ткнула его въ окно и указала на узлы, отбѣзжавшіе на дрожжахъ вмѣстѣ съ вышедшею изъ калитки женщиною.

Мартемьянъ Ивановъ загромыхалъ по каменнымъ ступенямъ лѣстницы и, выправившись изъ калитки, побѣжалъ было по улицѣ вдогонку за похитителями, но на десятомъ шагу упалъ и, медленно поднявшись, началъ сиди переобуваться.

— Бѣги же, бѣги скорѣе!—кричали ему женщины.

Мартемьянъ Ивановъ только кряхтѣлъ и обувался.

— Что за увалень!—говорила, глядя на него съ отчаяніемъ, Каверина.

— Ды-тъ, матушка, нѣтъ онъ тому причинень?—ублажала ее появившаяся у нихъ за спинами Мароа.—Онъ бы и всей своей радостной радостью радъ, да гдѣ-жъ ему догнать лошадь! Когда бы у него обувка, какъ у добрыхъ людей, ну еще бы, а то вѣдь у него сапожищи-то—демоны неспособные.

Мартемьянъ Ивановъ посидѣлъ среди улицы, вздѣлъ предательски сваливагося съ ноги неспособнаго демона и, разведя врозь руками, въ уныніи пошелъ назадъ, чтобы получить новыя инструкціи.

Тревога была напрасная: воровъ никакихъ не было. Ольга Александровна, не совладѣвъ съ собою и не найдя въ себѣ силы переговорить съ гражданами и обличить передъ ними свою несостоятельность къ продолженію гражданского образа жизни, просто-напросто рѣшилась уѣхать къ *мужу*, какъ другія уѣзжаютъ *отъ мужа*.

— Водевилъ!—говорила Ступина, ходя по опустѣвшей комнатѣ Ольги Александровны и держа въ рукахъ оставленную ею на столѣ лаконическую записку.

— А мы, матушка, съ Мартемьяномъ хотимъ завтра...—проговорила Мароа.

— Что такое завтра?—спросила Каверина.

— Прочь отъ васъ.

— Вотъ вамъ и сюрризы!—отнеслась она къ Ступиной.

— Кажется, намъ всѣмъ уже пора отсюда убраться, — отвѣчала Ступина, давно желая вырваться изъ этой сладкой жизни.

Каверина ничего не отвѣтила: она думала то же самое, что Ступина.

Розановъ возвратился домой отъ Вязмитиновыхъ весьма поздно. Проходя черезъ свою гостиную, онъ едва не упалъ, наткнувшись на большой узелъ, и въ то же время увидалъ, что съ стоящаго здѣсь мягкаго дивана поднялась и сѣла женская фигура въ спальномъ чепцѣ и бѣлой кофтѣ.

— Что это?—спросилъ изумленный Розановъ.

— То, что я не могу такъ оставить на вашихъ рукахъ моего ребенка,—отвѣчала фигура.

Розановъ узналъ голосъ жены.

— Что же вамъ, наконецъ, еще угодно?—спросилъ онъ спокойно.

Ольга Александровна задорно сапнула.

— Я знаю мои права, — произнесла она, поворачиваясь и толкая локтемъ уснувшую возлѣ нея дѣвочку.

— Ну-съ!

— Я... я должна обезпечить моего ребенка.

Дитя проснулось, сѣло и, ничего не понимая изъ происходящей вокругъ него сцены, терло глазки и клѣнилось къ оставленной подушкѣ.

— Я должна ее обезпечить,—еще смѣлѣе и громче произнесла Ольга Александровна.

Докторъ молча прошелъ въ свой кабинетъ и на утро распорядился только заставить шкапомъ однѣ двери, чтобы такимъ образомъ раздѣлить свою квартиру на двѣ какъ бы отдѣльныя половины.

Спустя мѣсяцъ послѣ только-что рассказанныхъ событій, далеко отъ Петербурга, по извиистой дорожкѣ, проложенной луговою поймою рѣки Саванки, передъ вечеромъ катились незатѣйливые бѣгунцы, на которыхъ сидѣлъ коренастый молодой купецъ въ сѣромъ люстриновомъ сюртукѣ и старомодномъ картузѣ съ длиннымъ прямымъ козырькомъ.

Послѣ страшно знойнаго дня, среди котораго подъ па-

лящими лучами солнца такъ и всpirалась, такъ кипима и кипѣла въ высокой травѣ всяческая мелкая тварь. Божія, вызванная изъ прогрѣтой и испаренной почвы, — настала упонительный вечеръ. Готовая къ покосу трава тихо стояла окаменѣвшимъ зеленымъ моремъ; ея крошечные безпокойные жильцы спустились къ розовымъ корнямъ и пестрые ужи съ сѣрыми гадинами, зачюявъ вечернюю прохладу, ушли въ свои норы. Только высокія будыля чемерицы и коневьяго щавелю торчали надъ засыпающимъ зеленымъ моремъ, оставаясь наблюдать, какъ въ сонную траву налетятъ коростели и пойдутъ трещать про свои неутомимыя ночныя заботы.

Молодого человѣка, проѣзжающаго въ этотъ хороший вечеръ по саванскому лугу, зовутъ Лукою Никоновичемъ Масляниковымъ. Онъ сынъ того Никона Родіоновича Масляникова, которымъ въ началѣ романа похвалялся мѣщанинъ, какъ сильнымъ человѣкомъ: захочетъ тебя въ острогъ посадить, — засадить; захочетъ въ полиціи розгами отодрать, — тоже отдеретъ въ лучшемъ видѣ.

Лука Никоновичу перевалило уже за тридцать лѣтъ; входя въ постоянный возрастъ, онъ, по русскому обычаю, началъ вширь добрѣть и на его правильномъ молодомъ лицѣ постоянно блуждала тихая задумчивость и сосредоточенность. Велъ себя Лука Никоновичъ вообще не фертикомъ торговаго сословія, а человѣкомъ солиднымъ и дѣловымъ. Схоронивъ, три года тому назадъ, своего грознаго отца, онъ не расширяя своей торговли, а купилъ болѣе двухъ тысячъ десятинъ земли у камергерши Меревой, взялъ въ долгосрочное арендное содержаніе три большія помѣщичьи имѣнія и всей душой пристрастился къ сельскому хозяйству. Лука Никоновичъ былъ женатъ, по приказанію родительскому, на богатой дѣвушкѣ, которой онъ не любилъ и съ которою въ жизни не нашелъ никакого утѣшенія; по сестру свою, Ульяну Никонову, онъ выдалъ замужъ за мирового посредника Звягина, по взаимной склонности, и жилъ съ зятемъ въ большой дружбѣ, любилъ сестру, раздѣлился съ нею по-братски, крестилъ ея дѣтей и заботился поокруглить и расширить небольшой наслѣдственный зятинъ участокъ.

— Ты послужи обществу, а это я за тебя устрою, — говорилъ онъ зятю.

У широкаго перелога Лука Никоновичъ взялъ налѣво и, проѣхавъ нѣсколько шаговъ, остановился.

Въ сторонѣ отъ дорожки, въ густой травѣ, сидѣла молодая женщина съ весьма красивымъ, открытымъ русскимъ лицомъ. Она закручивала стебельки цикорія и давала ихъ двухлѣтнему ребенку, котораго держала у себя на колѣняхъ. Возлѣ нея сидѣла дѣвочка лѣтъ восьми или девяти и лѣнливо дергала за дышельце тростниковую дѣтскую телѣжку.

— Здравствуй, дворянка! — крикнулъ Лука Никоновичъ, осадивъ вожжами свою лошадь.

— Братъ, здравствуй! — радостно отвѣтила молодая женщина и, подойдя къ дрожкамъ, поцѣловала его въ губы.

— Что твой милый баринъ—дома?

— Дома; вчера пріѣхалъ и завтра опять собирается. Господи, что это за служба такая: почти и не видимся.

— Лучше, не скоро другъ другу наскучите. — Садитесь-ка, я доведу тебя.

Ульяна Никоновна прыгнула къ брату на бѣгунцы, взяла у дѣвочки ребенка, и они поѣхали.

— Нельзя, матушка: надо служить обществу, — говорилъ ей фдучи Лука Никоновичъ. — Отшпираться отъ такой службы стыдъ зазригъ.

У подлѣзда низенькаго, крытаго соломой, дома ихъ встрѣтилъ молодой человекъ съ симпатичною наружностью.

— Здравствуйте, господинъ Звягинъ! — привѣтствовалъ его Лука Никоновичъ.

— Газетъ привезъ?

— Привезъ, братъ, тебѣ и газетъ, и новостей со всѣхъ волостей.

Хозяйка и гость сѣли у крылечка.

— Командирша наша тебѣ кланяется.

— Мерева пріѣхала?

— Пріѣхала, братъ.

— Всѣхъ тамъ видѣла? — съ легкой grimасой спросилъ Звягинъ.

— Всѣхъ: и князей, и королей, и министровъ: всѣхъ, говоритъ, видѣла. Году, говоритъ, не пройдетъ, крестьяне опять наши будутъ.

— Не будутъ ли еще ихъ брату денегъ раздавать за убытки?

— Нѣтъ, этого, должно, не надѣется; денегъ у меня опять

просила.— Ты, говорить, Лука Никонович, мужикамъ даешь, а мнѣ дать не хочешь.— Мужики, говорю, ваше превосходительство, деньги въ дѣло обращаютъ, а вамъ на что она?— Видишь, говорить, я внучку снаряжаю.— Ну, говорю, это, сударыня, кабы за ровню, точно что помочь надо; а такой, говорю, почтенный женихъ этакую невѣсту и безъ всего долженъ взять да на ручкахъ носить и пыль обдуть.

— Ужъ и правда!— вмѣшалась Ульяна Никоновна.

— И все тутъ?

— Къ Александру Тихоничу дочка вчерашняго числа прѣѣхала изъ Петербурга. Съ мужемъ, говорятъ, совсѣмъ рѣшилась: просить отца въ монастырѣ келейку ей поставить и тамъ будетъ жить бѣлицей.

— Это та, что за докторомъ-то была?— спросила Ульяна Никоновна и, получивъ утвердительный отвѣтъ, добавила:— о, Господи! ужъ когда же это она у нихъ уходится?

— А вотъ теперь уходится. И мнѣ, братъ ты мой, радость. Представленіе мое разрѣшено: получилъ денешу, что представленіе головы разрѣшено во всѣхъ частяхъ.

— Теперь, значить, и пожарная команда, и ремесленная школка, и больница, все у тебя закипитъ.

— Закипитъ, братъ. Первое дѣло подберу сиротъ, да въ школу, чтобы не пронадали, а потомъ въ Москву.

— Чего это?

— Секретаря себѣ изъ студентовъ хочу взять въ думу. Пятьсотъ рублей своихъ дамъ, пятьсотъ соберу, да чтобы человекъ былъ. Возьми жалованье и живи честно.

— А надъ новымъ любишь еще подтрунивать.

— Да надъ чѣмъ пойдешь! Вонъ Бахарева зять стальныхъ плуговъ навезъ мужикамъ,— извѣстно и надо смѣяться. А хорошаго, ученаго человека привезть, заплатить ему хорошо, да тогда и работу съ него спрашивать,— смѣху нѣтъ никакого.

— У меня тоже есть чѣмъ похвалиться: Боровковская волость составила приговоръ, чтобы больше уже не сѣчься.

— Ну, вотъ видишь! Я говорилъ, сами надумаются. Такъ-то, матушка-сестрица: вотъ и пойдетъ у насъ городъ городомъ. Чего добраго, нате вамъ, еще и театръ заведемъ. Знай нашихъ!

— Заведи, заведи, а найдетъ на тебя какой-нибудь пи-

сака, да такъ тебя отдѣляетъ, что всѣ твои восторги разлетятся,—шутить Звягинъ.

— Ну, какъ же важное блюдо на лопатѣ твой писатель. Знаемъ мы ихъ—теплые тоже ребята; ругай другихъ больше, подумаютъ, самъ, молъ, должно, всѣхъ умнѣй. Итъ, братъ, насъ съ дороги этими сочиненіями-то не сшибешь. Имъ тамъ сочиняй да сочиняй, а тутъ что устроилъ, такъ то и лучше того, чѣмъ не было ничего. Я, знаешь, урывалъ время, все читалъ, а нонче ничего не хочу читать,—осерчалъ.

— Сердить ужъ ты очень бываешь, Лука Никоновичъ?

— Я, братъ, точно, сердить. Сердить я разъ потому, что мнѣ дохнуть некогда, а людямъ—все пустяки на умѣ; а то тоже я терпѣть не могу, какъ кто не дѣло говорить. Мутоврять народъ тотъ туда, тотъ сюда, а сами, ей право, великое слово тебѣ говорю, дороги никуда не знаютъ, безъ нашего брата не найдутъ ея никогда. Все будутъ кружиться и все сѣсть будетъ некуда.

Библиотечный фонд
инв. 2977
518.
194. 36

Оглавленіе

XI ТОМА.

Некуда. Романъ въ трехъ книжкахъ.

Книга третья: На Невскихъ берегахъ.

	стр.
I. Старые знакомые на новой почвѣ	5
II. «Domus»	8
III. Гражданская семья и генераль безъ чина	20
IV. Вопросы дня	30
V. Дуэнья	35
VI. Тополь да березка	37
VII. Мирское и гражданское житье	42
VIII. Первый блинъ	48
IX. Девятый валъ	55
X. Мамрады	70
XI. Совершенно независимая дама	74
XII. Анекдотъ	78
XIII. Опыты и упражненія	86
XIV. Начало конца	96
XV. Механики	99
XVI. Неожиданный оборотъ	106
XVII. И сырыя дрова загораются	111
XVIII. Землетрясеніе	120
XIX. Въ Бѣловѣжѣ	126
XX. Что предсказывали старый зубръ, филинъ и собака	134
XXI. Баронъ и баронесса	141
XXII. У редактора отсталого журнала	149
XXIII. Post scriptum	157
XXIV. Смерть	162
XXV. Новѣйшіе моды и фасоны	172

1870
MAY 10